

*Ежеквартальный
Научно-практический
журнал*

№ 4 2011

Конфликтология

Учредитель:

*Международная ассоциация конфликтологов,
Фонд развития конфликтологии*

*при участии и поддержке
представителей Санкт-Петербургского Союза ученых,
Санкт-Петербургского государственного университета
и Ставропольского государственного университета*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Степанов Евгений Иванович — доктор философских наук, профессор, Президент Международной ассоциации конфликтологов (МАК) (Москва) — главный редактор, председатель Редакционного совета журнала;

Стребков Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии, заместитель председателя учебно-методического совета по образованию в области конфликтологии УМО по инновационным междисциплинарным образовательным программам при Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург) — заместитель главного редактора журнала;

Авксентьев Виктор Анатольевич — доктор философских наук, профессор, Южный научный центр РАН, заведующий отделом социально-политических проблем Кавказа (Ставрополь);

Васильев Юрий Владимирович — доктор политических наук, профессор, директор Ставропольского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Ставрополь);

Газимагомедов Газимагомед Гамзатович — доктор политических наук, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Головин Юрий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Ярославль);

Гришина Наталья Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Даудов Абдулла Хамидович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории предпринимательства и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Дахин Андрей Васильевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Волго-Вятского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Нижний Новгород);

Дудник Сергей Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, декан философского факультета СПбГУ, Председатель учебно-методического совета по образованию в области конфликтологии УМО по инновационным междисциплинарным образовательным программам при Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург);

Карпенко Александр Дмитриевич — кандидат биологических наук, доцент кафедры конфликтологии, директор Центра развития переговорного процесса и мирных стратегий в разрешении конфликтов Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Митяева Анна Михайловна — доктор педагогических наук, профессор заведующая кафедрой управления и конфликтологии Социального факультета Орловского государственного университета (Орел);

Проданов Васил — член-корреспондент Болгарской Академии наук (София);

Салагаев Александр Леонидович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой политической и социальной конфликтологии Казанского государственного технологического университета (Казань);

Самарин Анатолий Николаевич — член-корреспондент Всемирной Академии наук комплексной безопасности (ВАНКБ), доцент МГИМО (университет МИД России) (Москва);

Старостин Александр Михайлович — доктор политических наук, профессор, проректор по науке, послевузовскому и дополнительному профессиональному образованию и декан факультета переподготовки кадров Северо-Кавказской Академии народного хозяйства и государственной службы (Ростов-на-Дону);

Тагиров Энгель Ризакович — доктор исторических наук, профессор, ректор Института культуры мира (Казань);

Тимофеева Лидия Николаевна — доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, вице-президент Российской академии политических наук (Москва);

Шалаев Владимир Павлович — доктор философских наук, профессор, декан факультета социальной работы и туризма Марийского государственного технического университета (Йошкар-Ола);

Шаленко Валентин Николаевич — доктор социологических наук, профессор Российского государственного социального университета (РГСУ) (Москва).

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН ВАК

(РЕШЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ МИНОБРНАУКИ РОССИИ

от 19 февраля 2010 года № 6/6)

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	5
--------------------------	---

Конфликты и общество

Общие методологические и концептуальные подходы и проблемы

Алдаганов М. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ДИХОТОМИЯ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ КОМПРОМИССА.....	7
Быстрянец С. Б. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ОШИБКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИЗМЕРЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	15
Козлов А. С. (МОСКВА) «ПОДЧИНЕНИЕ» КОНФЛИКТУ.....	26

Политическая конфликтология в глобальном и региональном аспектах

Гузынин Н. Г. (СТАВРОПОЛЬ) ПРОБЛЕМА «ПРОПИСКИ» КОНСЕРВАТИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ.....	36
---	----

Нормативно-правовые аспекты взаимодействия

Симпозиум «нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике» NORSY2011 (9–10 сентября 2011 года, С.-Петербург). Обзор.....	44
Невважай И. Д. (САРАТОВ) О ДВУХ ТИПАХ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ.....	48
Честнов И. Л. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ДИАЛОГИЧНОСТЬ НОРМЫ ПРАВА.....	57
Лисанюк Е. Н. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) К. АЛЬЧУРРОН И Е. БУЛЫГИН О НОРМЕ В «НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМАХ».....	62
Пермяков Ю. Е. (САМАРА) ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ПРАВОВЫХ НОРМ И СУЖДЕНИЙ.....	75
Титов В. Д. (ХАРЬКОВ) ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА И НОРМАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ.....	83

Тимошина Е. В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НОРМА ПРАВА И НОРМАТИВНЫЙ ФАКТ: ОСНОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ НОРМ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Л. ПЕТРАЖИЦКОГО.....	91
Давыдова М. Л. (ВОЛГОГРАД) НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ КАК НАЧАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ.....	100
Антонов М. В. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПРОБЛЕМАТИКА СИСТЕМНОСТИ ПРАВА В «НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМАХ».....	109
<i>Экономические, трудовые, организационные конфликты</i>	
Григорьева И. А., Коцюбинский Д. А., Шманкевич Т. Ю. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	118
Давыдов Л.В., Петраченко А.Е. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) КОНФЛИКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОРРУПЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ....	133
<i>Региональная конфликтология</i>	
Богачев А. В. (КАЗАНЬ) КОНФЛИКТЫ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ.....	146
<i>Конфликтология образования</i>	
Грязнова Е. В., Матяева И. Л. (НИЖНИЙ НОВГОРОД) ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ..	157
<i>Трибуна студента, аспиранта, соискателя</i>	
Черезов Д. А. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	168
Безуглый В. Ф. (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	179
Аннотации.....	189
SUMMARIES.....	194
Авторы статей.....	199

Уважаемые читатели!

Редакционный Совет нашего журнала, занимаясь отбором авторских материалов для их публикации в данном его номере, — последнем в уходящем старом году и самом близком к подступающему Новому году — решил ознакомить читателей с полученным нами достаточно большим набором авторских материалов, участников Симпозиума «Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике», который состоялся 9–10 сентября 2011 г. на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета, поскольку эти материалы посвящены достаточно новому по сравнению с прежними нашими номерами и в то же время весьма актуальному в настоящее время для реальной российской действительности комплексу проблем: ***Нормативно-правовые аспекты взаимодействия.***

Принято даже решение ввести в уже сложившийся в нашем журнале — в соответствии с прежними публикациями авторских материалов — перечень разделов новый раздел с указанным выше названием, чтобы и в дальнейшем там могли быть представлены для ознакомления наших читателей различные аналитические материалы, соображения и предложения по оценке и решению данного круга актуальных проблем, которые, как мы уверены, будут поступать к нам и дальше.

Кстати, насколько разнообразными могут быть эти материалы, соображения и предложения — уже сейчас наши читатели увидят из таких отобранных для публикации в данном номере авторских материалов, как, например, статья Ю. Е. Пермякова из Самары о проблеме онтологического единства правовых норм и суждений, М. В. Антонова из Санкт-Петербурга о проблематике системности права в «нормативных системах», М. Л. Давыдовой из Волгограда о нормативно-правовом предписании как начальном уровне правовой нормативности, да, пожалуй, — и из всех других материалов, представленных в данном разделе.

Разумеется, в других представленных в данном номере авторских материалах продолжают обсуждаться и общие методологические и концептуальные подходы и проблемы конфликтологии, также требующие ныне большого внимания и оптимального решения. Как представляется, такого рода внимания и решения — в том числе и от наших читателей — требует рассмотренный А. С. Козловым из Москвы вопрос о том, возможно ли и нужно ли «подчине-

ние» конфликту, а не его принципиальное и оптимальное решение, а также — поставленная М. Алдагановым из Санкт-Петербурга проблема возможностей в достижении компромисса между обществом и властью в ходе их сосуществования в нынешних сложных условиях и обстоятельствах как внешнего, так и внутреннего характера.

Редакционный Совет также уверен, что интересным для наших читателей будет и знакомство с предложенными ему в данном номере авторскими материалами более конкретно-практически ориентированного и информатизированного характера, к которым можно отнести, например, выявление Н. Г. Гузыниным из Ставрополя роли консерватизма в политической истории России, рассмотрение И. А. Григорьевой., Д. А. Коцюбинским и Т. Ю. Шманкевичем из Санкт-Петербурга проблем мониторинга социально-трудовых конфликтов или анализ А. В. Богачевым из Казани весьма важных и острых конфликтов власти и политической оппозиции в современном Татарстане.

Содержательными и перспективными для дальнейшего развития и таких направлений отечественной конфликтологии, как ее политическая и этническая составляющая, — представляются также результаты исследований Д. А. Черезова и В. Ф. Безуглого, помещенные в важной для этого рубрике ***Трибуна студента, аспиранта, соискателя.***

Желаем убедиться во всем этом самим нашим читателям!

По поручению Редакционного совета

Главный редактор и Председатель Редакционного совета
журнала «Конфликтология», доктор философских наук,
профессор *Стеланов Е. И.*

Конфликты и общество

Общие методологические и концептуальные подходы и проблемы

М. Алдаганов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ДИХОТОМИЯ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ КОМПРОМИССА

Я из тех «демократов», о которых говорят, как о разочаровавшихся в реформах и озлобившихся неудачниках процессов приватизации страны. Но это совсем не так, и мои собратья «по несчастью» со мной согласятся: я из скорбящих по реформам. Но, как Политбюро ЦК КПСС категорически не допускало предметной дискуссии и диалога в обществе о сути наших проблем, так и «демократическая власть» новой России делала все, чтобы исключить такой предметный разговор относительно природы и сущности востребованных общественным развитием страны преобразований. Для недопущения такого разговора использовалось все: от силового обострения политического кризиса до системных мероприятий по тотальному отчуждению масс от проблем реформирования общества. Достаточно сказать, что стране только первый этап «приватизации» обошелся чеченской войной и десятком других кровопролитнейших конфликтов. Самыми мягкими формами дистанцирования граждан от хлопот и забот по «демократической» приватизации страны и оптовой распродаже ее ресурсов стали спецмероприятия по их целенаправленному встраиванию во всевозможные процессы «этнокультурного возрождения», начиная от борьбы за восстановление традиций шаровароношения и кончая борьбой за самостийность.

Сегодня в обществе поднимается новая волна дискуссий о настоящем и будущем страны, но вновь выразители общественного мнения — сплошь записные публицисты и кураторы общественного мнения, ангажированные тем или иным СМИ. Все согласны, что так жить дальше нельзя, но ни от кого не слышу сколько-нибудь ясного ответа на вопрос: в чем суть грозящей катастрофы? Между тем, как мне кажется, у этой катастрофы совсем другое имя, чем то, что называют наши именитые поклонники «младореформаторства» эпохи Ельцина.

В реформаторском общественном сознании почему-то закрепилось мнение, что стоит принять новую Конституцию, преодолеть коммунистическую идеологию и ввести частную собственность на средства производства — и лишь на этом основании можно ждать естественного капиталистического процветания. Частная собственность особенно ласкала слух, ибо с ней, казалось, все обустроивается так демократически, что можно предложить обществу даже модель государства в виде «либеральной империи». Правда, — чтобы имперской сия модель была снизу, для сырых и убогих, но либеральной для своих, там, наверху, где чубайсы с гайдарами обитают. К последним, кстати, у меня не больше претензий, чем к г-ну Кириенко: все были «мобилизованы и призваны» по «партийному призыву» и творили, как понимали и умели.

Но смею настаивать, что понимали общественные процессы эти реформаторы (а отнюдь не их кукловоды) весьма и весьма поверхностно. Знаю, как возмутит это замечание тех, кто за иконостас почитает Гайдара с Чубайсом. Но эта оговорка — единственная уловка, позволяющая не ставить под сомнение искренность и благонамеренность наших сомнительных «гениев реформ». Даже науку, от имени и по матрицам которой, якобы, осуществлялись реформы, — они умудрились знать крайне поверхностно. Частная собственность, — это ведь не просто механическое владение частного лица собственностью, а общественное отношение с особой природой структурирования и институционализации. Но и Гайдар, и Чубайс, и все их сторонники предпочли оставаться при мнении, что в стране сформирован институт частной собственности, обвиняя всех прочих, кто не «при делах», — в элементарной нерасторопности. Во всем цивилизованном мире, господа реформаторы, «нерасторопных» всегда большинство, но они всегда и везде «при делах». Вы воспроизвели ту модель экономической системы, в которой большинство «не при делах», в которой, как сказал один умница, «государство делает вид, что платит зарплату, мы делаем вид, что работаем», и назвали эту благоглупость «радикальной реформой» общества.

Кажется, Ф. Энгельс заметил, что «история есть не что иное, как деятельность человека, преследующего свои интересы». Подчеркивая значимость этого фактора, он же отмечал, что самые мощные империи были посрамлены, когда пренебрегали этим интересом маленького человека. Речь опять об общественном отношении: ткань социальной жизни ткнут миллионы «нерасторопных», вполне осознающих свой интерес и кропотливо следующих ему в рамках и логике легитимных социальных структур. Но тотальное отчуждение 140 миллионов деятельностных субъектов от условий воспроизводства своей жизни по правилам и условиям легитимных общественных отношений, начиная с отношений собственности, может быть определено в социологиче-

ском измерении лишь как объективное условие тотального «социального дегруппинга». Причем, в число этих деятельностных субъектов, ставших жертвой «социального дегруппинга», — попадает даже сам В. Путин.

Но с Путиным у наших либералов — какая-то особая статья: прямо какое-то негодование по поводу перспективы его возвращения к президентским полномочиям. Причем, что забавно: эти же самые поборники демократии не были смущены даже, не говоря о возмущении, когда их кумир вводил в стране традицию президенто-наследования. Они сочли это блажью автохтона демократии, а не моделью власти, непосредственно сопряженной с природой осуществленных ими же экономических реформ.

В этой перспективе почему-то усматривается главный источник угроз для будущего страны, что еще раз, на мой взгляд, подтверждает бытующее мнение, что нашим либералам нельзя доверить принципиально ничего внушительного и ответственного. Тем более наивно и недальновидно, когда эти споры и «принципы» обозначаются в параметрах дихотомии «Путин — Медведев». Уж в этом-то раскладе куда естественней предпочесть Путина, чей политический капитал куда весомее и надежнее для страны, стоящей перед неотвратимой катастрофой, но еще способной и желающей искать выход из тотальной деструкции.

То есть та самая либеральная интеллигенция, которая приветствовала «гайдаровские» экономические реформы и, в защиту этих реформ, — расстрел парламента, до сих пор не уяснила себе, что «путинизм», как политическое явление, — плоть от плоти закономерный результат осуществления их «прогрессистских» прожектов. Они до сих пор не понимают, что отнюдь не Путин — архитектор нынешней системы политической власти в России. Он — лишь некоторый бренд, олицетворяющий объективную природу и суть сконструированной в «макроэкономических» параметрах модели «демократической России». И в этом смысле 70% электората Путина ведут себя намного разумней, чем иные интеллектуалы, упражняющиеся в негативных прогнозах будущего с Путиным. Разница в том, что эти 70% интуитивно тоньше и точнее ощущают, что именно Путин наиболее адекватен природе их жизни, заданной по макроэкономическим лекалам этих самых либералов. Конструируя общество без учета сложной социометрии его функционирования, — они до сих пор не хотят осознать, что оно обречено оставаться объектом волюнтаристского манипулирования и потому раз за разом у них будет получаться СССР во главе с «руководящей и управляющей».

Разумеется, грозящая катастрофа исходит не от Путина, а от той модели модернизации общества, которую выбрали наши либералы на заре «демократического» обновления России. Любой политик, взявшийся управлять

страной в существующих условиях, будет большим или меньшим «путинским», или система выдавит его из власти. И сегодня, очевидно, что мы имеем дело не со стихией, получившей отклонения «по-путину», а с объективно и закономерно проявляющимся следствием экономически деформированной социальной системы. Последняя — еще раз подчеркну — имеет не только «макроэкономические» характеристики, но, прежде всего, — социометрические, задаваемые деятельностными субъектами экономических отношений. Это же, кстати, — и к вопросу о «стилистических» различиях между «правыми» и «Яблоком». Различия эти носили и носят принципиальный методологический характер, что делало для «правых» союз с Зюгановым куда более логичным и близким, чем с «Яблоком».

Несколько слов — о «социометрии» современной России, с закономерностью обуславливающей ее тяготение к авторитарным способам управления. Что бы не говорили об особой ментальности россиян, она — не исходное основание массового патернализма населения. Чтобы избежать долгих рассуждений, обращу внимание на вполне заметное для всех интересующихся явление: все страны, переходя на путь социалистического развития, вдруг обнаруживали потребность в своем Иосифе Сталине. Глубинная причина явления одна: тотальная анонимность собственности, ее принципиальная ничейность, формирующая «общество всеобщей лениности» (К. Каутский), обреченно жаждущее своего «хромого поводыря» (М. Е. Салтыков-Шедрин), и находящееся в состоянии «социального дегруппинга» (Т. Парсонс).

«Советскость» же политической системы Путина является лишь логичным и закономерным оформлением (политической институционализацией) сущностной природы сконструированной самими же либералами экономической системы. А эстетическое отвращение, возникающее при лицезрении путинизированных политических спектаклей, — совсем не повод для претензий к власти, если эти притязания не подкреплены ясным пониманием объективного содержания и внутренней логики происходящего. Мало того, что они бессмысленны с точки зрения реальных интересов российского общества, — они более чем опасны в сложившихся условиях.

Проблема в том, что общество, покоящееся на анонимной собственности на средства производства, — лишено ответственного субъекта экономической деятельности (экономических отношений), а значит — и всех прочих общественных отношений. Без ответственного субъекта экономической деятельности принципиально невозможно устойчиво воспроизводить социальные структуры, обеспечивающие системную целостность социума, что и ведет к «социальному дегруппингу». Вся экономическая и прочая активность субъектов социального творчества начинает тяготеть к мертоновским (Р. Мертон)

«инновационным» моделям социального паттерна, т. е. криминализироваться, воспроизводиться вне рамок легитимных социальных структур, придающих устойчивую целостность социальной системе. Беда России в том, что «инновационная» модель поведения остается единственным полем успешной самореализации и для элиты страны, чего не знает ни одна развитая страна. Именно в силу этих системных характеристик страна лишена внутренних структурных конфликтов — точных симптомов внутреннего его здоровья и ресурсов к развитию — и кишит нереалистическими конфликтами как способом выражения острой социальной депривации, но в виде немотивированных эмоциональных массовых экспрессий, пока еще канализируемых властью в этно-конфессиональном поле.

Огромная масса активного населения страны остается лишенной интересов, сколько-нибудь содержательно укорененных в легитимной системе общественных отношений — структурах социального действия. Соответственно, они обречены оставаться безучастными как к воспроизводству этих структур, так и к их трансформации в новое качество как условие своей жизнедеятельности. Для них не существуют эти структуры социального действия как среда обитания, поскольку все интересы реализуются посредством альтернативных (не легитимных) социальных структур, воспроизводя в самых обширных масштабах и теневую экономику, и теневую политику, и теневой социальных опыт. Лучшей иллюстрацией этой социальной деструкции является то очевидное обстоятельство, что даже властвующая элита не имеет легитимных структурных моделей ни экономической активности, ни политического отправления власти. То есть в обществе отсутствует даже тот конформистский «балласт», который способствует сохранению устойчивости государственно-общественного корабля, без которого ни одно общество не может сохранять стабильность и социальное равновесие, устойчивость и преемственность качественных характеристик социальной системы.

Последнее означает только одно: «социальный дегруппинг» является для современной России явлением тотальным, и единственно корректным с социологической точки зрения является вопрос: сколько отпущено нам времени? Увы, как и для СССР, это зависит от мировой конъюнктуры на энергоносители. Других системных факторов воспроизводства и поддержания целостности социальной системы мы сегодня не имеем, если не считать еще и политический фактор насилия. Но оба эти фактора носят ситуативный, а не системный характер, и являются «исчерпаемыми ресурсами» социального порядка и стабильности, что хорошо осознают западные политические лидеры. Надеюсь, это обстоятельство развеет иллюзии наших либералов, что на Западе «обеспокоены возвращением Путина». Там как раз хорошо понимают, что

они получают без феномена «Путина». Правда, и с феноменом Путина их ждет не лучшее будущее. Ни экономических, ни политических ресурсов Запада не хватит для санации последствий геополитического разлома, грядущего для Европы с развалом России. Внешняя видимость стабильности современной России с Путиным является значительно большей иллюзией, чем видимость стабильности СССР в 70–80-х годах прошлого века.

У нас очень трудное положение. Замечание К. Маркса, что «капиталист не потому капиталист, что он управляет, а он потому управляет, что он капиталист» — получило при российском анонимном «капитализме» свое специфическое преломление: только управляя, ты — капиталист. И попробуйте теперь требовать от кого-то отдать власть? Кто реалистически прочитывает логику экономических и политических процессов в современной России — не может не понимать «цену вопроса»: огромные ресурсы, доступ и распоряжение которыми легитимирует только обладание властью. Такое требование не только лишено здравого смысла, оно — политически безответственно, ибо неизбежно ввергает страну в гражданскую войну. И если такая угроза для властвующей элиты станет реальной в существующих условиях, — нельзя исключить, что обновляемый ракетно-ядерный потенциал страны не окажется адресованным прежде всего нам, гражданам страны.

Отсюда, должно быть понятно, что центральным пунктом общественной дискуссии сегодня может и должен быть вопрос не о власти, а о реальных, объективно заданных проблемах бытия социума. Эти проблемы должны беспокоить и общество, и власть, и всех, кто осознает последствия тотальной деградации российского социума, в том числе, — западную политическую элиту. Реальность такова, что объективно мы имеем тотальный «социальный дегруппинг», обуславливающий неминуемый крах российского социума, высокий уровень протестных настроений в обществе, все еще доступный для локализации на тех или иных «жириновско-рогозинских» этно-конфессиональных социальных площадках, а также, — ошалевшую от открывшихся с реформами Гайдара возможностей безответственную политико-экономическую элиту. И со всем этим надо справиться.

Понимает ли отечественная властвующая элита критичность ситуации? Отчасти — да! Она хорошо понимает, что в обществе накопилось к ней немало очень трудных вопросов, «ответы» на которые она все еще, возможно, надеется найти новыми управляемыми локальными конфликтами на Кавказе. Второе: в крайнем случае она надеется уйти к оффшорным запасам, разумеется, — предварительно окунув нас лет на двадцать в междоусобную гражданскую войну. Каким бы циничным ни казался этот сценарий, — в его пользу свидетельствуют динамические характеристики бюджета страны за

все последние десять лет: это бюджеты не строительства будущего страны, а бюджеты строительства будущего властвующей элиты, в которых она вполне откровенно демонстрирует свое видение российского общества как реально опасного потенциального противника.

Тем не менее, каким бы пластилиновым ни казалось российское общество, отзываясь на самые сумасбродные инициативы власти по поиску удобного «врага» для битвы, — есть два обстоятельства, не учитывать которые власть не может. Прежде всего: на Западе, где политическая элита всегда отличалась большей ответственностью, российскую власть должны были предупредить, что придти к своим «кошелькам и детям» просто так не удастся. Разрушение России разрушает стабильность геополитического и социального пространства Европы с самыми непредсказуемыми последствиями для всех, и такие политические интриги не спустят никому. Лучшим исходом в этом раскладе для всех нас может стать лишь введение «внешнего управления».

Соответственно, с иллюзиями сговора с западным истеблишментом нашей элите следовало бы расстаться, и чем скорее, — тем лучше для всех: и для россиян, и для самой элиты, и для «просвещенного Запада». Более того, даже уйдя благополучно в лондоны, никто из них не застрахован, что не добравшие «своего» полковники и подполковники Лубянки будут продолжать исправно выполнять «мокрушные» приказы внутри страны, а не ринутся следом с «пальными лампами» и «утюгами» «разводить» хозяев на несправедные бабки.

Одним словом, ни для общества, ни для власти безопасных альтернатив безответственного поведения реально не существует. С этим обстоятельством надо считаться и политической оппозиции, и обществу, как таковому, и власти! И тогда следует начать серьезный и обстоятельный разговор, начать предметный и содержательный общественный диалог, ведущий к компромиссу и преодолению наших неминуемых бед. Центральным пунктом искомого компромисса, как представляется, должно стать преодоление системных дисфункций российского общества, ведущих к тотальному «социальному дегруппингу». Но это — лишь ядро комплекса задач, требующих поступательного решения.

Прежде всего, нужно договариваться, что общество при определенных условиях готово снять все «трудные вопросы» к власти. Надо признать, что любые персоналии во власти вели бы себя точно так же, как нынешние власти. Природа нынешней власти задана не личными характеристиками того или иного политика, а сущностными характеристиками социальной системы.

Второе: общество может согласиться, что именно нынешняя исполнительная власть осуществляет в *фиксированный срок* комплекс системных реформ, обеспечивающих экономическое и правовое упорядочение отношений

собственности в стране. Сюда должны войти амнистирование приватизации и легитимация сложившегося статус-кво в отношении собственности: субъект собственности должен быть конкретизирован и легитимирован, иначе не преодолевается анонимность собственности и «социальный дегруппинг» как системное явление. Амнистируется любая собственность после независимого аудита и возврата ее стоимости в общественные фонды (бюджет). Нищим, полагаю, никто не останется.

Третье: под общественным контролем (а других инструментов такого контроля, кроме Парламента, не придумать) власть открыто должна разрабатывать и реализовать программу второго этапа приватизации, обеспечивающую каждого гражданина России равной и *именной (персонифицированной)* долей собственности в виде паев, акций и т. д.

Четвертое: для решения этих и других задач по стабилизации общества и приданию ему устойчивого развития — монополия власти должна быть разрушена. Общественный диалог и общественный компромисс по вышеназванным принципиальным вопросам предполагает тесное сотрудничество и очень высокое доверие всех партнеров этого диалога и, тем более, — акторов реализации социального компромисса.

Пятое: лубяньские должны «вернуться в казармы». Это никуда не годится, — когда вся внутренняя и внешняя политика страны вырабатывается на Лубянке. Технологии и методы работы этого государственного института остаются на уровне 20–30-х годов прошлого века и являются фактором угроз для безопасности страны, но отнюдь не условием его безопасности. Нынешнее катастрофическое положение страны во многом является следствием чрезмерно активного присутствия этого ведомства в преобразованиях страны в 90-е годы прошлого века, как, впрочем, — и сам развал СССР.

И власти, и обществу нужно признать, что без всеобъемлющего общественного договора мы не решим стоящих перед нами задач по обеспечению своего будущего. Механизмы и формы общественного диалога, ведущего к компромиссу, как и предмет диалога, способы реализации договоренностей, — конечно же, должны широко обсуждаться в обществе. Но реализация названных условий позволила бы — посредством конкретизации субъекта собственности и приобщения к числу собственников подавляющего числа населения страны — преодолеть «социальный дегруппинг» как системный изъян российского социума, снять взаимную объективную отчужденность власти и общества, восстановить механизм демократического политического дискурса во всех сферах жизни общества, открыть все шлюзы социального творчества для основной массы деятельностных субъектов, что обеспечило бы России принципиально новое качество устойчивости и прогресса.

С. Б. Быстрянец (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ОШИБКИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕДУРЫ ИЗМЕРЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В современной науке, в том числе социологической, измерение играет роль важнейшего элемента научности¹. В своей статье я бы хотел привлечь внимание читателей к некоторым особенностям процедуры измерения в социологии, которые дают возможность указывать на серьёзные ошибки в процедуре. И, следовательно, рассматривать процедуру измерения в социологических исследованиях как процедуру противоречивую.

Оценивать научную ценность процедуры измерения в социологическом исследовании, по моему мнению, следует с инструменталистской, утилитарной точки зрения: каким целям служит измерение, какую роль оно должно играть в научной ситуации, какую функцию оно выполняет в исследовании. Если не удастся органически оформить инструментальность измерений в исследовании, это ведет к некоторой «мистике количества», когда на числа реагируют так, будто они являются хранилищами оккультных сил. Эта мистика имеет разные основания, вплоть до веры в нумерологию и другие эзотерические доктрины пифагорейского типа. Мистикой количества можно назвать преувеличенное внимание к роли измерения только потому, что оно выражается цифрой, независимо от того, что именно измеряется или что можно сделать с тем, что измерено.

К числу относятся как к чему-то имеющему безусловно присущую ему научную ценность. Думается, XIX век был особенно подвержен этой мистике, но её можно обнаружить и в современных исследованиях. Наиболее ярко эту позицию выразил выдающийся физик лорд Кельвин: «Когда можно измерить то, о чем идет речь, и выразить это в числах, об этом становится что-то извест-

---

¹ Теория измерения в русскоязычных изданиях наиболее полно изложена в работах: *Лазарсфельд П.* Измерение в социологии // *Американская социология.* М., 1966; *Осинов Г. В., Андреев Э. П.* Методы измерения в социологии. М., 1977; *Пфанцгль И.* Теория измерения. М., 1976; *Толстова Ю. Н.* Измерение в социологии: курс лекций. М., 1998; *Чесноков С. В.* Основы гуманитарных измерений. М., 1986; *Хованов Н. В.* Математические основы теории шкал измерения качества. Л., 1982.

но. Но когда это невозможно измерить и выразить это в цифрах, ваши знания недостаточны и неудовлетворительны: это, может быть, начало знания, но вы вряд ли в мыслях продвинулись до стадии науки, каков бы ни был вопрос»². Подсчет и измерение рассматривались как необходимое условие для научного прогресса. Можно предположить, что в физике XIX в. особого прогресса, кроме уточнения уже открытых законов и достижения большей точности, не достигалось. В биологии и социальных дисциплинах открытия в теории ещё были возможны, а в XX в. стало очевидно, что и в физике ситуация изменилась.

Современная мистика количества многим обязана развитию инструментария: сейчас наука обладает такими точными, мощными техниками измерения, что их использование кажется единственным, что имеет значение.

Если измерение в целом — это отображение объектов в абстрактном пространстве, то следует помнить, что границы возможного связаны только с представлениями и оригинальностью исследователя, создающего такое пространство. Процесс измерения, разумеется, не состоит только в применении некой линейки, это ещё и изобретение этой линейки, которую примеривают к объекту. В истории науки бывало, что, казалось бы, наиболее абстрактная и даже причудливая математика впоследствии находила вполне приземленное и конкретное применение. Измерение в социально-политических науках, в социологии постоянно совершенствуется, используя всё более сложный математический аппарат.

Валидность измерения заключается в том, чего можно достичь с помощью данного измерения. Очевидно, это зависит от контекста использования измерения. Валидность не ограничивается только инструментом и шкалой измерения, даже не присущей природе самой измеряемой величины. Мы должны принимать во внимание функции, которые, как предполагается, должно выполнять измерение в исследовании или по отношению к которым, намеренно или нет, его валидность оценивается. Главным всегда остается вопрос — были ли результаты получены таким образом, что их можно рассматривать как эффективное средство достижения конечного результата исследования.

Обычной характеристикой валидности является та, что она делает возможным измерение намеченного объекта. Дает ли оно такую возможность, можно установить двумя совершенно разными способами. Первый способ связан с определением, второй — с эмпирическими связями.

Измерение может быть эффективным, потому что сама процедура играет важную роль в определении значения термина, выявляя величину, которую надо узнать. Правила выявления чисел включают операционное определение

---

² Бройль Л. По тропам науки. М., 1962. С. 38.

величины. Если феномен «интеллект» (как психологический термин) определять со ссылкой на определенные тесты, не возникнет вопроса о том, что эти тесты действительно измеряют. К сожалению, в социально-политических дисциплинах часто случается, что суждение, которое называют определением, на самом деле этой роли не выполняет. Характеризуя случаи псевдоопределения, ранее мы отмечали: термин не всегда впоследствии используется так, как это было зафиксировано в определении. Опасность заключается в возможности поддаться тому, что Кумбс называет «операционизм наоборот», трактуя его как «обеспечение измерения со всеми значениями, связанными с понятием»³. Эта ошибка менее вероятна, когда истинность измерения подтверждается только его эмпирическими связями с другими показателями величины. Такое подтверждение можно назвать тестовым предсказанием или предсказанием критерия. Здесь правильность измерения — это вопрос успеха, при котором измерения, полученные в определенных случаях, дают возможность предсказать результаты, которые можно получить при помощи других способов и в других контекстах. Например, тот же тест на интеллект подтверждается в такой степени, в какой IQ позволяет предсказывать достижение определенного уровня образования или участие в других ситуациях решения проблем. Однако в целом валидность предполагает учет и определения, и предсказания, особенно когда проводится измерение величины, которая концептуализирована не только в описательных обобщениях, но также в какой-то теории.

Процедура измерения может вполне справляться с основным своим предназначением — измерять. Но результат будет не таким плодотворным, каким бы мог быть, если бы присвоенные цифры были несколько другими. Валидность требует, чтобы измерение было по возможности свободно от ошибок. Ошибка при измерении является признаком неудачи в достижении цели исследования и валидность — это мера научной значимости результата исследования. Удовлетворить любопытство людей полностью невозможно, точно так же измерения не могут быть совершенно свободны от ошибок. Тем не менее, ученые должны работать над тем, чтобы сократить количество ошибок до минимума. Один из источников ошибок — материальная основа измерений, приборы и оборудование, задействованные в измерении. У каждого инструмента есть ограничение различения, которое он может делать. Специфические значения, находящиеся вне этого предела, — не распознаются, и объекты, отличающиеся друг от друга ненамного, — измеряются как эквивалентные. Если с эмпирической точки зрения мы говорим о таких недоступных для измерения

---

³ См.: *Festinger L., Katz D. Research Methods in the Behavioral Sciences. New York, 1953. P. 476.*

различениях, то это не означает их неизмеримости вообще. Это означает невозможность их измерить в данной процедуре. Впоследствии, с появлением более точных измерительных приборов, — они могут быть обнаружены, либо накопление информации о ранее неразличимых объектах обратит наше внимание на них. Ведь согласно аксиоме Архимеда, независимо от того, насколько мало различие между очевидно равными объектами, накопление этих различий должно постепенно стать достаточно большим, чтобы его можно было обнаружить. Способность инструмента или процедуры различать называется чувствительностью. Следовательно, один из типов ошибок связан с недостаточной чувствительностью.

Другой тип ошибок заключается в том, что при повторном измерении трудно получить идентичный результат. Неизбежно присутствует определенное количество вариаций между результатами повторяющихся измерений. Иногда говорят, что они подвержены «случайному отклонению». Значит, каждое измерение можно понимать как состоящее из двух компонентов: первый соответствует величине, которая измеряется, а второй — состоит из положительного или отрицательного отклонения, являющегося результатом других, неконтролируемых факторов. Чем меньше эти отклонения, — тем более надежным, как говорят, является измерение. Другими словами, надежность, в свою очередь, — это степень, в которой измерение остается постоянным, когда оно повторяется в условиях, которые воспринимаются как неизменные. Среди этих условий особое значение имеет наблюдатель, который проводит измерение, особенно в социальных науках. Соответственно надежность часто интерпретируется как вид intersубъектности: согласие разных наблюдателей относительно признания значения измерений в конкретных исследованиях. Но изменения в обстоятельствах, обстановке измерения, иных, касающихся личности исследователя, проводящего измерение, — также подразумеваются под надежностью.

Существование случайных отклонений является такой же неизбежной характеристикой процесса измерения, как и существование ограничения различения. Можно ожидать, что при большей внимательности при проведении измерений случайные отклонения могут уменьшиться, подобно выстрелам по мишени, которые будут, вероятно, менее разбросаны при тщательном прицеливании. Но даже легендарный Робин Гуд не мог бы до бесконечности попадать в одну и ту же точку — всегда будет случайное отклонение. Результатом повышения чувствительности измерений не всегда будет эффект сокращения ошибок. Такое сокращение происходит только тогда, когда существующая ошибка или недостаток чувствительности близки к случайной ошибке. «Увеличение нечувствительности прибора за пределы определенной точки может

просто закончиться тем, что измерение будет невозможно, потому что наблюдаемый результат будет погублен случайными отличиями, если только отклонения не удастся уменьшить до соответствующего уровня»⁴.

Отклонения, которые возникают, не всегда хорошо разделяются на положительные и отрицательные отклонения. Например, представим серию измерений длины, которые осуществляются при помощи измерительной линейки, не совсем правильно градуированной и слишком короткой по сравнению со стандартной длиной. Тогда, хотя результаты измерения и покажут как всегда некоторые случайные отклонения, ошибки будут суммарно склоняться к положительным: измеряемые длины чаще будут большими, чем меньшими. Или рассмотрим, какой будет результат, если количество преступлений измерялось бы ссылками на отчеты правоохранительных органов в недели, предшествующие выборной компании администрации, находящейся у власти. Во всех подобных случаях можно говорить о систематической ошибке, в противоположность ошибке в результате случайных отклонений. Здесь отклонения не случайны, а колеблются в одном или другом направлении в соответствии с определенным, существенно искажающим фактором.

Является ли ошибка систематической или случайной, является ли она результатом недостатка чувствительности или надежности, — но сама концепция ошибки предполагает концепцию истины. В каком бы случае ни говорилось об ошибке измерения, — очевидно, подразумевается противоположный случай: измерение, свободное от ошибки. Зачастую под истинным, верным измерением подразумевается такое, которое верно для реальной измеряемой величины. Однако здесь не всё так просто. Можно представить реалистическую и идеалистическую версии данного суждения. С точки зрения реалиста, факты абсолютно детерминистичны и объективны сами по себе, независимо от наших знаний о них, ибо объекты и события определены детерминированы как в отношении количества, так и в отношении качества. Для идеалиста же то, что дано в опыте, всегда является приближенным к довольно определенно очерченной абстрактной сущности, которая единственно и является верной целью истинного знания. Точки зрения противоположны, однако обе они признают, что все реальные измерения имеют недостаточно ясное представление о том, что они понимают под реальностью. Именно по этой причине обе концепции можно рассматривать как фикции. То, что в таких измерениях носит название «истинного», правильного измерения, — по существу является тем, что произошло бы, если бы проводимое измерение было свободно от ошибок. Но именно этого добиться нельзя. Такой идеальной ситуации не существует:

---

⁴ *Ritchie A. D. Scientific Method, Paterson. New York, 1960. P. 130–131.*

«...нет экспериментального метода присвоения цифр способом, свободным от ошибок»⁵.

С позиций эмпирика, «истинное измерение» должно определяться несколько иначе. Определение «истинности», приведенное выше, сводится к объяснению наблюдаемого со ссылкой на нечто, лежащее за пределами нашего опыта. Конечно, видимые ошибки корректируются, но всегда до определенной границы. Ссылка на то, что бы случилось, если бы измерение не было подвержено никаким ошибкам, — это только фигура речи. И она не демонстрирует эмпирического значения «истинного измерения», она сама требует эмпирического уточнения. Как писал Д. Юм в «Трактате о человеческой природе», знание любого исправления есть только фикция разума, бесполезно и непонятно.

По этому поводу нужно заметить следующее. С повышением чувствительности, надежности и точности измерений какой-то величины можно обнаружить, что измерения всё в большей степени демонстрируют конвергенцию к некоей ценности. Эту ценность можно использовать утилитарно, с пользой, как и математические ограничения, к которым склонны измерения. «Истинное» измерение некой величины есть не что иное, как эти ограничения. Наверное, только таким способом можно уточнить значение «истинности» в смысле, скорее, результатов реальных измерений, чем сравнения этих измерений с чем-то недостижимым, абстрактным.

Измерение корректируется, и количество ошибок сокращается. Нет препятствий, чтобы говорить об этом процессе как о последовательном приближении к «реальной ценности» величины, которую ищут. То, что данное измерение ближе к реальной ценности, чем другое, может означать только то, что оно отклоняется меньше, чем другое, от предела бесконечной последовательности таких измерений. Другая сторона фикции содержится в понятии бесконечного повторения измерения. Вопрос в том, что улучшение измерения скорее касается данных, которые доступны или могут быть доступны, а не истинной малодоступности того, что измеряется. Данные об измеряемом объекте никоим образом не ограничиваются результатами дополнительных измерений. В значительной степени они состоят из сведений об эффективности измерения при выполнении сопутствующих процедур измерения, которые необходимы, так как применяются или являются составной частью в различных законах и теориях. Вместо того, чтобы сказать, что новая процедура или инструмент измерения — это улучшение по сравнению со старым, потому что они позволяют подойти ближе к «реальному значению», было бы мень-

---

⁵ *Campbell N.* Measurement and Calculation. New York, 1928. P. 137.

шим заблуждением говорить, что это улучшение позволяет определять «истинное измерение» более плодотворно в научном смысле. В целом шкалы выбираются таким образом, что определенные эмпирические законы получают определения настолько интуитивные и/или настолько математически простые, насколько это возможно. Если теоретическая структура меняется или расширяется, то часто меняются и шкалы измерения. Это — просто другое выражение для описания исследовательских шагов как приближения к истинной или более обоснованной шкале. Сама по себе любая шкала не является более действенной, чем любая другая.

Одна из причин, почему заблуждение по поводу «истинности» измерения важно методологически, а не только с философской точки зрения, — это то, что в таком случае чрезмерное значение придается точности. Если улучшение измерения означает приближение к истине, у нас появляется искушение предположить, что чем точнее измерение, — тем оно лучше, так как тогда оно ближе к абсолютно определенному факту, который исследуется. Это преувеличенное значение, связанное с точностью, с моей точки зрения, является частью того, что ранее называлось «мистикой числа». Большие числа, множество знаков после запятой — они только выглядят более внушительными, усиливающими ярлык «точных наук». С точки зрения инструменталистской перспективы, — значение точности измерения рассматривается по-другому, — в соответствии с различными функциями, с которыми связана процедура измерения, и в другом отношении, а именно: в отношении того, как измерение адаптировано и выполнено.

Иногда неточность измерения, не представляющего особого научного интереса, объясняется тем, что точности нельзя добиться вследствие недостаточной чувствительности прибора или шкалы либо ограниченности процедуры измерения. Такая «мнимая точность» связана с нечеткими границами объекта изучения. Нельзя, например, точно посчитать число людей, умерших в России в результате проведения «шоковой терапии» правительства Ельцина, как это предлагали коммунисты. Даже если бы была возможность получить об этом точные статистические данные, — всё равно неясно было бы, что следует считать. Очень трудно, если это вообще возможно, сформулировать критерий такого счета. В подсчетах Коммунистической партии РФ объединялись измерения разных степеней точности, брались не средние, а максимальные значения. Такая практика несет даже не интеллектуальный, а моральный вред.

Мнимая точность является результатом довольно очевидных грубых ошибок или очевидной же идеологической преднамеренности. Более трудно уловимой и, соответственно, более распространенной является ошибка «бессмысленной точности», то есть использование более точного измерения,

чем это нужно. С моей точки зрения, использовать измерение, более точное чем это необходимо, — так же неверно, как и делать их недостаточно точно. В так называемых точных науках распространено использование приближительных величин и часто говорят «о порядке величины». Стремление ученых-обществоведов быть точными в своих измерениях часто, по моему мнению, является чрезмерным и отражает недостаток уверенности в научной ценности их усилий. Свободная аппроксимация, округление цифр может быть обманчивым, вводящим в заблуждение и даже губительным для исследования, но может иметь и большое эвристическое и практическое значение. Вопрос здесь в том, насколько важны различные возможности и значения точности для изучаемой проблемы. Если они не столь важны, когда нам известно, что все варианты в определенных границах эквивалентны, что приближительное значение величины находится в этих границах, — использование округления, приближительность полностью оправданы.

Как уже отмечалось, измерение — это, по сути, координация, согласование по поводу изучаемого объекта системы символов, обычно числовых. Исследователь может проводить любые операции с присвоенными числами при условии, что он понимает последствия своих действий. Среди таких последствий может иметь место то, что результат либо процедуры измерения, либо математических манипуляций с измерением может оказаться составленным из чисел, которые невозможно привести в какое-либо оптимальное отношение с реальными объектами или с любыми другими. Ряд измерений даёт точные данные только в пределах первого десятка после запятой, например, из-за чувствительности измерительного инструмента. Результат умножается или делится с получением чисел с тремя-четырьмя позициями после запятой. Однако только первое является важным: такую настоятельную рекомендацию дают, в частности, демографы. Измерение никогда не лучше, чем эмпирические и концептуальные операции, при помощи и вследствие которых оно выполняется. Ритчи благоразумно предлагает избегать искушения «заменять плохие эксперименты затейливыми вычислениями»⁶. Математика может избавить нас от необходимости размышлять самостоятельно, но мы должны расплачиваться за привилегию размышлять до и после использования математики.

Одна из основных характеристик поведения и действий людей — это их целесообразность, преднамеренность. Цели и соответствующие им задачи, а также ценности далеко не так едины и просты, как того требует и предполагает процедура измерения. Они разнятся не только от человека к человеку и время от времени, — они переплетаются друг с другом так, что в любом дан-

---

⁶ *Ritchie A. D. Scientific Method, Paterson. P. 131.*

ном контексте наверняка несколько из них будут присутствовать одновременно. В политике, когда говорят о господстве, — вспоминают классическое трио Гоббса: власть, деньги, славу. Это вещи, безусловно, — измеряемые, но как их соотносить с верностью избранной цели? Как трио Гоббса объединено в одной цели? Разные ценности трудно сопоставимы друг с другом: как можно сравнивать свободу с безопасностью, стабильность жизни семьи или сообщества в целом с промышленным развитием, прогрессом?

Конечно, измерение сталкивается здесь с реальными трудностями, но ситуацию не следует заранее расценивать как безнадежную. Для анализа специфических целей можно найти основу для сравнения различных ценностей. Такие показатели, как денежные затраты или потреблённая энергия, — могут быть полезны как легко измеряемые, без скрытого значения, их собственная ценность часто взаимозаменяема с той, которая измеряется. Измерения в социальной сфере не ограничены скалярными величинами, то есть величинами, которые можно подвергнуть простому упорядочению. Могут быть использованы векторы и многомерные измерения. Индивид выбирает работу или дом после первой прикидки и взвешивания по отдельности ряда компонентов (заработная плата, условия труда, жизненные перспективы; арендная плата, площадь, месторасположение), а затем принимает решение, просуммировав, взвесив результаты так, будто компоненты можно свести к ординарному измерению. Но люди не выбирают себе друзей, суммируя свои оценки о различных чертах и привычках, они скорее реагируют на личность в целом. ***Такой конфигурационный (комплексный) метод, вероятно, более подходит к практике социально-политических измерений, чем просто суммирование скалярных величин.***

Обычно такой комплексный метод измерения связан с экспертами. К измерению сложных социальных ситуаций, которые тяжело поддаются количественному анализу, например, — влиянию политического руководства на ту или иную сторону общественной жизни — проще всего подойти со стороны «человеческого измерения». Оценку делают предположительно компетентные наблюдатели, и затем, в качестве стандарта измерения, — берётся некая подходящая статистическая комбинация. В итоге ученый, использующий такое измерение, — описывает не поведение субъектов, а скорее поведение группы, состоящей из субъектов и экспертов (судей). Однако эта комбинация не даёт оснований говорить о таком измерении как о субъективном. Получаемые измерения касаются не качеств, присущих измеряемому объекту, а отношений между этим объектом и другими, взятыми как стандарт измерения. Если это отношения с другими людьми или даже с самим наблюдателем, — их нельзя рассматривать как субъективные. Как всегда, здесь всё зависит от контроля,

который может осуществляться, и от чувствительности и надёжности, которые определяют различные оценки.

Есть мнение о невозможности применять процедуру измерения в социально-политических науках на том основании, что в этой сфере нельзя произвести полноценную операцию соединения, которая будет иметь структуру арифметического сложения. В истории естественных наук такие мнения высказывались о многих явлениях природы, но всякий раз скепсис бывал отброшен, хотя измерительные процедуры осуществлялись в иной форме, нежели первоначально предполагалось. Ресурс измерения ни в коей мере ещё не исчерпан. «Систематическое исследование может быть проведено в социальных науках, как и в любых других, всюду при помощи многих приёмов, которые менее точны, чем строгое количественное измерение, но, тем не менее, они намного лучше, чем индивидуальное суждение, ничем не подкрепленное. Существует непосредственная линия логической последовательности, состоящая из качественной классификации, подводящей к строгим формам измерения через приемы систематических оценок, классифицирующих шкал, многомерных классификаций, типологий и простых количественных индексов. В широком смысле термина «измерение» социальные феномены измеряются каждый день»⁷.

Однако большие ресурсы, предоставляемые математикой, подводят исследователей социальной жизни к важной дилемме, когда начинается разработка процедуры измерения. Эту дилемму сформулировал Кумбс: «Если исследователь избирает сильную систему аксиом, типа интервальной шкалы или шкалы отношений, он вкладывает больше в данные, он будет иметь сильные математические и статистические инструменты, и он более вероятно найдёт решение, и оно будет более простым. С другой стороны, у него будет больше несоответствий, ошибок, он будет ограничивать количество данных, а то, что он получит, будет в большей степени представлять то, что он вложил в данные через свои предположения... Социальный исследователь сталкивается с дилеммой, когда делает выбор между приведением своих данных в простой порядок и запросом на эти данные, которые должны соответствовать этому простому порядку»⁸. Для этой дилеммы не существует общего, единого решения. Эта дилемма — из разряда тех экзистенциальных дилемм, как та, что существует между разработкой теории и постановкой эксперимента, с которыми учёные должны просто сжиться. Жизнь учёного становится легче, когда возрастает понимание им цены выбора.

---

⁷ The Policy Science / ed. by D. Lerner, H. D. Lasswell. Palo Alto, 1951. P. 155.

⁸ Coombs C. H. A Theory of Psychological Scaling // University of Michigan Engineering Research Bulletin. 1952. № 34. P. 486–488.

Как следует из вышеприведенных соображений, далеко не исчерпавших ошибок и опасностей процедуры измерения в социологии: ***измеряя, исследователь попадает в противоречивую ситуацию.***

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бройль Л.* По тропам науки. М., 1962.
2. *Лазарсфельд П.* Измерение в социологии // Американская социология. М.: Прогресс, 1966.
3. *Осипов Г. В., Андреев Э. П.* Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.
4. *Пфанцгль И.* Теория измерения. М.: Мир, 1976.
5. *Толстова Ю. Н.* Измерение в социологии: курс лекций. М.: ИНФРА-М, 1998.
6. *Хованов Н. В.* Математические основы теории шкал измерения качества. Л., 1982.
7. *Чесноков С. В.* Основы гуманитарных измерений. М.: Наука, 1986.
8. *Campbell N.* Measurement and Calculation. New York, 1928.
9. *Coombs C. H.* A Theory of Psychological Scaling // University of Michigan Engineering Research Bulletin. 1952. № 34.
10. *Festinger L., Katz D.* Research Methods in the Behavioral Sciences. New York, 1953.
11. *The Policy Science / ed. by D. Lerner, H. D. Lasswell.* Palo Alto, 1951.
12. *Ritchie A. D.* Scientific Method, Paterson. New York, 1960.

А. С. Козлов (МОСКВА)

«ПОДЧИНЕНИЕ» КОНФЛИКТУ

Если конфликты признаются как таковые, то с ними не так много связано.

Тогда становится возможным смягчение их форм.

Р. Дарендорф

«Подчинение» конфликту мы отнюдь не рассматриваем как подчинение идее конфликта, идее противоборства и «bellum omnium contra omnes» (Т. Гоббс). Мы говорим о «подчинении» как о принятии и осознании высокой «себестоимости» идеи неконфронтационного, ненасильственного и конструктивного регулирования и разрешения конфликта, управления им и его преодоления. Преодоления не в смысле «подавления», о чем писал Р. Дарендорф, говоря, что «подавление является не только аморальным, но и неэффективным способом обращения с социальными конфликтами. В той мере, в какой социальные конфликты пытаются подавить, возрастает их потенциальная злокачественность, вместе с этим стремятся к еще более насильственному подавлению, пока, наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта...»¹.

Это подчинение не означает также «...не противитися злу: но аще кто оударит в десную твою ланиту, обрати к нему и другую: И хотящему судитися с тобою и ризу твою взятши, отпусти ему и срачицу: И аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два»². По поводу этих слов Нагорной проповеди, Иосиф Бродский писал: «В таком виде строчки Евангелия мало имеют отношения к непротивлению злу насилием, отказу от мести и возданию добром за зло. Смысл этих строк никак не в призыве к пассивности, а в доведении зла до абсурда. Они говорят, что зло можно унижить путем

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. М., 1994. № 5. С. 145.

² Евангелие от Матфея. 5, 38–42.

сведения на нет его притязаний вашей уступчивостью, которая обесценивает причиняемый ущерб»³.

Преодолеть конфликт можно лишь признав его, признав его необходимость и функциональность. Помимо этого современная конфликтологическая парадигма констатирует то, что конфликты могут быть конструктивными.

«Подчинение» конфликту — это признание необходимости неукоснительного следования определенным правилам конфликтного взаимодействия и относительно безопасного поведения в конфликте. Если ты владеешь такими знаниями и умеешь их применить, другими словами, если ты обладаешь средствами защиты в ситуациях конфликтного взаимодействия, то прежде, чем спасать других и для того, чтобы иметь возможность это сделать, необходимо обеспечить собственную безопасность.

То, что мы называем «подчинением» конфликту может быть рассмотрено также в связи с понятиями *толерантности* и *культуры мира*. На это указывает современная теория и практика ненасильственного, неконфронтационного и конструктивного регулирования и разрешения конфликтов, практика «сдержанного» поведения сторон в ходе их преодоления.

Инициаторы и идеологи «культуры мира» подчеркивают, что не имеют в виду полное исчезновение конфликтов на всех уровнях, а лишь разрешение их на ранних стадиях и исключительно мирными средствами, выработку и утверждение не только эффективных механизмов, институтов и правил предотвращения и регулирования конфликтных «возгораний», но и внутренней нравственной, культурной потребности людей в мире, стойкого иммунитета к использованию силы и агрессии, табуирования жестокости и нетерпимости.

Эта позиция может помочь каждому и всем вместе чувствовать себя более уверенно в меняющемся мире, лучше понимать других, а значит, в конечном счете, — самого себя. Явление социальной рефлексии, т. е. понимания себя через другого, — позволяет человеку открывать в себе новые грани и новые возможности. В конечном счете такая позиция способствует внутренней устойчивости общества.

Один из наиболее важных и интересных вопросов в анализе реального состояния терпимости населения, различных составляющих его общностей и групп состоит в том, можно ли установить хотя бы приблизительно тот уровень терпимости населения, который необходим для функционирования демократии? По-видимому, дать ответ на этот вопрос на основе эмпирических данных практически невозможно. Скорее в исследовании реальных конфликтологических взаимодействий можно и нужно отталкиваться от состояния

---

³ Бродский И. Напутствие // Юность. М., 1991. № 2. С. 75.

нетерпимости различных групп населения в отношениях между собой и позиции в этом вопросе политических властных структур. Главное соображение при этом должно сводиться к тому, что выявленная *нетерпимость населения в отношении к группам, вызывающим у него неприязнь, выступает проявлением конфронтационности*, содействующей рецидивам тоталитаризма, и препятствием для реализации процесса демократизации политической культуры.

Наряду со снижением степени нетерпимости в отношениях между населением и властью и различных групп населения между собой, *в демократически развивающейся политической системе граждане должны иметь возможность оспаривать действия правительства, властей и выступать против тех из них, с которыми они не согласны*. Методы выражения такого несогласия должны быть ненасильственными, отвечающими концепции толерантности и культуры мира.

Формирование массового сознания неконфронтационного типа может рассматриваться как количественный и качественный рост духовных ресурсов общества. Одновременно это также фактор существенного снижения уровня конфликтности в обществе, средство ослабления влияния социальных «конфликтогенов», а также — предупреждения или даже предотвращения конфликтов различной природы.

Идея толерантности напрямую связана с философией и этикой ненасилия. Она также связана с твердым убеждением, во-первых, в том, что конфронтация, взаимодействие с позиции силы, вражда и т.п. не только не конструктивны в связи с тем, что по большей части направлены не на решение проблемы, а на противоборство с другой стороной, но и разрушительны для социума. Во-вторых, это убеждение в том, что позиция терпимости, согласия и прощения — это сильная позиция, позиция уверенной в себе стороны, демонстрирующей положительное отношение к другим, в том числе — и к оппонентам. Согласно немецкому писателю Г. Гауптман, (1862–1946), «сила заключает в себе терпение. В нетерпении проявляется слабость»⁴.

Важно подчеркнуть, что идея толерантности отнюдь не означает безусловного примирения «всех со всеми», «капитуляции» слабого перед сильным или безоговорочного принятия социальной несправедливости. Это — социально-уверенная позиция, включающая признание равного права сторон на независимость и успех, собственное мнение, самостоятельность и ответственность.

Идея толерантности связана также с общей ориентацией сознания людей на сближение позиций, согласование целей и интересов, поиск дополнитель-

---

⁴ Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М., 1999. С. 496.

ных средств и ресурсов для их обеспечения. Оно принципиально противоположно массовому сознанию, для которого приоритетным является восприятие действительности в контексте повышенного внимания к разногласиям сторон и подчеркивание противоположности их позиций.

Гуманистическая модель человеческого общежития, реализуемая в теории и практике ненасильственного, неконфронтационного и конструктивного регулирования и разрешения конфликтов, сопрягается с современной концепцией прав человека, ущемление которых является одной из наиболее серьезных причин возникновения конфликтов на социальном (межгрупповых), социально-психологическом (внутригрупповых и межличностных) и психологическом (внутриличностных) уровнях. Это сопровождается нарушением баланса индивидуальных и групповых интересов. Последнее неизбежно ведет к возникновению конфликтов различной природы и уровня сложности. Вместе с тем, учет интересов сторон, участвующих в конфликте, применение принципов, технологий и процедур конструктивного регулирования и разрешения конфликтов является наиболее важной предпосылкой эффективного решения проблем.

В контексте теории человеческих потребностей (ТЧП) нарушение прав человека — это, прежде всего, ущемление или неадекватное и неполное удовлетворение всей совокупности или части тех потребностей, которые характеризуют реальную личность каждого человека как активного участника социальных процессов. ТЧП акцентирует внимание на таких человеческих характеристиках, которые, по словам Дж. Бертона, являются онтологическими и универсальными. Эти характеристики позволяют увидеть самые глубокие основания конфликтов различного уровня и выявить их причины⁵. Рассматривая проблему регулирования и прекращения конфликтов, ТЧП предлагает их решение путем удовлетворения основных потребностей, присущих как отдельному индивиду, так и социальным группам, этносам и государствам: безопасности, признания, идентичности, социальной принадлежности и др. Очевидно, что эти фундаментальные потребности неразрывно связаны с правами человека. Права человека имеют, как известно, ценностную основу, а это значит, что конфликты по поводу ущемления прав человека, как конфликты ценностей, — наиболее сложны и с точки зрения их протекания, и с точки зрения их преодоления.

Одной из фундаментальных (базовых) потребностей, ущемление которой практически наверняка приводит к конфликту, — является потребность

---

⁵ См.: Ойстер К. Социальная психология групп. СПб., 2004. С. 165–166.

в идентичности. В ТЧП потребность в идентичности трактуется как одно из фундаментальных условий конструктивного развития человека. Один из ведущих специалистов в области ТЧП О. Надлер предлагает рассматривать потребность в идентичности в качестве первой в числе так называемых фундаментальных потребностей личности на том основании, что альтернативой идентичности является ее дезорганизация и физическая смерть человека. В исследованиях по проблемам индивидуальной и социальной идентичности утверждается, что идентичность развивается и поддерживается в процессе взаимодействия с внешней средой. Эта точка зрения высказывается наряду с представлениями о том, что индивидуальная идентичность формируется в процессе социального взаимодействия. Зависимость идентичности от социальных отношений, — в том числе от межгрупповых и отношений между социумами — подчеркивает и Й. Галтунг⁶. Таким образом, понятие социальной идентичности, как и сам этот феномен, связывают между собой микро- и макросоциальные процессы, социальное, межгрупповое и межличностное взаимодействие. В аспекте этого взаимодействия в социальной идентичности выделяются конфликтогенные факторы межличностных, межгрупповых и социальных процессов и отношений. Сказанное позволяет говорить о социальной идентичности в контексте прав человека.

Особенно наглядно это проявляется на «фоне» ТЧП, в которой выделяются следующие одиннадцать человеческих характеристик, являющихся универсальными и не зависящих от специфики определенной культуры, общества или политической системы и представляющих существенные составляющие общечеловеческого опыта. Это:

- 1) удовлетворенность потребностей в средствах существования;
- 2) физическая и психическая безопасность;
- 3) обеспечение необходимого порядка и уверенности в своей способности предвидеть результаты собственных действий;
- 4) постоянный поиск возможностей для увеличения «ассортимента» потребностей и обогащения качества их удовлетворения;
- 5) наличие генетически присущей людям и постоянно сохраняемой ими надежды;
- 6) способность делать выбор и желать осуществить эту способность;
- 7) быть свободным в осуществлении выбора;
- 8) желание испытывать чувство собственной идентичности и целостности;
- 9) желание испытывать чувство собственной значимости;

---

⁶ См.: Fisher R. J. Needs Theory, Social Identity and an Eclectic Model of Conflict // Conflict: Human Needs Theory. New York, 1990. P. 94.

10) наличие некоторых ценностей или системы убеждений, с которыми они согласны;

11) уверенность в том, что общество обеспечивает высокую степень вероятности осуществления собственных устремлений каждого человека⁷.

Еще одним аспектом «подчинения» конфликту является признание его как фактора управления, имея в виду, что это предполагает подчинение управляемого объекта управляющему субъекту. Чем больше позитивных функций конфликта будет учтено в процессе управления, — тем отчетливее будет эффективность конфликтного менеджмента. В этом случае мы говорим о конструктивном значении конфликта. Здесь следует специально остановиться на значении термина «конфликтный менеджмент». Анализ конфликта в контексте управления имеет, на наш взгляд, принципиальное значение на том основании, что управление конфликтно «по определению», так как предполагает постоянное изменение условий взаимодействия сторон (управляющих субъектов и управляемых объектов), как правило, — без предварительного согласования. В этом заключается специфика управления. Управление также сопряжено с постоянным риском: управляемые объекты и управляющие субъекты вынуждены находиться в состоянии большей или меньшей степени неопределенности. В свою очередь, неопределенность — это основная характеристика риска. Степень риска тем выше, чем больше неопределенность.

Неопределенность, вызываемая множеством разнообразных причин, — и является, как известно, одной из наиболее важных составляющих внутриорганизационного и внутригруппового взаимодействия и одним из источников соответствующего вида конфликтов. Выделим некоторые из причин неопределенности в группах и организациях. Одним из источников конфликтов в организациях, наряду с другими, — является *неопределенность распределения власти и несоответствие статусу*. На этой основе могут возникать так называемые *статусно-ролевые конфликты*. Отсутствие определенности в том, кто из членов группы уполномочен делать то или это, — является одной из форм ролевой неопределенности⁸.

Другим фактором неопределенности в организации может быть *степень осознания целей и способов их осуществления*. Дж. Томпсон показал, что цели, стоящие перед организацией, и средства, применяемые для их достижения, могут быть как определенными, так и неопределенными⁹. Между ними возможны следующие сочетания:

---

⁷ Introduction // Conflict: Human Needs Theory. P. 92–93.

⁸ См.: Маркс К. Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 165–166.

⁹ См.: Thompson J. D. Organizations in action. New York, 1967.

ЦЕЛИ СРЕДСТВА	ОПРЕДЕ- ЛЕННЫЕ	НЕОПРЕДЕ- ЛЕННЫЕ
ОПРЕДЕ- ЛЕННЫЕ	1. БЫСТРОЕ РЕШЕНИЕ	2. КОМПРОМИСНОЕ РЕШЕНИЕ
НЕОПРЕДЕ- ЛЕННЫЕ	3. НЕОПРЕДЕ- ЛЕННОСТЬ	4. БОЛЬШИЕ ТРУДНОСТИ

Таким образом, можно видеть, что легкое или относительно легкое (компромиссное) решение может быть принято лишь при *определенности средств*. Неопределенность средств даже при определенности целей затрудняет принятие решения. Таким образом, определенность в понимании средств достижения тех или иных целей существенно снижает степень риска, а, следовательно, — делает управление более эффективным¹⁰.

Как правило, с понятием «конфликт» связаны негативные ассоциации. Во многом это происходит потому, что конфликтам присущи такие моменты как: противоположность и несовместимость интересов; стремление к достижению односторонних выгод; невозможность длительного компромисса и нередко стремление к полному разгрому противника. Вместе с тем, конфликт обладает потенциальной ценностью, которая состоит в том, что он позволяет:

- найти новые и более совершенные пути решения проблем;
- способствовать предотвращению более серьезного конфликта;
- повысить групповую сплоченность;
- наладить прочные и долговременные отношения с другими людьми;
- больше узнать о себе и о других;
- научиться сохранять состояние психологического комфорта.

Так, например, Ойстер Кэрл к числу безусловных «плюсов» конфликта относит следующие обстоятельства:

1. Во время конфликта отдельные члены группы зачастую раскрываются с самой неожиданной стороны, демонстрируя такие *положительные качества*, которые у них никто ранее не замечал. Например, человек, доньше не

¹⁰ В этом случае к числу средств достижения поставленных целей с полным основанием можно отнести и технологии, позволяющие ответить на вопрос о том, *как* следует использовать имеющиеся средства для достижения этих целей.

проявлявший в группе сколько-нибудь заметной активности, — может начать предпринимать решительные шаги, чтобы помочь скорейшему разрешению конфликта.

2. Нередко конфликт приводит к *инновациям и изменениям* внутри группы. Если прежние групповые нормы и законы провоцировали регулярные конфликты, — значит, в результате конфликта группа получит возможность пересмотреть их с новых позиций и создать новую, более адекватную структуру.

3. Чем бы ни кончился конфликт, наблюдательные участники группы смогут почерпнуть из него *опыт*, который позволит разработать *методы предотвращения* дальнейших конфликтов.

4. И, наконец, если группе удастся успешно преодолеть конфликт, то его разрешение приведет к *объединению или воссоединению* участников.

Конфликт — как противоборство на основе противоположных интересов и несовпадающих целей — всегда представляет собой ситуацию выбора не только определенных целей и необходимых средств их достижения, но и решение вопроса «все ли средства хороши?». Выбор целей и средств обусловлен восприятием конфликта, интерпретацией ситуации и оппонента. Комбинации переменных этих двух параметров (целей и средств) определяют тот или иной вариант взаимодействия сторон в конфликте: от вражды до решения проблемы. Вражда, основанная на субъективном восприятии ситуации как опасной и оппонента как врага — является наихудшим вариантом из возможных комбинаций. Это можно изменить или, по крайней мере, — попытаться это сделать. Для этого необходимо:

- изменить собственное отношение к ситуации и оппоненту. Придать этому отношению конструктивный характер (рефрейминг);
- установить приемлемые условия и правила взаимодействия, в том числе — правила и порядок представления проблемы;
- признать, что приспособление к точке зрения, интересам другой стороны — отнюдь не слабость;
- рассматривать уход от конфликта, его игнорирование как нежелательный и «слабый» ход, который ведет к утрате контроля над ситуацией;
- интерпретировать компромисс преимущественно в негативном аспекте как упущенную возможность максимального удовлетворения интересов каждой из сторон;
- в любом случае и безусловно соблюдать «этику победителя»: «В боренье падший не вредим; Врагов мы в прахе не топтали...» (А. Пушкин).

В нравственной сфере следует искать и природу конфликта. Под этим термином мы понимаем вариативную совокупность переменных атрибутов

конфликта, таких как субъекты, предмет и объект, а также процесс конфликта. Вопрос о природе конфликта мы рассматриваем в контексте терминов злонамеренность — доброжелательность намерений (целей), преднамеренный или непреднамеренный характер действий, предсказуемость — непредсказуемость их последствий.

ЦЕЛИ ДЕЙСТВИЯ	ДОБРОЖЕЛА- ТЕЛЬНОСТЬ	ЗЛОНАМЕ- РЕННОСТЬ
ПРЕДНАМЕ- РЕННЫЕ	1.	2.
НЕПРЕДНА- МЕРЕННЫЕ	3.	4.

1. Стороны (каждая или одна из них) ставят перед собой доброжелательные цели и действуют преднамеренно (т.е. обдуманно, сознательно). Это соотношение целей и действий соответствует ситуации, в которой, осознавая собственные интересы и интересы оппонента, стороны готовы к сотрудничеству. Последствия взаимодействия сторон предсказуемы.

2. Преднамеренные действия и злой умысел порождают жестокую конфронтацию или даже вражду. В целом последствия взаимодействия сторон предсказуемы.

3. Третья позиция фиксирует ситуацию, в которой достижение «благородных» целей неочевидно и может быть неожиданным следствием действий, которые изначально не были направлены на это («нет худа без добра» или «не было бы счастья, — да несчастье помогло»). Последствия такого рода действий непредсказуемы.

4. Четвертый вариант отражает осложнение взаимоотношений и причинение большего, — чем изначально предполагалось — вреда в результате непродуманности последствий действий, направленных на причинение урона.

В заключение наших размышлений относительно различных аспектов «подчинения» конфликту, например, таких как:

- признание конфликта в качестве атрибута социальных явлений, процессов и отношений, его институционализация;

- признание функциональности и потенциальной ценности и конструктивности конфликта;
- профессиональное и ответственное отношение к конфликту, его урегулированию и разрешению, а также управлению конфликтом, что особенно важно, когда речь идет о толерантности, культуре мира, правах человека и его фундаментальных (базовых) потребностях.

Уместно привести слова молодого К. Маркса, написанные им по поводу значения теоретического обоснования тех идей, «которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть». «Это узы, — писал К. Маркс, — из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»¹¹. ***Подчинение конфликту может иметь и буквальное значение, если говорить о конфликте не только как об объекте, но и как о факторе или средстве социального управления.***

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борохов Э.* Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999.
2. *Бродский И.* Напутствие. // Юность. М.: Правда, 1991. № 2.
3. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. М.: Наука, 1994. № 5.
4. *Культура мира: от утопии к реальности.* Казань, 1999.
5. *Маркс К.* Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» // Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 1.
6. *Ойстер К.* Социальная психология групп. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
7. *Conflict: Human Needs Theory.* New York: St. Martin's Press, 1990.

---

¹¹ См.: *Маркс К.* Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung». С. 118.

Политическая конфликтология в глобальном и региональном аспектах

Н. Г. Гузынин (Ставрополь)

ПРОБЛЕМА «ПРОПИСКИ» КОНСЕРВАТИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Латинское слово «conservo» (охраняю, сохраняю) вошло в языки практически всех народов, вставших на путь индустриальной и постиндустриальной цивилизации и осваивающих демократические процедуры осуществления политического процесса. Однако этимология этого термина в неполной мере соответствует реальной содержательной наполненности данного понятия. Его разнообразная онтологическая представленность в самых разных сферах бытия общества порождает гносеологический плюрализм, обнаруживающийся в различных теориях и концепциях. Между тем, интерпретации консерватизма в теории и применение его в различных практиках богаче не только его исконного смысла, но и соответствующей идеологии, формирующей лицо той или иной партии и ее программные ориентации. И, тем не менее, консерватизм рассматривается преимущественно как политический и идеологический феномен.

В развитых и зрелых западных демократиях сложилась устойчивая дуальная оппозиция «консерватизм — либерализм», в рамках которой, под влиянием социально-экономической и политической конъюнктуры, происходит постоянно меняющийся прилив и отлив волн консерватизма и либерализма. В России никогда не существовало зрелого противоречия между консерватизмом и либерализмом. Изначально укоренившаяся в жизнеустройстве российского общества византийская парадигма, основанная на патернализме, не позволила сформироваться и утвердиться здесь традиции либерализма. Тем не менее, хотя консерватизм и превалировал в повседневной жизни и в формах жизнеустройства России, его развитой идеологии так и не было выработано, поскольку он просто не имел естественной альтернативы и не нуждался в публичности и легитимации.

Кризис КПСС в Советском Союзе в конце 80-х — начале 90-х годов означал крушение марксистско-ленинской идеологии как доминантной мировоззренческой основы политической жизни общества. Попытка в перестроечный

период искусственно ввести космополитичную идеологию «общечеловеческих ценностей» не дала желаемого эффекта. Но состояние идеологического вакуума, определявшееся некоторыми экспертами как процесс деидеологизации, — оказалось недолгим. А в более широком смысле, несмотря на предостережения некоторых западных и российских политологов о грядущем конце идеологии, она продолжает существовать в различных вариациях на политической авансцене современности. И для этого есть свои, вполне объективные резоны: Россию, со времен филофеевской идеологии (Москва — третий Рим), можно отнести к идеократическим странам. В отличие от стран либерально-демократического толка, в России, с ее тоталитарным опытом, роль идеологического фактора была и остается очень высокой.

В условиях демократического транзита, исключающих безальтернативную самодостаточность «авторитета власти», легитимация последнего требует внятной аргументации и обоснования. Соответственно, в пореформенный период современного развития России идеология консерватизма переживает своего рода «ренессанс». Идеи консерватизма в массовое сознание и публичный идеологический процесс внесла партия «Единая Россия», которая на XI съезде в 2009 г. в Санкт-Петербурге провозгласила консерватизм в качестве собственной официальной идеологии. С другой стороны, от лица просвещенной общестственности, выступил видный кинорежиссер Н. С. Михалков, предложивший высшему руководству России программный документ — некий «Манифест просвещенного консерватизма». Некоторые аналитики, правда, считают, что оба эти жеста имеют, скорее, общую канву происхождения и отражают запрос политической элиты страны, а не реальные потребности общества и широких масс. Отсюда отнюдь не академической «повесткой дня» оказывается вопрос о том, является ли консерватизм случайным и конъюнктурным всплеском идеологических исканий «партии власти» или явление носит долговременный характер? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, насколько укоренен консерватизм в «исторической почве» России и тем более — в современной политической почве.

Историческое бытие России носило инвариантный характер в силу своей экономической и политической застенелости и малоподвижности. В его недрах постоянно воспроизводилось противоречие между огромным территориальным масштабом и немногочисленным населением, утопающим в ее необъятных просторах и неспособным их физически освоить. Доминирование огромного пространства и природы над социальным жизнеустройством России вызывало естественную размеренность, природно-социальный циклический круговорот, затрудняющий динамику и, наоборот, — содействующий возобновлению традиционалистского уклада российской жизни. Иначе

говоря: объективно, исторически весь уклад жизни России формировал консервативные привычки, нормы поведения, действия и воззрения. Как говорил Н. В. Гоголь, Россия представляет «заколдованное место», в котором ничего и никогда не меняется.

В то же время, для России характерно исторически вторичное вхождение в цивилизованный мир. Это обстоятельство порождало две противоречащих друг другу интенции, составляющих дуальную оппозицию исторического развития России. С одной стороны, вторичность вхождения в цивилизованный мир побуждала ее сокращать дистанцию разрыва с передовыми странами за счет форсирования ускоренного развития для достижения максимальных результатов в более короткие интервалы времени, чем это удавалось стабильно прогрессирующему цивилизованному миру. Такой характер исторической гонки в России неминуемо вел к разрыву с прошлым, с его наработанным жизненным опытом и укладом жизни. В эти исторические моменты ускоренного развития происходило кратковременное оживление либеральных ожиданий и утверждение соответствующих ценностей. С другой стороны, рывки вперед неминуемо вели к откатам назад, так как у власти постоянно срабатывал «инстинкт самосохранения» и в истории России консервативная тенденция развития являлась доминантной. В дуальной оппозиции «консерватизм-обновление» прерогатива принадлежала ее первой составляющей потому, что ее главным выразителем выступало государство в лице властвующей элиты. При историческом выборе между интенциями к преобразованию российской действительности и к сохранению существующего положения вещей, постоянно возникающем в русской истории, — власть, нисколько не сомневаясь, отдавала предпочтение сохранению статус-кво. Поэтому, приходится констатировать, что до 90-х годов XX в. так и не появились конкурентоспособные альтернативы консерватизму.

В истории России генезис консерватизма как политического явления начинается с XIX в., хотя и до этого возникали отдельные идеологемы, носившие консервативный характер. Наряду с упоминавшейся идеей «Москва-третий Рим», существенную смысловую консервативную нагрузку несут в себе уваровская идеологема «православие, самодержавие, народность», а также идея «государь — помазанник божий». Весь этот идеологический антураж российской государственности был призван защищать ее устои от всевозможных социальных потрясений. Главными апологетами консервативных взглядов были Карамзин, Уваров, Победоносцев, Столыпин, Тихомиров, Ильин, Солоневич и др. И все же в России так и не было сформировано четкой идеологии консерватизма, так как не существовало соответствующей развитой политической практики. В досоветский период консерватизм пред-

ставлял собой, прежде всего, спонтанную идеологическую и практическую реакцию контрреформистского толка.

Практика и идеология реформ Александра II вызвала защитную консервативную реакцию контрреформистского отката назад по отношению к пройденному при Александре III пути. Консерватизм этого периода был охранительным и не способным к модернизации. В нем защита социально-политического порядка явно превалировала над экономическими преобразованиями и фактически препятствовала их разворачиванию. Этот консерватизм носил антипрогрессистский характер в отличие от его иной прогрессистской разновидности, о которой говорил А. Камю: «Когда ты уверен, что завтрашний день, в силу самого порядка вещей, принесет тебе больше благ, чем сегодняшний, ты можешь спокойно почивать на лаврах. То есть прогресс, как это ни парадоксально, может служить оправданием консерватизма»¹. В другом отношении это замечание А. Камю можно интерпретировать и иначе: консерватизм является апологизирующей силой прогресса. Тем не менее, говоря о консерватизме в досоветский период истории России, — следует иметь в виду, что, как идеология и политическая практика, он отражает лишь политические ориентации тотально господствующих классов общества в условиях политической спячки широких масс.

В советский период, как известно, возобладал нигилистический и леворадикальный подход ко всему прошлому: «до основания разрушим, а затем...». В результате этого «разверзлась» связь времен, и социалистический период времени советской империи в какой то мере можно рассматривать как зигзаг в истории России, нарушающий нить преемственности и разрывающий связь прошлого с будущим.

Одним словом, несмотря на то, что консерватизм в истории России артикулируется теми или иными политическими акторами, у него нет здесь глубинных исторических оснований, и он укоренен лишь в поверхностном слое «исторической почвы», а не в ее «корневой системе». Консерватизм здесь, скорее, — приверженность традиции отцов, а не выбор политической альтернативы, что и не позволило ему стать традицией политического опыта России. Именно в этом контексте для нас важен вопрос о природе и сущности идеологии консерватизма, принимаемой на вооружение современной политической элитой страны.

Исторический опыт стран, достигших впечатляющих результатов в модернизации и инновационном развитии, говорит о том, что консерватизм у них сыграл существенную прогрессивную роль. Секрет произошедшего

---

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 269.

в Японии и Германии экономического чуда заключается в гармоничном синтезе присущих им традиций, морали и менталитета с современными достижениями в науке, технике и технологиях. В этом же направлении движется и современный Китай, умело сопрягающий конфуцианскую мораль с западными научными и технологическими достижениями. Если в мире партии консервативного толка в последние десятилетия добились замечательных успехов в переходе на основе модернизации на постиндустриальные рельсы развития своих стран, то в России он играет иную роль. В российской истории, в отличие от западной, утвердился своеобразный консерватизм. Стремясь преодолеть «догоняющий тип цивилизации», мы используем цивилизационный опыт Запада без учета собственной специфики и отечественных традиций и, тем самым, — усугубляем отставание от Запада. Цивилизационные достижения Запада воспринимаются нами догматически. Поэтому, дублируя их, мы постоянно выступаем в роли аутсайдеров. В результате вместо органичного синтеза западных новаций и российских традиций, происходит искусственное внедрение западного опыта в российские реалии, превращающее оригинал в его блеклую тень. В свое время, к примеру, применяя идеологию марксизма, мы начетнически использовали ее понятийный аппарат, волюнтаристски наполняя его иными смыслами и изменяя его содержание до неузнаваемости от аутентичного прочтения этого учения.

Необходимо учитывать, что консерватизм, как таковой, склонен совмещать опору на традиции со стремлением к постепенным эволюционным изменениям. В России же он тяготеет к закостенелости, делая ставку на сохранение прежнего положения вещей. В российских реалиях стабильность, как естественная аура существования консерватизма, сводится к несменяемости власти, а в традициях, как опыте прошлого, — для развития настоящего лишь воспроизводится их повторяющаяся составляющая, ведущая не к развитию, а к застойному состоянию.

В России крайности культурного порядка затрудняли существование традиционалистского уклада жизни и его ценностей на уровне сознания. В ее истории, если и утверждался традиционализм, то он носил односторонний охранительный характер, провоцирующий леворадикальные отклонения и рецидивы. В связи с тем, что у нас консерватизм исторически выступал преимущественно апологетом существующего порядка вещей, у части общества он ассоциируется с реакционными силами, с регрессом и застоём. Биполярная оппозиция «консерватизм-либерализм» выражала инверсионный характер социально-политических и духовно-культурных процессов в России². Если на

---

² См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Новосибирск, 1997.

Западе, безотносительно к тому, кто приходил к власти: консерваторы или либералы, — не происходило инверсии социально-политического статус-кво и постоянно наличествовал определенный синтез консервативно-либеральных начал в жизни общества, то в России кратковременная либеральная «оттепель» всегда сменялась длительными консервативными «заморозками». Нельзя не согласиться с мнением Н. Михалкова, высказанным им в его «Манифесте просвещенного консерватизма»: «Современный общественный строй, представляющий собой гремучую смесь из догоняющей Запад либеральной модернизации, произвола «местных начальников», всепроникающей коррупции, не устраивает большинство россиян. За «парадом» экономических реформ и «фасадом» либеральных институтов по-прежнему скрываются традиционные, архаичные общественные отношения»³. Между консерватизмом и либерализмом в России всегда возникал непримиримый конфликт, выражающий противоборство сил, отстаивающих, с одной стороны, традиционализм в форме застоя, обскурантизма, ретроградства, а с другой стороны, — прогресс, обновление, модернизацию. Длительное преобладание традиционалистских основ в бытии России закупоривало ее исторический прогресс, пробуждая либеральную волну идей, подталкивающих страну к резкому крену в сторону кратковременного половинчатого либерализма, сменяющегося реваншем консерватизма охранительного толка.

Доминирование консерватизма в современной России объясняется в частности тем, что либеральные и демократические ценности все еще не имеют поддержки большинства среди россиян. В сознании многих они символизируют чуждое влияние Запада на Россию. Негативные ассоциации россиян по отношению к демократии связаны с тем, что они не имели ее исторической прививки. И поэтому ими не осуществляется синкретичной рефлексии феномена демократии с акцентацией на ее позитивных сторонах. На ментальном уровне россиян происходит своего рода абберация, сводящаяся к оценке феномена демократии через призму действий отдельных представителей, позиционирующих себя в роли демократов.

Несмотря на неоднозначное отношение различных сегментов российского общества к консерватизму, он имеет более прочную опору и широкую базу поддержки, чем его политические и идеологические оппоненты. Консерватизм в России в споре с либерализмом и левым радикализмом имеет определенное преимущество, так как представляет более взвешенный подход в решении различных социальных проблем. Он выступает против крайно-

³ Электронный ресурс: <http://www.proektrussia.ru/manifest-prosveschennogo-konservatizma.-n.-michalkov/2.html>

стей безграничной свободы немногих за счет ответственности большинства, против уничтожения нового олигархического капитализма ради реанимации справедливого социализма.

Однако исторически предпочтительное положение консерватизма в конкуренции с оппонирующими идеологиями не дает права его приверженцам превращать этот феномен в единственно правильную систему ценностей, стремящуюся к узурпации идейной и политической власти над российским обществом. Правящей партии «Единая Россия», взявшей на вооружение идеологию консерватизма, не следует пренебрегать историческим опытом монополии на власть КПСС. По определению, любая партия, как часть политической системы, не может претендовать на роль выразителя «общенародных» интересов, если, конечно, она не имеет в виду выстроить себе такой политически однополюсный народ. Идеология консерватизма выражает интересы лишь определенных социальных слоев и групп российского общества. Более того: в том качественном состоянии, в котором пребывает российский консерватизм сегодня, — он не способен осуществить модернизацию России. Это проявляется в том, что он воспроизводит негативные традиции в способах жизнедеятельности и укладе жизни, опутывающие своей закостенелостью любые инновационные начинания. Инстинкт самосохранения, как наиважнейший традиционный «ген» российского консерватизма, — не приемлет качественных преобразований, но всячески толкает его к сохранению стабильности в обществе. Причем стабильность рассматривается им не как предпосылка для созидания нового, а как способ самовыживания и даже некая цель. Для нас традиции и новации, в отличие от той же Японии, — во многом несовместимы. У нас многие традиции не представляют удивленного западного взгляда из прошлого на настоящее, а, наоборот, — выражают перевод настоящего на язык прошлого. Поэтому вместо синтеза традиций и новаций, — мы отторгаем одно от другого и получаем не экономическое чудо, а лишь догоняющее развитие или даже застой.

Институты Российского государства никогда не выступали в роли медиатора между различными акторами политической «авансцены». Но сами всегда являлись доминирующей консервативной силой в политической жизни общества. Стремление современного российского государства к формированию моноцентричной модели политической системы общества посредством создания вертикали власти и полупартийности, ужесточения избирательного законодательства, — ведет не только к унификации, но и фактическому омертвлению политической жизни как сферы конкуренции различных сил по поводу власти и жизнеустройства общества.

Апатично-молчаливая поддержка большинства российского общества не представляет бессрочного кредита консервативному курсу элиты по свертыва-

нию политического пространства России. Этот кредит будет исчерпан, когда к пониманию его использования как электорального инструмента прибавится осознание того, что само это большинство ценно лишь в этой роли и никаких иных перспектив для него не предвидится. С другой стороны, тотальная консервация импульсов к живой политической жизни не может не привести к краху долготерпения либерального меньшинства по отношению к наличию атмосферы несвободы. Консервативный политический монополизм в России порождает не только гражданские протестные акции, но, к сожалению, — и рецидивы нигилизма и иррациональные действия толпы в форме всепоглощающего разрушительства.

Одной из наиболее важных предпосылок модернизации России является демополизация жизненного пространства российского общества от государства как необходимое условие формирования гражданского общества. Пытаясь модернизировать экономику, государство должно инициировать создание благоприятной институциональной среды вокруг этого процесса и, прежде всего, — создать мобильную, способную к качественному обновлению политическую систему. В противном случае, как это сейчас происходит, — демократическая по форме, но авторитарная по сути, политическая система превращается в основной тормоз модернизации экономики. Паллиативные изменения политической системы и избирательного законодательства, принимаемые руководством России в последнее время, — нацелены не на углубление демократии, а лишь на обозначение видимости ее наличия и даже формального совершенствования.

Иначе говоря: для успешного развития России ей жизненно важен не традиционно-охранительный консерватизм, а консерватизм, способный к созиданию и творчеству. Российскому консерватизму необходимо осуществить переход от пренебрежительного остракизма либерализма к равноправной конкуренции и даже к конструктивному сотрудничеству с ним. Обновление и модернизация России может происходить лишь на либерально-консервативных основаниях. Велик соблазн монополизма для политической, экономической и финансовой элит России, но советский опыт прошлого является грозным предупреждением того, чем все это заканчивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. Новосибирск, 1997.

Нормативно-правовые аспекты взаимодействия

СИМПОЗИУМ «НОРМЫ И НОРМАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ В ФИЛОСОФИИ, ПРАВЕ И ИНФОРМАТИКЕ». NORSY2011 (9–10 СЕНТЯБРЯ 2011 Г., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Симпозиум «Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике» состоялся 9–10 сентября 2011 г. на философском факультете СПбГУ. Мероприятие было посвящено презентации русского перевода¹ «Нормативных систем» — опубликованного в 1971 г.² влиятельного труда двух аргентинских ученых, правоведа и философа права Е. В. Булыгина и логика К. Альчуррона, а также 40-летию выхода в свет самого оригинала и 80-летию Е. В. Булыгина.

«Нормативные системы» — классическая книга в области теории права и логики норм. К. Альчуррон и Е. Булыгин использовали логический инструментарий для анализа таких важных теоретико-правовых вопросов как полнота и непротиворечивость правовой системы, разрешение юридических коллизий и правотворчество, пробелы в праве, методология принятия и обоснованность судебных решений и др. «Нормативные системы» были ранее переведены на испанский, итальянский и немецкий языки. Особую значимость симпозиуму и публикации русского перевода придавал тот факт, что русский язык — это родной язык Е. В. Булыгина, уроженца г. Харькова (ныне Украина).

Организаторами симпозиума «Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике» выступили философский факультет СПбГУ при участии юридического факультета Петербургского филиала Национального исследовательского университета Высшая школа Экономики и юридического факультета СПбГУ. Симпозиум проводился в рамках проекта № 23.0.119.2010 «Ответственность: комплексный социально-философский анализ», включенного в Тематический план научных исследований СПбГУ (руководитель проекта С. И. Дудник).

¹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова; под ред. Е. В. Булыгина, Е. Н. Лисанюк // Российский ежегодник теории права. № 3 (2010). СПб.: Юридическая книга, 2011. С. 307–470.

² Alchourron C. E., Bulygin E. Normative Systems. Springer, 1971.

Открыл симпозиум декан философского факультета профессор **С. И. Дудник**. В своем напутственном слове участникам симпозиума он подчеркнул важность развития традиций философии права, объединяющих философов и правоведов. Пленарный доклад **Е. В. Булыгина**, ныне почетного профессора Университета Буэнос-Айреса (Аргентина), был посвящен проблеме разграничения понятий «нормативная система» и «правопорядок». Докладчик заострил внимание на особенностях понимания нормативного регулирования и действия норм во времени. Согласно Булыгину, нормативная система — это совокупность норм, зафиксированных в законодательстве некоторого государства в данный момент времени. В отличие от нормативной системы, правопорядок этого государства в данный момент времени, помимо явных норм, включенных в нормативную систему, составляют также нормы, действовавшие ранее, но теперь отмененные или измененные. Иными словами, правопорядок — это упорядоченная во времени последовательность множеств норм — нормативных систем, основу которой составляет конституция государства как главная уполномочивающая норма. Докладчик привел несколько примеров из своей судебной практики, когда как судья, согласно закону, при принятии решения должен был руководствоваться не той нормой, которая имеется теперь в законе, но другой нормой, действовавшей на момент совершения преступления.

Дискуссия по докладу Е. В. Булыгина развернулась в области обоснования права в правовом позитивизме, а также по вопросам принятия справедливых судебных решений. Участники симпозиума живо интересовались богатым судебским опытом Е. В. Булыгина, и, к обоюдному удовольствию, докладчик вспомнил несколько показательных случаев из своей практики.

Профессор **И. Д. Невважай** (Саратовская Государственная Академия Права) в своем пленарном докладе сосредоточился на обсуждении двух подходов к пониманию нормативности — интенционального и респонсивного. Докладчик определил интенциональную нормативность как создание интеллектом интерпретирующих структур, деятельное рациональное созидание смыслов. В отличие от такого подхода, респонсивная нормативность не ищет интерпретации, но участвует в ее создании путем нахождения адекватного выражения, например, в языке, терминологии, художественном опыте. Изложив особенности респонсивного и интенционального подходов, докладчик экстраполировал это разграничение на сферу культуры, понимаемую им в широком смысле, и назвал первый подход, респонсивный, культурой выражения, а второй, интенциональный, — культурой правил. И. Невважай указал на важность поиска путей взаимодействия между этими культурами, поскольку обе одновременно присутствуют в обществе. В частности, в сфере морали они представлены через два принципа: принцип удовольствия, соответствующий

в большей мере интенциональной культуре правил, и принцип долга, отвечающий позиции респонсивной культуры выражения.

Дискуссия по докладу И. Невважая проходила в русле уточнения сути предложенного им разграничения, а также по вопросу о его эвристической значимости в области философии права и юридических наук.

Во второй половине дня состоялись заседания секций «Философские аспекты нормативных систем», «Нормативные системы в праве» и «Логика и нормативные системы». Решением ведущих первые две секции были объединены в одну в целях расширения возможностей для дискуссий между правоведами и философами. В объединенной философско-правоведческой секции большой интерес вызвал доклад **М. В. Антонова** (СПб филиал НИУ ВШЭ), посвященный методологическим вопросам юридической науки в «Нормативных системах». В ходе двухдневной объединенной работы секции были заслушаны и обсуждены доклады **С. И. Максимова, И. Д. Осипова, О. А. Лосевой, Е. В. Поповой, И. Л. Честнова, А. А. Калачева, А. А. Краевского, М. Л. Давыдовой, Д. А. Гусева, Д. А. Щукина**.

В секции «Логика и нормативные системы» 9 и 10 сентября состоялись доклады **Е. Н. Лисанюк, С. Н. Касаткина, Ю. Е. Пермякова, А. Г. Кислова, Г. К. Ольховикова**.

Пленарное заседание 10 сентября открыл профессор **В. Кравиц** (Университет Мюнстера, Германия). Переводил доклад В. Кравица на русский язык его коллега профессор **С. В. Королев** (Институт государства и права РАН, Москва), по просьбе профессора В. Кравица любезно подготовивший русский текст доклада. В своем докладе профессор Кравиц сосредоточился на понимании природы норм в философии права, юридической науке и логике. Докладчик указал на то, что подход Г. фон Вригта в его известном труде «Норма и действие» тяготеет к волюнтаривной, или субъект-ориентированной концепции нормы. Другую тенденцию можно обнаружить в трудах сторонников юридической герменевтики, — от В. Дильтея до Г. Гадамера. Соединение усилий указанных направлений исследований нормативных систем, которые докладчик назвал соответственно информационным и коммуникативным пониманием систем права, является актуальной задачей современной философии права и может дать весомые результаты в виде создания интегративной информационно-коммуникативной теории права.

Дискуссия по докладу В. Кравица развернулась, в основном, по вопросам взаимодействия правовых систем различных стран.

После пленарного заседания состоялись презентация русского перевода «Нормативных систем» и чествование Е. В. Булыгина.

Во второй половине дня работу симпозиума продолжили заседания круглый стол. В круглом столе «Нормативность и ответственность» большой резонанс вызвало риторически яркое и насыщенное выступление **Е. Н. Тонкова**. В круглом столе «Аспекты нормативности права» выступили аргентинские ученики Е. В. Бульгина — **Изабель Новосад и Хорхе Эмилио Нуньес**.

В симпозиуме приняли участие 52 ученых, представляющих философские и юридические науки. География симпозиума охватывает Россию (Москва, С.-Петербург, Самара, Саратов, Екатеринбург, Волгоград, Новгород, Воронеж), Украину (Киев, Харьков, Луганск), Германию, Аргентину. В организации симпозиума участвовали волонтерские группы студентов 2 курса образовательной программы «Прикладная этика» (С. Курочкин, М. Рогов, И. Криволапова, А. Бабик, А. Данилова, О. Каяндер) и 5 курса специализации «Логика» образовательной программы «Философия» (М. Алексеев, М. Болдарева, Е. Сологубова, А. Галимова).

Подготовила обзор *Е. Н. Лисанюк*

И. Д. НЕВВАЖАЙ (САРАТОВ)

О ДВУХ ТИПАХ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ

Когда мы говорим о нормативном характере человеческого бытия, то имеем в виду не только то, что во всех сферах жизни человека обнаруживаются те или иные нормы, которым подчинено существование человека, но и то, что в самой основе его бытия коренятся некоторые типы нормативности, которые можно было бы рассматривать как фундаментальные. Выявление таковых — важнейшая философская задача в исследовании человека.

Я предлагаю обсудить идею о существовании двух альтернативных фундаментальных типов нормативности, которые выступают порождающими структурами, задающими нормативные основы человеческого бытия. Этим типам отвечают две фундаментальные способности сознания: интенциональность и респонсивность.

Приступая к реализации определенного мной замысла, я хотел бы начать с принципиальных замечаний, касающихся общего понимания норм.

Я буду исходить из определения нормы как установленного эталона, стандарта для оценки существующих и образца создания новых объектов¹. Из этого следует, что норма отличается, с одной стороны, от воплощающего ее реального предмета, с другой — от фиксирующего ее нормативного высказывания, например, юридического закона или грамматического правила. Как эталонный объект, так и нормативное высказывание могут соответствовать норме, но не являются ею. Поэтому я согласен с позицией профессора Е. В. Булыгина, согласно которой нормы следует отличать от нормативных предложений, которые являются разновидностью фактических высказываний². Хотя некоторые юристы нередко их отождествляют, когда рассматривают право лишь как писанный закон. Норма есть отношение высказывания и реальности. Но мне представляется возможным дать еще более общее определение нормы.

¹ Норма // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М., 2000. С. 108.

² См: *Alchourron C. E., Bulygin E. The Logic of Normative Systems* // Alchourron C. E., Bulygin E. *Normative Systems*. Wien; New York, 1971. P. 7–64.

В своей ранней работе, связанной с изучением природы и познавательных функций эталонов измерения, я показал, что эталон имеет символическую функцию, благодаря которой мы связываем измеряемую величину с формой ее представления³. Приведу простые примеры. Допустим, что измеряемая величина — это стоимость товара. Его стоимость выражается в некотором количестве монет. Эталон — в данном случае это деньги — связывает символически стоимость товара и количество монет. Время измеряется числом движений (колебательных) в часах, и поэтому всякий эталон в данном случае связывает время и количество колебательных движений. Таким образом, эталон — это предмет, процесс, который своей репрезентационной формой (в вышеприведенных примерах это количество монет, число колебаний) символически выражает измеряемое свойство. Эти примеры показывают, что эталон, норма есть фиксированное символическое отношение между измеряемой реальностью и ее выражением, репрезентацией. Когда мы говорим о нормах в сфере человеческих поступков, то универсальной репрезентативной формой последних (хотя, не только их) является язык, языковые выражения. С этой точки зрения мы можем говорить о необходимо нормативном (и именно нормативном!) характере отношения между языком и действительностью. Норма есть определенная связь высказывания с действительностью. Такого рода связь может весьма различной. Обобщая, можно сказать, что нормативным является само отношение знака и значения. Норма же есть фиксация характера этого отношения. Содержательно эти отношения могут разными, и они зависят от качества значений и форм представления. Но формально мы можем классифицировать типы нормативности, отличающиеся по формами, или способами, отношений между обозначаемым и обозначающим. Далее я хочу предложить одну из классификационных схем, которая основана на том, что либо мы рассматриваем обозначающее как обуславливающее обозначаемое (знак определяет значение), либо обозначающее считается обусловленным обозначающим (значение определяет «свой» знак). Эта классификация мне представляется интересной и актуальной потому, что фиксированные выше отношения между обозначающим и обозначаемым реализуются на базе фундаментальных способностей сознания, таких как интенциональность и респонсивность. И поэтому предлагаемая классификация может оказаться универсальной и обнаруживать свое действие в различных сферах активности человеческого духа.

Интенциональность есть направленность сознания *на* что-то, что является коррелятом сознания, полагается как предмет и в такой форме схватывается

---

³ Неважжай И. Д. Социальные аспекты эмпирического познания. Саратов, 1989.

или берется во внимание. В интенциональных актах знак как орудие мысли выступает в функции указания, он идеально полагает некое содержание — объект. Это обстоятельство определяет один из рассматриваемых здесь типов нормативности и соответствующему культурному типу. Об этом чуть позже. Идея респонсивности, или «ответности», в феноменологии была сформулирована одним из учеников Э. Гуссерля Адольфом Райнахом⁴. Понятие респонсивности развивает современный немецкий философ Бернхард Вальденфельс⁵. По мнению Б. Вальденфельса, описание сознания как интенционального акта должно быть дополнено описанием его как акта респонсивности. Термин «респонсивность», или «ответность», обозначает ситуацию, когда чужое сознание, или просто чужой, «присутствует» в собственном сознании субъекта, посредством *ответа* на запрос, призыв чужого. «Чужое» дает о себе знать в форме выходящего за пределы устанавливаемого собственным разумом порядка. Мы сами изобретаем то, *что* мы отвечаем, но не то, *на что* мы отвечаем, и что делает значимым нашу речь и наши поступки. Чужое притязание отклоняет от привычных событий и делает возможным иное видение, мышление и действие. Сознание может отвечать на некую «данность», реагировать на событие «вторжения чужого», требуя выразить вторгающуюся «данность». Анализ подобных актов связан с выяснением того, как объективная реальность (вещь, или «чужое» сознание) становится фактом нашего сознания. В респонсивных актах знак используется в функции замещения данного нам извне и притязающего на выражение содержания. Описанные способности сознания задают совершенно разные типы нормативности и, соответственно, типы культуры.

Хотелось бы обратить внимание на то, что вышеописанные характеристики сознания теснейшим образом связаны с одной дихотомией, которую зафиксировал еще Платон, обсуждая вопрос о том, произвольны ли имена вещей, или они связаны с природой самих вещей. Мы можем интерпретировать имена как «собственное» вещей, но можно также интерпретировать имена как «собственное» людей, а не вещей. В зависимости от того, признается произвольность и условность имен по отношению к вещам, либо признается неразрывная связь имени вещи с ее природой, формируются разные типы человеческой культуры. Последнее соображение, например, лежало в основе семиотического подхода к описанию культуры, который был развит в 70-е годы XX в. представителями Тартуской школы семиотики Ю. М. Лот-

---

⁴ Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М., 2001. С. 177–178.

⁵ Вальденфельс Б. Мотив чужого: сб. пер. с нем. / науч. ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Минск, 1999.

маном и Б. А. Успенским⁶. Некоторые результаты проведенного ими исследования будут в дальнейшем мною использованы.

Итак, в зависимости от отношения к знаку можно выделить два типа нормативности, или два типа культуры, различие между которыми определяется тем, как понимается отношение между знаком и его значением. Обозначу эти два типа культуры как *культуру правил* и *культуру выражения*.

Культура правил определяется отношением к знаку как к чему-то условному и произвольному по отношению к референту. Я называю эту культуру «культурой правил» потому, что здесь мышление осуществляется в пространстве уже существующего языка, в котором предложения строятся, опираясь на собственные правила, а не на реальность, лежащую за пределами языка как системы знаков. Здесь сознание существует в качестве интенционального акта, которое направлено на некое содержание. Знак указывает сознательному Я на некое полагаемое этим знаком содержание. В этом случае знак не может быть «правильным» или «неправильным». Именно знак и его употребление определяют и формируют свой референт, поэтому здесь действует норма: «существует то, что правильно», что задано правилом, нормой, закодированной в используемом знаке. Основной мыслительной оппозицией в данном типе культуры является пара «правильное — неправильное», применяемой *в отношении к действительности*. Содержание нормы, правила как знаковой конструкции определяется самой же нормой, правилом, которые указывают на то, что должно иметь место в действительности. Что вводится посредством нормы, то и существует реально. Заметим, что отношение текстуально выраженной нормы и действительности (содержания) не является отношением истинности, а является отношением оценки, где в качестве меры оценки содержания выступает норма. Она есть масштаб, посредством которого действительность оценивается как упорядоченная, организованная, «правильная» и как таковая противопоставляется неупорядоченной, спонтанно формирующейся действительности в форме произвольного совокупного поведения людей и с этой точки зрения — «неправильной». Хотя здесь можно было бы говорить об истинности, но в прагматическом смысле: истинно то представление, которое может быть реализуемо на практике.

В другом типе культуры — культуре выражения — сознание направлено, прежде всего, на поиск выражения данного содержания. Здесь содержание рассматривается как уже существующее, и задача состоит лишь в том, чтобы

---

⁶ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры. Труды по знаковым системам. Т. 5. // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 284. Тарту, 1971. С. 23–54.

найти «правильное» выражение или репрезентативную форму, соответствующие данному содержанию, найти язык, формулу, адекватные выражаемому ими содержанию. В этом и заключается «ответность» сознания, способность принять «вызов» действительности, притязание ее на признание, хотя бы в первоначальной форме — в форме фиксации, опознания, обозначения «собственным» именем. Здесь мы не выбираем, на *что* отвечать, но мы лишь озабочены тем, как чуждая нам данность становится фактом нашего сознания. Респонсивные акты отвечают за совершенно другой тип культуры. Для него определяющей является мысленная оппозиция «правильное — неправильное», *относящаяся к оценке выражения*, репрезентации, знака. В данном типе культуры нормы понимаются как «правильные» или «неправильные» выражения действительных отношений, сложившихся между людьми. «Правильной» считается та норма, которая адекватно выражает фактически существующую реальность. В этом смысле нормы как репрезентативные формы суть знаки прецедентов, то есть того, что уже произошло и уже имело место в действительности. Мерой «правильности» нормы является ее объективно существующее содержание. В данном типе культуры имеет смысл говорить об истинности норм как языковых выражений, поскольку здесь применим критерий соответствия нормы тому, что уже существует независимо от нее. Мерой истинности нормы выступает сама действительность. Здесь действует новая норма: «правильно то, что существует».

Итак, тип нормативности и соответствующей культуры определяется тем, с какими знаками она «работает» — «собственными» или «несобственными». Культура правил фундирована интенциональной способностью сознания. Другой тип культуры — культуры выражения — создается столь же фундаментальной способностью сознания — респонсивностью, то есть ответственностью на притязание внешнего содержания. Поскольку выделенные здесь два взаимоисключающих типа нормативности коренятся в присущих сознанию структурах, мы обнаруживаем их действие во многих сферах жизни и проявление в соответствующих нормах. Если интенция есть определенная и сущностная форма активности сознания, то респонсия — это *реактивность* сознания. Интенция создает поле *интерпретаций*, то есть совокупность значений (смыслов), придаваемых тем или иным способом формам знания (знакам, выражениям, формулам, символам и т. д.). Эти интерпретации и составляют «тело» или содержание культуры правил. Совсем иная ситуация имеет место, когда мы ищем выражение для некоего данного значения с помощью акта говорения, именованя, пытаясь распознать (и признать!), что же нам дано. Здесь ищется человеческое выражение притязающего на собственное бытие внешняя данность. Это уже не интерпретация, но акт, который вслед за логиками и линг-

вистами можно назвать «именованием». Акт именования — обратный акту интерпретации — напоминает понятие интроекции (от *лат.* *intro* — внутрь и *iacio* — бросаю, кладу), введенное Ш. Ференци в психологию — включение индивидом в свой внутренний мир элементов внешнего мира для перенесения на них эмоциональных переживаний⁷. Именованье играет существенную роль в осознании индивидом окружающего мира. Когда ребенок хочет знать что-то о новом предмете, он спрашивает, прежде всего, как «это» называется. Получив имя предмета, ребенок еще не стал обладать информацией о самом предмете, но он получил средство в форме имени, с помощью которого он уже может мыслить предмет, иметь его в своем сознании. Респонсивность реализует себя в актах именования.

Различные типы культур могут доминировать на том или ином этапе развития общества, они могут образовывать и смешанные типы культур. Поэтому, обсуждая вопрос о недостатках того или иного типа нормативности, целесообразно исходить не из того, что необходимо осуществить «правильный» выбор между той или иной культурой, а из того, что эти два типа культуры необходимо сосуществуют в обществе. Таким образом, необходимо обдумывать ситуации взаимодействия и возможного взаимного признания различных типов нормативности в культурах и соответствующих видов сознания (морального и правового, например). Эта позиция позволяет понимать законность требований альтернативных способов мышления в различных сферах человека. Это можно проиллюстрировать, рассматривая альтернативные подходы к пониманию природы морали и права. Альтернативы в теории морали ориентируются на разные принципы — принцип удовольствия и принцип долга. В области права — это теории естественного и позитивного права.

В основе жизни лежат чувства и правила. Как определял З. Фрейд, бытие человека в мире определяется принципом удовольствия и принципом реальности. Конфликт между двумя этими принципами постоянно сопровождает межкультурное общение.

Сегодня удовольствие вменяется даже в качестве долга. Человек рожден ради счастья. Долг как таковой не ассоциируется с удовольствием или даже противопоставляется ему. Но как тогда возможна мораль? Обсуждая данную проблему, Кант доказывал, что когда принцип удовольствия (счастья) берется в качестве основания общественного бытия, то результатом этого будет эвтаназия всякой морали⁸. Для обоснования возможности существования морали Кант считал необходимым различать «патологическое» и «моральное» удо-

---

⁷ Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. СПб., 2000.

⁸ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 310–311.

вольствие. «...Удовольствие, которое должно предшествовать соблюдению закона, чтобы поступать сообразно с законом, есть патологическое удовольствие, и поведение здесь следует естественному порядку; то удовольствие, которому предшествует закон, чтобы оно воспринималось, находится в нравственном порядке»⁹. То, что Кант называл патологическим удовольствием, сегодня мы понимаем как естественное удовольствие, свойственное природе человека. Патологическое и моральное удовольствия могут быть охарактеризованы, соответственно, как удовольствие до и вне культуры и удовольствие после культуры.

Одно из возможных решений проблемы соотношения желания и долга, принципа удовольствия и принципа должного, лежит в плоскости рассмотрения их не как онтологических, а как принципов культурологических. Это означает, что данные принципы являются выражениями различных типов культур.

В культуре выражения чувство удовольствия рассматривается как нечто данное, безусловное, естественное. Задача состоит в том, чтобы найти адекватную форму выражения удовольствия как содержания человеческой жизни. В данном типе культуры формируется определенный класс предметов, которые символизируют, именуют те или иные удовольствия. Есть вера в определенные вещи как знаки удовольствия. Эти знаки могут становиться адекватными заместителями реальных предметов, доставляющих удовольствие. Для данного типа культуры характерно то, что означающие удовольствия понимаются как «правильные» или «неправильные» выражения чувств удовольствия. Здесь действует правило: «правильно то, что существует». Правильно то, что приносит удовольствие. Коротко говоря, человек ориентирован на то, чтобы делать то, что доставляет удовольствие.

Напротив, культура правил определяется нормой: «существует то, что правильно». То есть то, что должно существовать в действительности есть значение знака. Применительно к обсуждаемому предмету это означает, что чувство удовольствия определяется, прежде всего, знаком удовольствия. Например, человек испытывает чувство удовольствия в силу того, что исполнил свой долг, если исполнение долга есть знак удовольствия. Таким образом, удовольствие есть то, что определяется неким правилом, или правильным поведением, например, нравственным поведением. В этом типе культуры человек ориентирован на то, чтобы получать удовольствие от того, что он делает «правильно».

Теперь относительно нормативных типов в области права. Культура правил ярко и определенно проявляется в нормативной концепции права. Дей-

---

⁹ Там же. С. 310.

ствительно, в этой концепции право понимается как совокупность норм, зафиксированных в законодательных актах государства. Существенным моментом этой концепции является признание принудительного характера нормы, правила по отношению к хаосу реальной жизни, которая должна быть организована, упорядочена в соответствии с декларированным в законе содержанием. Поэтому, строго говоря, здесь юридическая норма не является репрезентацией независимого от нормы-знака содержания действительности. Таковой норма является лишь по отношению к заключенному в самой же норме содержанию. Так что правовая норма самореферентна. Интенциональный тип нормативности или культура правил хорошо виден в определении понятия «правовая норма», данного, например, Г. Кельзенем. Кельзен пишет, что «понятие «норма» подразумевает, что нечто *должно* быть или совершаться и, особенно, что человек *должен* действовать (вести себя) определенным образом»¹⁰. Здесь видно, что содержание (или смысл) реального действия человека определяется правилом, нормой. Кельзен также отмечал, что норма есть «схема толкования сущего» и придания ему правового смысла. Например, некая фактическая данность, какой-то поступок признается в качестве преступления постольку, поскольку существует понятие преступления.

Другому типу нормативности, или культуры — культуры выражения — соответствуют социологическая и классическая естественно-правовая концепции права. Как известно, первая рассматривает право как фактически данную систему порядка, сложившуюся в системе реальных отношениях между людьми и существующую в виде устойчивых форм поведения, которые каждому индивиду предзаданы как прецеденты «правильного» поведения. Естественно-правовая концепция также исходит из того, что право предшествует существованию своей репрезентации, «имени», языку права. Как писал Аристотель в «Риторике», это «право, которое действует повсеместно и не зависит от того, считают ли его люди действующим или нет». Право здесь является той реальностью, которая может иметь формальное юридическое выражение, но и без такой репрезентации естественно право все равно существует как определенное содержание действительности, человеческого бытия. Устанавливаемое людьми позитивное право как форма репрезентации, как система знаков должно соответствовать уже существующему содержанию — «живому» или «естественному» праву. При этом объектом оценки является позитивное право, мерой же его оценки выступает содержание «живого» права, реально существующего в системе поведения людей.

Отсюда понятна несовместимость отношений к праву в нормативной концепции права и в социологической и естественно-правовой концепциях. Они

---

¹⁰ Кельзен Г. Чистое учение о праве. Вып. 1. М., 1987. С. 11.

исходят из разного толкования отношения знака и его содержания. Таким образом, мы можем подойти к анализу соотношения этих правовых концепций как отношения разных типов правовой культуры, как экспликация различных типов нормативности. Тем самым автоматически снимается их противопоставление в рамках оппозиции «правильное — неправильное», «истинное — ложное».

Многую были рассмотрены два типа нормативности, коренящиеся в фундаментальных онтологических структурах субъективности. Дальнейшие исследования должны показать, насколько продуктивен предложенный подход в анализе различных видов человеческих норм в многообразных сферах социальной и индивидуальной жизни.

Итак, способ отношения к миру как тип нормативности и соответствующая ему культура определяется тем, с какими знаками «работает» субъект: «собственными» или «несобственными». Культура правил фундирована интенциональной способностью сознания. Культура выражения создается столь же фундаментальной способностью сознания — респонсивностью, то есть способностью отвечать на притязание «данного» внешнего содержания. Выделенные здесь два взаимоисключающие способы познания коренятся в присущих сознанию структурах, и мы обнаруживаем их действие во всех сферах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alchourron C. E., Bulygin E. The Logic of Normative Systems // Alchourron C. E., Bulygin E. Normative Systems. Wien; New York: Springer, 1971. P. 7–64.*
2. *Вальденфельс Б. Мотив чужого: Сб. пер. с нем. / науч. ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова. Минск: Изд-во ЕГУ «Пропилеи», 1999. 176 с.*
3. *Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 109–438.*
4. *Кельзен Г. Чистое учение о праве: сб. пер. / Пер.: С. В. Лезов, Ю. С. Пивоваров. Вып. 1. М.: АН СССР ИНИОН, 1987. 195 с.*
5. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры. Труды по знаковым системам. Т. 5 // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 284. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1971. С. 23–54.*
6. *Невважай И. Д. Социальные аспекты эмпирического знания. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. 92 с.*
7. *Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 696 с.*
8. *Райнах А. Собрание сочинений. / Пер. с нем. В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 488 с.*
9. *Ференци Ш. Теория и практика психоанализа. СПб.: Университетская книга, 2000. 320 с.*

И. Л. ЧЕСТНОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ НОРМЫ ПРАВА

Изменения господствующего мировоззрения, научной картины мира, связанные с приходом постклассической онтологии и гносеологии не могут не трансформировать представления о правопонимании и, как следствие, о норме права. Классический концепт нормы права как рационального, калькулируемого, устойчивого, объективного, универсального общеобязательного правила поведения, коррелирующий с классическими типами правопонимания, сегодня постепенно вытесняется intersubjectивной, коммуникативной рациональностью, неустойчивостью, стохастичностью, контекстуальностью, изменчивостью, как характеристиками постклассической онтологии и гносеологии права¹. Однако пока приход постклассической эпистемологии ставит больше вопросов, чем предлагает ответов о содержании нормы права. Поэтому необходим научный поиск содержательной характеристики нормы права в юридической науке, отвечающий интенциям постклассики.

Возможным вариантом ответа на поставленный вызов может быть диалогическая онтология права и, соответственно, онтология нормы права, разрабатываемая автором на протяжении последних десяти лет².

Диалог минимально может быть определен как общение³, выступающее условием бытия человека и социума. Существует несколько направлений диа-

¹ См. подробнее: *Честнов И. Л.* 1) Постклассическое правопонимание. Монография. Краснодар, 2010; 2) Постклассическое правопонимание // *Общественные науки и современность*. 2009. № 5; *Поляков А. В.* Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1. СПб., 2009.

² См.: *Честнов И. Л.* 1) Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. Монография. СПб., 2000; 2) Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию новой концепции // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1. СПб., 2009.

³ Диалог — это «разговор, спор, обмен мыслями между двумя или несколькими индивидами — прочно вошел в общественное сознание как способ общения в самом широком его определении и многогранной представленности: общения человека с человеком, общения с “текстом” и через него со всем миром — миром бытия (М. М. Бахтин), когда само бытие человека диалогично (общий диалог), общения, далее, с самим собой. Со своей мыслью в мыслях, как логика мышления — диалогика (В. С. Библер)», — пишет Э. В. Сайко (*Сайко Э. В.* Введение // *Социокультурное пространство диалога*. М., 1999. С. 4).

логической философии: экзистенциалистское (М. М. Бахтин, М. Хайдеггер, Э. Левинас) и примыкающий к ней теологическое (М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг), структуралистское (Ю. М. Лотман, Ю. Кристева), феноменолого-герменевтическое (П. Рикер, Б. Вальденфельс), полилогика (В. С. Библер). При этом можно говорить о диалогичности этих направлений. Принципиально важно в то же время «приземлить» эти абстрактные философские течения для возможности их применения на уровне «средней теории» и эмпирики. Поэтому попробуем операционализировать определение диалога для анализа нормы права.

Диалог — это взаимообусловленность и взаимодополнительность позиции индивида относительно Другого, которая проявляется в действиях и ментальных образах персонифицированного человека. Другим является конкретный контрагент взаимодействия, как фактический, так и ментально представленный, который может быть носителем личностных характеристик и/или безличностных признаков социально значимого другого. Взаимообусловленность и взаимодополнительность осуществляются чрез систему знаков и кодов коммуникации опосредующих любое социокультурное явление и процесс.

Норма права с точки зрения так понимаемой диалогической онтологии, представляет собой формализованный знак, выражающий образец наиболее функционально значимого (обеспечивающих целостность социума) поведения, проявляющийся в многократно повторяющемся поведении широких слоев населения, социальных представлениях и их ментальных интериоризациях. Норма права — это психический образ, который в обязательном порядке реализуется в поведении⁴. Ментальный, психический образ или социальное представление, по С. Московичи, и есть то, что именуется социальной структурой. Норма права, тем самым, это постоянный процесс воспроизводства, в том числе его трансформации, в действиях и ментальной активности социально значимых образцов поведения, закрепляющих соотношение правомочий и обязанностей, адаптированных применительно к усредненному человеку в различных сферах социума.

---

⁴ В противном случае можно говорить о статье нормативного правового акта, но не о норме права. Последняя существует только тогда, когда статья закона (отвечающая определенным содержательным признакам) реализуется в фактическом поведении широких слоев населения, включая как правоприменителей, так и обывателей. Об этом в последнее время хорошо и обстоятельно пишет В. А. Четвернин (см.: *Четвернин В. А. Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009; Четвернин В. А., Яковлев А. В. Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009*).

Воспроизводство нормы права предполагает первичный произвол человека, обладающего высоким социальным статусом (политическим капиталом), его объективацию и легитимацию элитой и широкими народными массами, благодаря чему складывается новый юридически значимый образец поведения. Затем благодаря авторитету элиты и возникшей привычки (седиментации и хабитуализации) новая норма права начинает воспроизводиться традиционным образом. Тем самым реализуется диалог действия и социальной структуры, правовой инновации и традиции. Этот механизм взаимообусловленности и взаимодополнительности действия и структуры, персонального и социального позволяет продемонстрировать химеры наивного натурализма применительно к норме права. Обыденному мышлению свойственно выдавать результаты социально-конструктивистской деятельности за некую объективную, надындивидуальную данность. Диалогический же подход показывает, что реифицированная или гипостазированная социальная структура (в том числе норма права как социальный институт) существует только через действия и ментально-психические представления конкретных людей.

Принятие точки зрения социально значимого Другого, предполагающее взаимоотношение экспектаций субъектов права (людей, наделенных правовым статусом как отвечающим критериям «социальной нормальности» в разных сферах социума) или взаимодействие, опосредованное правовыми институтами (перефразируя П. Рикера) и есть имманентность диалогичности права. Эта ориентация на обобщенного и социально значимого Другого всегда ограничивает правовую инновацию («первичный произвол», по терминологии П. Бурдьё, заимствованной им у Б. Паскаля). Применительно к норме права это предполагает анализ реакции населения на вводимую правовую инновацию, т. е. легитимацию права. В этой связи принципиально важным представляется изучение проблемы признания применительно к праву⁵.

Принятие точки зрения Другого есть не что иное, как диалог личности (ее действия и ментального восприятия) и структуры — института, нормы права, бытийствующих, прежде всего, в правосознании, а затем в массово воспроизводимых практиках широких слоев населения. При этом с помощью ме-

---

⁵ Эта проблематика входит в предметное поле Франкфуртской школы начиная по крайней мере с 1973 г.: *Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt am Main, 1973; *Honneth A. Verdinglichung. Eine anerkennungstheoretische Studie*. Frankfurt am Main, 2005. В современной германской юридической науке эта проблема исследуется в рамках так называемого «акцептно-ориентированного» права. См.: *Lucke D. Die Akzeptanzorientierung rechtlicher Entscheidungen als Preisgabe des Juridischen. Vorüberlegungen zu einer Akzeptanztheorie des Rechts // Bausteine zu einer Verhaltenstheorie des Rechts / Hrsg. von F. Haft, H. Hof, S. Wesche. Baden-Baden, 2001.*

ханизма опредмечивания (в марксистской терминологии) или объективации, седиментации и хабиитуализации (с точки зрения социальной феноменологии) происходит формирование структуры как реифицированного (или гипостазированного) социального представления⁶, а с помощью распредемечивания (интернализации или интериоризации — по Л. С. Выгодскому) структура инкорпорируется в практики конкретных людей.

Норма права — это диалог действия (сущего) и структуры, выраженной господствующими представлениями о должном. Знаковая форма, в которой норма права получает внешнее выражение, интерпретируется человеком с точки зрения как господствующих представлений (в том числе официальных), так и его индивидуальных предпочтений. Действие нормы права — это всегда действия человека, точнее — взаимодействия как правоотношения или действия как простые формы реализации права, которые могут осуществляться вне правоотношений. При этом человек соотносит свои ожидания и действия с другим человеком, принимая во внимание его «нормальную типичность», выраженную в правовом статусе. Сама модель поведения никогда полностью не формулируется в знаковой форме нормы права, а содержится ко всему прочему в ее интерпретации, соотносимой с практикой использования (в том числе применения) и личностным, неявным практическим знанием конкретного индивида.

Таким образом, норма права — это диалог, т. е. взаимообусловленность, проявляющаяся во взаимодействии людей, человека и структуры (представленной человеком — носителем статуса как должностного лица, так и представителя коллективного субъекта), опосредованная социальным представлением, выраженным в знаковой форме (например, в статье нормативного правового акта), объективно обеспечивающий нормальное воспроизведение социума. Именно целостность, нормальное функционирование социума — трансцендентный (находящийся за пределами самого права) критерий нормы права.

---

⁶ Тем самым происходит «расколдовывание» структуры, ее якобы объективированного, безличностного существования. Такая «бессубъектность» бытия права — догма классической юриспруденции — причина ее схоластичности, оторванности от реальных проблем социальной практики. «Результаты контент-анализа по меньшей мере ряда учебников и курсов общей теории права, — пишет А. Э. Жалинский, — и нескольких учебников по отраслевым дисциплинам показывают, что правотворчество и правоприменение преимущественно рассматриваются как “безлюдный”, осуществляющийся сам по себе, без участия профессионалов процесс, а человек и гражданин также преимущественно представлены как пассивный объект права, даже если говорится о защите их основных и иных прав» (Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 144).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
2. *Поляков А. В.* Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб., 2009.
3. *Сайко Э. В.* Введение // Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999. 216 с.
4. *Честнов И. Л.* Диалогическая антропология права как постклассический тип правопонимания: к формированию новой концепции // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб., 2009.
5. *Честнов И. Л.* Постклассическое правопонимание // Общественные науки и современность. 2010. № 5.
6. *Честнов И. Л.* Постклассическое правопонимание. Монография. Краснодар: Изд-во Краснодарского ун-та МВД России, 2010. 239 с.
7. *Честнов И. Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. Монография. СПб.: СПбЮИГП, 2000. 103 с.
8. *Четвернин В. А.* Исторический прогресс права и типы цивилизаций // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009.
9. *Четвернин В. А., Яковлев А. В.* Институциональная теория и юридический либертаризм // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 2. 2009.
10. *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spaetkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkam, 1973. 260 s.
11. *Honneth A.* Verdinglichung. Eine anerkennungstheoretische Studie. Frankfurt am Main: Suhrkam, 2005.
12. *Lucke D.* Die Akzeptanzorientierung rechtlicher Entscheidungen als Preisgabe des Juridischen. Vorueberlegungen zu einer Akzeptanztheorie des Rechts // Bausteine zu einer zu einer Verhaltenstheorie des Rechts / Hrsg. von F. Haft, H. Hof, S. Wesche. Baden-Baden, 2001.

Е. Н. Лисанюк (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

**К. АЛЬЧУРРОН И Е. БУЛЫГИН О НОРМЕ
В «НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМАХ»***

ВВЕДЕНИЕ

Вступительная статья к русскому переводу «Нормативных систем» К. Альчуррона, Е. Булыгина задумывалась как краткий обзор достижений логики норм на момент написания этой книги, т. е. на начало 70-х годов XX в. В ней отстаивается идея о том, «Нормативные системы» — книга о том, что основные логические постулаты могут и должны служить характеристиками нормативных кодексов и выступать эвристическими принципами обоснования судебных решений¹.

Хорошим примером этому может служить весьма простой формализм, предложенный авторами для моделирования структуры нормы. Другая идея, изложенная во вступительной статье, состоит в том, что под нормой авторы этого влиятельного труда понимают относительную норму, оставляя абсолютные нормы за рамками своего исследования. Авторы и сами неоднократно подчеркивают это обстоятельство на страницах своей книги.

В настоящей работе моя задача — показать особенность понимания нормы авторами «Нормативных систем», особенность, проявляющуюся в двух аспектах. Во-первых, К. Альчуррон и Е. Булыгин считают, что нормы обладают не просто внутренней структурой, но внутренней *логической* структурой, т. е. что внутренняя структура нормы может быть представлена логическими средствами. Во-вторых, представление о норме, свойственное авторам «Нормативных систем», не сводимо в чистом виде ни к абсолютным, ни к относительным нормам. Об этом свидетельствуют содержательные рассуждения и формальные выкладки в Приложении, несмотря на эксплицитные заявления авторов.

---

* Исследование поддержано РФФИ, проект № 11-06-00206

¹ Лисанюк Е. Н. Нормативные системы К. Альчуррона, Е. Булыгина сегодня // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб., 2011. С. 245–246.

Интрига настоящего исследования, однако, заключается не в том, что авторы якобы выдвинули одну идею, а обсудили и обосновали другую, — думать так было бы неверно. Нетривиальность ситуации состоит в том, что подход К. Альчуррона и Е. Булыгина отличается как от стандартного представления об условной норме, так и от представлений о такой норме, предложенных другими исследователями логики норм — современниками К. Альчуррона и Е. Булыгина, например, Г. фон Вригтом и А. Андерсоном.

В соответствии с подходом авторов «Нормативных систем», норма имеет внутреннюю логическую структуру, основанную в том числе и на отношении логического следования. В логике норм от представления о норме, в котором были бы инкорпорированы *логические* отношения между элементами нормы, пришлось отказаться ради того, чтобы избежать так называемых парадоксов абсолютных деонтических систем. В этой статье я показываю, что К. Э. Альчуррон и Е. В. Булыгин свои нормы помещают где-то на полпути между абсолютными и относительными нормами. Благодаря этому авторам «Нормативных систем» удастся воспользоваться преимуществами выразительных возможностей и тех, и других. Избавиться от нежелательных следствий такого понимания нормы позволяет жесткое разграничение норм и нормативных предложений, представленное не только содержательно, но и закрепленное путем создания различных формализмов для первых и для вторых.

Для того чтобы разъяснить, в чем состоит специфика подхода К. Альчуррона и Е. Булыгина, сначала кратко излагается суть различия между абсолютными и относительными нормами, а также обрисовываются некоторые другие, важные в данном контексте разграничения. Затем обсуждаются проблемные «зоны» абсолютных и относительных норм, после чего рассматривается и оценивается подход авторов «Нормативных систем».

1. НОРМА И СТРУКТУРА НОРМЫ

Под логическим исследованием норм я понимаю изучение отношений между нормами, а также между нормами и иными выражениями, например, описаниями ситуаций. Объектом такого изучения выступает логическое следование, т. е. выявление класса таких отношений, где имеет место сохранение выделенного (истинного) значения при переходе от первоначальных выражений (оснований или посылок) к заключению (следствию). Предметом логики норм является нормативный контекст². В этом смысле задачи логики норм есть частный случай задач логики вообще.

---

² Лисанюк Е. Н. «Нормативные системы» К. Альчуррона, Е. Булыгина сегодня. С. 235–236.

В логике под нормой понимают адресованные социальным субъектам (агентам) предписания следующего свойства:

а) подлежащие выполнению действия, или требуемые ситуации, такие, что, согласно закону (правилу, идеалу), непременно должны быть достигнуты вследствие выполнения агентами требований, адресованных им;

б) обязательно не произойти, также в результате выполнения агентами требований, адресованных им, или, наоборот, воздержания от выполнения;

в) действия, допустимые при определенных условиях, или допустимые результаты действий агентов, а также наделение кого-либо правом реализовать какие-либо действия.

Логическим выражением нормы являются прескриптивные высказывания, которые в отличие от дескриптивных, не описывают ни действий, ни ситуаций, но предписывают, какие действия надлежит, разрешено или не разрешено выполнить, какая ситуация является обязательной или допустимой, а какая — запрещенной.

Это определение нормы несколько отличается от предложенного мною ранее³, и может считаться развернутым определением, потому что в нем отражены все существенные для логического исследования четыре структурных элемента нормы: субъект, объект, содержание и характер. Содержание нормы — это описание регулируемого данной нормой действия или ситуации. Характер нормы — тип требования, выражаемый ею. Содержание и характер нормы в правоведении называют диспозицией нормы. Объект (приложения) нормы — это условия ее применения, представляющие собой описание ситуации, людей или предметов, при наличии которых данная норма является действенной. Субъектом нормы выступает ее адресат, или агент, — это человек или группа людей. В праве объект и субъект нормы объединены в гипотезе нормы.

Помимо гипотезы и диспозиции, в правоведении выделяют такой элемент нормы как санкция. В логическом исследовании норм санкций как специального структурного элемента нормы не различают по следующим причинам. Во-первых, санкции предусмотрены для ограниченного класса норм и отличить логическими средствами те из них, для которых это имеет место, бывает весьма затруднительно, хотя такие попытки имеются⁴. Во-вторых, уточнение

---

³ Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика // Основы логики и аргументации: учебник / под ред. И. Б. Микиртумова, А. И. Мигунова, Б. И. Федорова. М., 2009. С. 380.

⁴ В стандартных деонтических системах типа Андерсона-Кангера, являющихся надстройкой над алетическими модальными системами, деонтические операторы вводятся при помощи специальных констант, обозначающих санкции. См.: *Aqvist L. Deontic logic // The handbook of philosophical logic / ed. by D. Gabbay, F. Guenther. Vol. 8. Dordrecht, 1998; см. также: Кислов А. Г.*

логических аспектов отношения между нормой или ее нарушением, с одной стороны, и санкцией за нарушение нормы, с другой, является одной из актуальных задач логики норм. Некоторые предложенные ранее решения данной задачи оказались неприемлемыми, однако сыграли эвристическую роль, выступив теоретическим импульсом дальнейшего развития этой ветви философской логики⁵.

2. Норма и вокруг нормы: три важных разграничения

2.1. Следование логическое и нормативное. Развитие логики норм шло по пути философского осмысления норм и лингвофилософского анализа высказываний естественного языка, содержащих нормы, и результаты этого поэтапного продвижения находили выражение в соответствующих логических формализмах⁶.

Три важных разграничения в логике норм были сделаны на этапе ее возникновения. Первое состоит в том, что отношение корректного перехода от одних выражений, содержащих какие-либо нормативные установления, к другим выражениями, такого же рода или иным, весьма напоминают отношение логического следования, но по сути это различные отношения. Одним из первых, кто заговорил об этом различии, был Аристотель⁷.

В дальнейшем это обстоятельство стало известно под названием «дилеммы Йоргенсена». К. Альчуррон неизменно полагал, что в том же смысле, что и описания ситуаций, нормы не имеют истинностного значения⁸. Для таких выражений, которым поставить в соответствие какое-либо интерпретирующее значение — например, истинностное, — невозможно, оказывается также невозможным определить отношение логического следования, поэтому

Семантика деонтических операторов в динамической логике высказываний // Российский ежегодник теории права. 2010. №3 / отв. ред. А. В. Поляков. СПб., 2011. С. 504–516.

⁵ Один из так называемых парадоксов абсолютных деонтических систем, парадокс Р. Чизхольма, связан с попыткой логическими средствами выразить санкции за нарушение норм. Анализ этой попытки см.: *Лисанюк Е. Н.* Деонтическая логика. С. 412–415. Идея выразить санкцию через создание многосортных систем логики норм см.: *Carmo J., Jones A. J.* Deontic Logic and Contrary-to-duties // *Handbook of Philosophical Logic* / ed. by D. Gabbay, F. Guenther. Vol. 8. Dordrecht, 1998. P. 265–344.

⁶ Исторический очерк становления логики норм см.: *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике // *Вестник Новосибирского государственного университета.* 2010. Т. 8. Сер. Философия. Вып. 1. С. 147–152.

⁷ *Аристотель.* Никомахова этика VI (Z) // *Аристотель.* Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983.

⁸ *Макинсон Д.* Памяти Карлоса Эдуардо Альчуррона // *Российский ежегодник теории права.* 2010. № 3. СПб., 2011. С. 483.

в «Нормативных системах» истинностным значением обладают только описания случаев, получаемые при помощи наборов свойств⁹. Собственно норма, по замыслу авторов книги, состоит в фиксации нормативного (деонтического) соотношения между случаем и его решением¹⁰.

2.2. Дескриптивные и прескриптивные нормы. Второе разграничение помогает отличить норму как требование или позволение от описания нормы. Иными словами, это разграничение собственно норм как интенциональных установлений умопостигаемого характера от высказываний какого-либо языка, их выражающих.

Несколько вариантов терминологии было предложено для этого разграничения. Г. фон Вригт использовал слово «норма» в прескриптивном смысле, а указание на наличие нормы называл «нормой-высказыванием». Помимо норм и норм-высказываний, фон Вригт рассматривал и выражения, нуждающиеся в прояснении, — нормы-формулировки¹¹.

На различие прескриптивного и дескриптивного прочтения норм-формулировок, по-видимому, первым указал шведский логик К. Гедениус в 1941 г., предлагавший прескриптивно понимаемые выражения называть подлинными нормами, а указание на существование нормы — фиктивной (неподлинной) нормой¹². Данная дистинкция нашла свое отражение и в философско-правовых исследованиях И. Бентама, Г. Харта, Дж. Остина и др.¹³

К. Альчуррон и Е. Булыгин не только различают нормы и нормативные предложения¹⁴, но первыми предлагают формализмы, фиксирующие его. Принципиальная разница между этими формализмами заключается в том, что отношение логического следования имеет место лишь для нормативных предложений. Для норм, т. е. прескриптивно понимаемых выражений, К. Альчур-

---

⁹ Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 339.

¹⁰ «Выражения (т. е. языковые высказывания), которые соотносят случаи с решениями, будут называться нормами» (Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. С. 331, 353).

¹¹ «...имеющие характерную «двузначность»: одно и то же словесное выражение может быть использовано и *предписательно*, для изложения сути нормы или правила поведения, и *описательно*, для установления того, что есть (существует) такая-то норма или правило» (Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика // Логико-философские исследования. Избранные труды / пер. с англ.; под общ. ред. Г. А. Рузавина, В. А. Смирнова. М., 1986. С. 292.

¹² См.: *Aqvist L.* Deontic logic. С. 154.

¹³ См.: *Hilpinen R.* Norms, Normative Utterances, and Normative Propositions // *Anal. filos.* Vol. 26. N 2. Ciudad Autónoma de Buenos Aires mayo/nov. 2006.

¹⁴ См.: Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы. С. 309–472, особенно Приложение; Булыгин Е. В. Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // Правоведение. 2007. № 2. С. 147.

рон и Е. Булыгин конструируют понятия нормативного множества и нормативной системы таким образом, что связь между описанием положения дел (случаем) и решением (категорической нормой) задается нормативной системой, хотя и описывается в терминах логики¹⁵.

2.3. Абсолютные и относительные нормы. Третье разграничение — между абсолютными (категорическими, безусловными, монадическими) и относительными (гипотетическими, условными, диадическими) нормами. Суть этого разграничения состоит в том, что системы, изучающие свойства норм без учета таких структурных элементов нормы как субъект или объект, относятся к первой группе. Соответственно, системы, построенные на базе формальных языков, содержащих выразительные средства для объектов и субъектов, относятся ко второй. Иными словами, абсолютные нормы адресованы всякому субъекту и считаются действующими в любой ситуации, тогда как для относительных норм вводятся ограничения путем указания на условия их применения или на субъекты (группы субъектов) их выполнения.

Первые деонтические системы, построенные фон Вригтом, описывали категорические нормы посредством соответствующих норм-высказываний¹⁶. Диадические модальности были предложены фон Вригтом в целях избавления от парадоксов абсолютных деонтических систем. Важно отметить здесь, что в указанных целях появилось диадическое понимание модальностей, а понятие условной нормы, по замыслу фон Вригта, должно было стать деонтической надстройкой над ним¹⁷.

Таким образом, создание формализмов для относительных норм было способом преодоления затруднений, возникших в связи со стремлением выразить логически отношение обусловливания нормативного регулирования некоторого действия независимым от него положением дел. Затруднение

---

¹⁵ «Нормативное множество — это множество высказываний, среди следствий из которого есть такие, что устанавливают связи между случаями и решениями. Всякое нормативное множество, содержащее все свои следствия, соответственно будет называться *нормативной системой*. Когда среди следствий множества высказываний есть такое, что связывает случай и решение, мы будем говорить, что это множество имеет *нормативные следствия*» (Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. С. 352–353).

¹⁶ «Деонтическая логика есть логика дескриптивно интерпретированных выражений. Но законы (принципы, правила), характерные для этой логики, касаются логических свойств самих норм, которые выражены в свойствах норм-высказываний» (Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика. С. 292).

¹⁷ «Идея заключалась в том, чтобы ввести двухместный функтор $N\ p/q$ для обозначения относительной необходимости одного высказывания, при условии, что имеется другое высказывание... я сделал попытку применить эти идеи диадических модальностей к деонтическим понятиям и высказываниям» (Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика. С. 321).

состояло и по-прежнему состоит в том, что данное отношение обусловливания есть социальное отношение, и его нормативный характер есть следствие социального регулирования. Попытки выразить такое отношение через истинностно-функциональную связь привели к парадоксам абсолютных деонтических систем.

В чем же отличия абсолютных норм от относительных? Правильно построенными выражениями абсолютной деонтической логики являются, например, такие:

$OA \wedge PB \rightarrow P(A \wedge B)$ — в логиках вригтовского типа, или
 $(A \rightarrow S) \rightarrow \neg(\neg A \rightarrow S)$ — в логиках андерсоновского типа¹⁸.

Синтаксические особенности абсолютных деонтических систем таковы, что иных выразительных средств, кроме истинностно-функциональных связей, в них не предусмотрено. В то же время, отношение обусловливания, связывающее объект или субъект нормы с ее характером и содержанием, может быть каузальным или иным содержательным отношением, однако оно не носит логического характера. В отличие от абсолютных, в относительных деонтических системах можно отразить то обстоятельство, что норма *не следует* из условия ее применения, а лишь понимается как связанная с ним внелогическими средствами, например, по воле законодателя.

Такое отношение обусловливания в абсолютной системе записывается следующим образом:

$$A \rightarrow PB \text{ (или } P(A \rightarrow B))$$

(читается: если имеется А, то позволено В, или: из того, что имеется А, следует В). В относительной системе оно же выглядит так (читается аналогичным образом):

$$P_A B$$

Как видим, в абсолютной системе принимается, что между условием применения нормы и самой нормой имеется логическая связь, выражаемая при помощи импликации. В отличие от этого в относительной системе эта связь фиксируется на уровне семантических построений и понимается как внелогическая: действие (положение дел) В позволено только в тех случаях, когда имеется А.

---

¹⁸ Модальные операторы: О — обязательно, Р — разрешено, — необходимо; стандартные пропозициональные связки $\rightarrow$ — импликация, $\wedge$ — конъюнкция, $\neg$ — отрицания, А, В — метаварьируемые, S — константа, обозначающая санкцию.

Данное отличие проявляется, например, в том, что если действие (положение дел) В позволено также при условии С:

$$C \rightarrow PB \text{ (или } P(C \rightarrow B)),$$

то в абсолютной системе считается, что имеется одна и та же норма РВ, но с разными условиями (антецедентами). В относительной же системе обусловливание нормы РВ при помощи С понимается как другая норма $P_C B$.

На проблематичность понимания отношения обусловливания в структуре условной нормы указывает и сам фон Вригт, полагая, что только высказывания типа $P(A \rightarrow B)$ или $P(A \rightarrow PB)$ есть адекватное выражение условной нормы, тогда как «лингвистический гибрид» $(A \rightarrow PB)$ таковым не является. Свой подход фон Вригт объясняет тем, что «хотел бы придерживаться истинностно-функциональной трактовки знака импликации»¹⁹, что в последнем случае невозможно, потому что неясно, как прескриптивно понятое выражение, не имеющее истинностного значения, может в логическом смысле следовать из описания положения дел²⁰.

Существенным недостатком абсолютных норм и абсолютных деонтических систем выступает не только скудость выразительных возможностей, но и неадекватность представления отношений между характером и содержанием нормы, с одной стороны, и объектом или субъектом нормы, с другой. Эта неадекватность в логике приводит к многократно обсуждавшимся парадоксам абсолютных деонтических систем²¹. К преимуществам абсолютного представления о нормах следует отнести простоту и интуитивную прозрачность формализмов.

Преимущество относительных деонтических систем состоит не только в более широких выразительных возможностях формальных языков, но также и в том, что такое представление о норме в большей степени соответствует пониманию нормы в философии и праве. Нежелательные последствия относительных деонтических систем заключаются, в частности, в том, что в них трудно выразить так называемые общезначимые ценности, или безусловные нормы. Имеются сложности с пониманием разрешающих норм²².

---

¹⁹ Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина и логика. С. 322.

²⁰ Данная проблема хорошо известна в этике как проблема «сущего-должного», или «гильотина Юма».

²¹ Подробный анализ некоторых из них см.: Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика. С. 405–414.

²² См. подробнее: Лисанюк Е. Н. Деонтическая логика. С.423–424.

3. Подход К. Альчуррона — Е. Булыгина

Авторы «Нормативных систем» в своей книге настойчиво подчеркивают, что категорические нормы они оставляют вне сферы своего исследования, справедливо указывая, что такие нормы не отвечают поставленным ими задачам из области права. В связи с тем, что под нормой в «Нормативных системах» фактически понимается применение родового установления к индивидуальному случаю, получается, что на деле норма может быть лишь относительной в прямом смысле этого слова²³.

«Часто авторы, имеющие дело с деонтической логикой, используют термин “норма” в широком смысле, включающем все выражения, в которых встречается деонтический оператор. Мы предпочитаем использовать термин “норма” в более строгом смысле (что больше сочетается с юридической терминологией), ограничивая его выражениями, связывающими случаи с решениями... Только те нормы, которые фон Вригт назвал гипотетическими, являются нормами согласно нашей терминологии; категорические нормы фон Вригта относятся к тому, что мы называем решениями»²⁴.

Несмотря на такую эксплицитно выраженную позицию, авторы «Нормативных систем» в своем труде следуют иной модели представления относительной нормы, чем было описано выше. Во-первых, авторы создают специальные формализмы для условных норм и для условных нормативных предложений. Во-вторых, и в логике относительных норм, и в логике относительных нормативных предложений условие для нормы (нормативного предложения) возникает не как необходимый фактор действительности нормы (истинности нормативного предложения), но в качестве обстоятельства применимости данной нормы (истинности нормативного предложения), порождаемого конкретной нормативной системой. Иными словами, это нормативная система создает условие для данной нормы (нормативного предложения) и предпосылает его норме (нормативному предложению) в качестве такового.

3.1. Условные нормы. Норма, с точки зрения К. Альчуррона и Е. Булыгина, фиксирует тот факт, что в нормативной системе было установлено отношение между случаем и решением²⁵. Решение, по их мнению, есть деонтическое высказывание, т. е., взятое само по себе, оно представляет собой характер (модальность) плюс содержание. Становится решением деонтиче-

---

²³ Лисанюк Е. Н. «Нормативные системы» К. Альчуррона, Е. Булыгина сегодня. С. 238.

²⁴ Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. С. 319.

²⁵ «Спрашивать, имеет ли тот или иной случай решение, не имеет смысла до тех пор, пока мы не определим нормы системы, о которой идет речь. Один и тот же случай может иметь различные решения в разных системах» (Альчуррон К., Булыгин Е. Нормативные системы. С. 326).

ское высказывание в результате того, что нормативная система соотносит его с конкретным случаем²⁶.

Содержанием решения выступает некоторое действие (из установленного Универсума Действий). Случай есть нормализованное описание ситуации: он обладает определенными логическими характеристиками и образуется через конъюнкцию свойств, заданных Универсумом Свойств; сочетание конкретных свойств данного случая есть результат анализа родового случая²⁷. Собственно норма есть отношение обусловливания, задаваемое данной нормативной системой, где условием выступает некоторый случай, обладающий указанной внутренней логической структурой, а в роли решения — деонтическое высказывание, которое в других системах логики норм выступает в роли категорической нормы.

Таким образом, в относительной норме К. Альчуррона — Е. Булыгина между условием нормы и ее содержанием имеется нормативное отношение, и множество таких решений, равно как и множество случаев, а также множество свойств могут быть описаны логическими средствами, однако само нормативное отношение логическим не является.

3.2. Условные и категорические нормативные предложения. К нормативным предложениям в тексте самой книги авторы по существу не обращаются, однако в Приложении находим описание формальной системы для них. В условных обязательствах и разрешениях авторы устанавливают логическую связь между случаем, т. е. условием, и решением, выраженным абсолютной нормой. Так, в определениях D34-37 сильных и слабых условных обязательств и разрешений используется аппарат классической пропозициональной логики для выражения условных норм²⁸. В частности, сильное условное разрешение представлено так:

$$(D35) \mathbf{P}_\alpha s (y/x) = (x \rightarrow Py) \in Cn(\alpha) [= x \rightarrow^\alpha Py].$$

Данное определение означает, что в системе α имеется позволение выполнить действие y , при условии, что имеется случай (положение дел) x . Тот факт, что позволение обусловлено наличием случая x , есть следствие того, что позволение существует не само по себе, но в некоей нормативной системе — α , и именно этой системой данная обуславливающая связь между x и y устанавливается.

---

²⁶ Там же. С. 339–345; см. формальное определение *дедуктивной корреляции* в Приложении там же. С. 461.

²⁷ Там же. С. 327–331, а также в Приложении там же. С. 458.

²⁸ Там же. С. 466–469.

Рассмотрим абсолютные операторы для нормативных предложений.

$$(D\ 39) \mathbf{P}_\alpha^s(y) = Py \in Cn(\alpha) [= \mathbf{P}_\alpha^s(y/x), \text{ для каждого } x].$$

$$(D\ 41) \mathbf{P}_\alpha^w(y) = O - y \notin Cn(\alpha) [= \mathbf{P}_\alpha^w(y/x), \text{ для некоторых } x].$$

Сильное категорическое (абсолютное) разрешение определяется в D39 как позволение в системе α выполнить y всякий раз при наступлении x . Уточнение «для каждого x » служит для того, чтобы условную норму представить как безусловную, т. е. с условием абсолютного применения в данной нормативной системе — для всех x .

В отличие от этого, слабое категорическое разрешение, представленное в определении D41, т. е. отсутствие нормативного регулирования для некоторого действия y , состоит в фиксации отсутствия в системе α обязанности воздерживаться от выполнения y , причем не во всех, но лишь в некоторых случаях x . Последнее ограничение действия нормы означает, что здесь мы имеем дело не с категорической нормой, но с гипотетической. Кроме этого, данное ограничение указывает на отсутствие пробела в нормативной системе α в случае x , который появился бы, если бы указанная норма действовала во всех случаях x .

Аналогичным образом обстоит дело и с сильными и слабыми обязательствами.

Итак, гипотетические нормативные предложения есть отношения между описаниями ситуаций (условиями) и нормами, представленные в Приложении «Нормативных систем» средствами истинностно-функциональной пропозициональной логики, однако это описание производно в связи с указанным отношением, порождаемым нормативной системой, а не логическим исчислением. При этом категорические нормативные предложения, по сути, носят также характер условных норм, несмотря на то, что собственно деонтическое высказывание есть синтаксический аналог абсолютной нормы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преимущества подхода Альчуррона–Булыгина к пониманию нормы заключаются в следующем. Выведение собственно нормативного регулирования за рамки логического анализа позволяет эффективно избежать известных сложностей последнего, выразившихся, в том числе и в парадоксах абсолютных деонтических систем. Отнесение нормативного регулирования к области действия нормативных систем адекватно отражает его социальный характер. Использование несложных логических средств и формализмов эффективно проводит границу между логическим исследованием, касающимся норм, и

логическим изучением свойств нормативных предложений и устанавливает особенности того и другого исследований.

Нежелательные последствия указанных результатов были подмечены авторами, приложившими немало усилий для того, чтобы выяснить их причины и сформулировать решения. В частности, К. Альчуррон и Е. Булыгин предложили две концепции нормативного регулирования — прагматическую (экспрессивную) и объективистскую²⁹; К. Альчуррон развивал идеи построения формализмов для выражения иерархий нормативных кодексов и ослабления (дерогации) норм³⁰; Е. Булыгин исследовал особенности позволяющих норм³¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативные системы / пер. с англ. М. В. Антонова; под ред. Е. В. Булыгина, Е. Н. Лисанюк // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.
2. *Аристотель.* Никомахова этика VI (Z) // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
3. *Булыгин Е. В.* Нормы и нормативные предложения: различие между ними и опасность их смешения // Правоведение. 2007. № 2.
4. *Булыгин Е. В.* Разрешающие нормы и нормативные системы / пер. с англ. А. Е. Гомановой, Е. Н. Лисанюк // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб.: Юридическая книга, 2011.
5. *Вригт Г. Х. фон.* Нормы, истина и логика // Логико-философские исследования. Избранные труды / пер. с англ.; под общ. ред. Г. А. Рузавина, В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986.
6. *Лисанюк Е. Н.* Деонтическая логика // Основы логики и аргументации: учебник / под ред. И. Б. Микиртумова, А. И. Мигунова, Б. И. Федорова. М.: Проспект, 2010. 650 стр.
7. *Лисанюк Е. Н.* Нормативные системы К. Альчуррона, Е. Булыгина сегодня // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб.: Юридическая книга, 2011.
8. *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2010. Т. 8. Вып. 1.
9. *Кислов А. Г.* Семантика деонтических операторов в динамической логике высказываний // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб.: Юридическая книга, 2011.

---

²⁹ *Alchourron C. E., Bulygin E.* The Expressive Conception of Norms // *New Studies in Deontic logic* / ed. by R. Hilpinen. Dordrecht, 1981. P. 95–124.

³⁰ *Alchourron C. E.* Detachment and Defeasibility in Deontic Logic // *Studia Logica*. 1996. Vol. 57 (1). P. 5–18.

³¹ *Булыгин Е.* Разрешающие нормы и нормативные системы / пер. с англ. А. Е. Гомановой, Е. Н. Лисанюк // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб., 2011. С. 437–449.

10. *Макинсон Д.* Памяти Карлоса Эдуардо Альчуррона // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. СПб.: Юридическая книга, 2011.
11. *Alchourron C. E.* Detachment and Defeasibility in Deontic Logic // *Studia Logica*. 1996. Vol. 57 (1).
12. *Alchourron, C. E., E. Bullygin.* The Expressive Conception of Norms // *New Studies in Deontic logic* / ed. by R. Hilpinen. Dordrecht: D. Reidel, 1981.
13. *Aqvist L.* Deontic logic // *The handbook of philosophical logic* / ed. by D. Gabbay, F. Guentner. Vol. 8. Dordrecht, 1998.
14. *Carmo J., Jones A. J.* Deontic Logic and Contrary-to-duties // *Handbook of Philosophical Logic* / ed. by D. Gabbay, F. Guentner. Vol. 8. Dordrecht, 1998.
15. *Hilpinen Risto.* Norms, Normative Utterances, and Normative Propositions // *Anal. filos.* Vol. 26. N 2. Ciudad Autónoma de Buenos Aires mayo/nov. 2006.

Ю. Е. ПЕРМЯКОВ (САМАРА)

ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА ПРАВОВЫХ НОРМ И СУЖДЕНИЙ

В обсуждении правовой нормы трудно вычленить ее качества, которые бы не были обусловлены параметрами существования права как институционального образования. Любая норма всегда принадлежит системе и как таковая существует постольку, поскольку система, т. е. явление более высокого порядка, нежели её элемент, — укоренилась в действительности. Эта мысль прозвучала в докладе Е. В. Булыгина: действенность нормы означает принадлежность к данной системе¹. В таком случае способность нормы произвести какое-либо действие не только опосредовано её принадлежностью системе, но и становится неотличимым от поведения самой системы. Это обстоятельство осложняет постановку вопроса об онтологических основаниях правовой нормы, поскольку предметом научной полемики оказывается само право как целостное, т. е. системное образование. Теоретические следствия соскальзывания с одной темы на другую в обсуждении правовой нормы не столь очевидны, отчего нормам нередко приписывают свойства и функции, характерные для права как социального института². Между тем, элемент и система, хоть и связаны друг с другом, но все же представляют собой разные уровни реальности, на каждом из которых расположены сообразные этому уровню субъекты действия и соответствующий их действиям инструментарий. Правовая норма не предназначена для регулирования общественных отношений, которые включают в себе некую типизированную, устойчивую форму совместной деятельности людей. Эта задача возлагается на право, если принять некоторую

---

¹ Булыгин Е. В. Динамика права // Нормы и нормативные системы в философии, праве, информатике. Международный симпозиум NorSy 2011. Санкт-Петербург, 9–10 сентября 2011 г. СПб., 2011. С. 7.

² По этой причине невозможно осуществить онтологическое обоснование права в рамках функционального подхода, как это попытался сделать украинский коллега И. Ситар. (См.: *Ситар І. Онтологічні функції права*. Львів., 2009). Такие попытки неудачны по той причине, что бытие элемента всегда производно от существования системы, внутри которой он обретает функции. Поэтому рассуждения о его существовании неизбежно съезжают на тему существования системы.

условность этой формулы. Поскольку общество никогда не дано как целостность (Н. Луман), — утверждение о регулирующем эффекте права носит скорее предположительный характер и скорее всего выражает социальные ожидания, нежели констатирует фактическое положение дел.

Роль правовой нормы в юриспруденции состоит в том, чтобы служить формально-логическим основанием для утвердительно суждения о статусе человека, причем варианты этого суждения достаточно разнообразны. Это может быть суждение об истечении процессуальных сроков, о предполагаемом статусе в виде заявления или ходатайства, определение суда об отложении дела (поскольку отсутствуют какие-либо обстоятельства, обеспечивающие тождество человека и субъекта права), приговор по уголовному делу или решение суда как окончательные, финальные утверждения по рассмотренным внутри судебной процедуры обстоятельствам, и т. д. И лишь на этом низовом, эмпирически наблюдаемом, индивидуальном уровне социальной жизни норма обретает очертания факта и становится событием, реально меняющим прежние отношения (статус). Если мы готовы допустить способность нормы состояться в виде социального факта, что, строго говоря, в плоскости логических операций описанию не подлежит, — мы оказываемся свидетелями пространственного перемещения права: оно покидает область логического, где нет времени и судьбы, и обретает иное пространственное бытие, где допустима постановка метафизических вопросов о сущем, судьбе и законах (пределах) существования. Этот переход повествования знаменует собой не просто смену дискурса, не только внутреннюю трансформацию правопонимания, но и становление не покидающего пределы права его субъекта, чьё представление о собственном достоинстве и отношении к занимаемому месту в социальных отношениях удивительным образом входит в содержание самого права. Чтобы читатель не заподозрил склонность автора к мистике, поясню свою мысль ссылкой на особенность постклассического понимания предмета юридической науки: он возникает (конструируется) лишь из ценностного отношения к свободе, справедливости и правам человека. Согласно В. И. Павлову, «заслуга (пост) неклассической традиции как раз и заключается в обращении к смысловому полю осуществления действительности, которое непременно присутствует во всякой материальной деятельности в качестве ее мыслительного удвоения... Правовой (юридически значимый) смысл, таким образом, в любом случае является условием подлинности правового бытия, реализации тех заданностей, ради которых и существует право, в чем и заключается его социальная и онтологическая ценность»³.

---

³ Павлов В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права. Минск, 2011. С. 57.

Вне этого ценностного отношения невозможно констатировать право как некую данность; в противном случае данностью всегда норовит оказаться что-то иное: организованное насилие, социальное управление, коммуникация и т. д. В. Кравиц с позиции школы немецкого правового реализма ставит вопрос более радикально: «не соответствует действительности утверждение о том, что все право может быть понято как последовательно введенные сдержки и ограничения, якобы навязываемые подпадаемым под действие права индивидуумам и группам, которые априорно ничем не ограничены, а полностью «свободны»⁴. Там, где юридическая наука классического образца рассуждает о норме как о реальном объекте, — «на самом деле» расположено то, что подлежит опознанию в ходе философского анализа сущего. Интерес к тому, что скрывается за научной метафорой «правовая норма», — подталкивает современных правоведов к признанию языка первичной (если не единственной) реальностью права.

Из сказанного следует, что норма не может быть сочтена фактом и, более того, — объектом. Точнее говоря, интеллектуальные средства классической науки, предназначенные для описания факта, оказываются неуместными в описании нормы, с которой субъект права не способен вступить в гносеологические отношения. Она ненаблюдаема и неосязаема. Приписываемые ей свойства оказываются характеристиками чего-то иного: текста, знака и т. д.

Поворот от логики к онтологии важен для правовых исследований. Если какое-то суждение по логическим соображениям невозможно, теория права обязана достичь ясности в вопросе о том, какова сила этой логической невозможности. Этот практический интерес обусловлен тем разрывом, который имеет место в современном учении о праве: его нормы постулируются как одна реальность, а права человека, справедливость и свобода — как совершенно иная. Их онтологическая связь, теоретически осмысленная как закон существования права, — должна послужить предметом научной концепции, но пока что взаимоотношения права и порядка, права и силы, права и власти чаще декларируются, нежели исследуются в юридической науке, что вызывает скептическое отношение к ней со стороны самих правоведов⁵.

---

⁴ Кравиц В. Пересмотр понятия права: директивы и нормы с точки зрения правового реализма // Российский ежегодник теории права. СПб., 2008. № 1. С. 436.

⁵ «Юристы живут в одной реальности, а рассуждают о другой». С этих слов проф. В. П. Малахов начал свое выступление на очередных, шестых философско-правовых чтениях памяти академика В. С. Нерсесянца (Москва, октябрь 2011 г.). См. также: Малахов В. П. Миф о научности юридической теории // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М., 2011. С. 68–81.

Если формальные конструкции не могут быть произвольными, — а только лишь в этом случае догматика права представляет интерес для правовой политики, — науке нужен инструментарий, позволяющий по меньшей мере описать эту зависимость. Здесь и начинаются вопросы.

Вот один из них: вправе ли мы рассуждать о правовом суждении, если его специфика усматривается лишь тематически, но не формально? Соотношение логической и правовой формы утвердительного суждения о статусе человека, — что в метафизическом аспекте предстает как идентификация самого субъекта и определение модуса его бытия, — представляется актуальной проблемой современной философии права. Оставаясь лишь на почве логического, формального анализа права, — мы не поймем право как реальность, нуждающуюся в определенной знаковой форме.

Субъект, высказывающий логическое суждение, может быть всяким, его бытие в высшей степени условно и призрачно. Он не зависит ни от смысла высказываемого суждения, ни, строго говоря, — от его истинности⁶. Грек, который сказал, что все греки лгут, существует как непоколебимый образ, с которым ничего не происходит. Но гражданин Греции, сообщивший в таможенной декларации неверные сведения, — существует уже как субъект, чья судьба и чей статус меняются благодаря высказанному им официальному суждению (заполнению декларации). Тот, кто способен на логическое суждение, — далеко не всегда способен на суждение правовое, поскольку в последнем случае он принимает юридические последствия собственного самоопределения. В ином случае, — т. е. когда человек говорит одно, а хочет другого, — мы обязаны признать несостоявшегося субъекта права, поскольку им не принимается ответственность. **Право существует лишь тогда, когда имеется тождество деятеля и деяния:** этот принцип аксиоматичен для любой системы права.

Язык правовых суждений по своей природе аксиоматичен, он не знает над собой никаких инстанций, что затрудняет его познание и осмысление: одним лишь фактом своего существования он легитимирует себя в качестве языка и, соответственно, не допускает оппозиции по отношению к себе со стороны тех, кто его практикует⁷. Без обращения к онтологическим основаниям права юриспруденция обречена иметь право как непостижимую реальность,

---

⁶ «Пропозициональная логика стремится быть логикой, совершенно безразличной к содержанию мысли; она не основывается на смысле слов и не зависит от связи, данной объектом», — писал французский исследователь Ш. Серрюс в 1939 г.» (Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики. М., 2002. С. 33). Предложенная им «логика отношений» предполагала выяснение смысловых отношений между понятиями, входящими в суждение.

⁷ Эта ситуация очень часто встречается в полемике: почему за преступление полагается наказание? — Потому что преступление не мыслится иначе.

как саморазвивающуюся знаковую систему. В этой мифологической картине нет места субъекту, притязающему на большее, избирательно относящемуся к нормам права и легитимности. Между тем, — лишь благодаря тому, что человек претендует на постоянное преодоление локального пространства, структурированного в виде правовой ситуации, — право предстает перед нами как изменчивая сущность, никогда не равная самой себе. Задача философии и догматики права заключается в том, чтобы показать формирование права как становление субъекта, уязвленного собственным статусом и нуждающегося в легитимной инстанции.

Существование субъекта права в пространственном измерении представляет собой движение от одного статуса к другому. Понятие юридического факта фиксирует это обстоятельство посредством хорошо известной мифологемы: юридические факты порождают, видоизменяют либо прекращают правовые отношения.

Как только норма приобретает черты социального факта, — что узнается в нашей речи благодаря глаголам, которыми характеризуют ее поведение, — мы вправе констатировать бытие субъекта, который посредством этих метафор изрядно закомуфлирован и не очевиден. Иначе говоря, если мне приходится иметь дело с императивной нормой, которая что-то приказывает, я отдаю себе отчет в том, что приказывает мне не норма, а кто-то другой, с кем я нахожусь в таких отношениях, где легитимация весьма определенного притязания происходит в жесткой и однозначной форме. Онтологические основания нормы заключены в субъекте, который посредством текстовой, знаковой формы обретает определенность внутри конструируемой правовой ситуации, типологические варианты которых представлены процедурами. Выбор модальности обращенного к другому требования определяется образами друг друга: у притяжателя я клянчу, у чиновника требую, у суда прошу, и т. д.

Упершись в норму как в свой собственный предмет, юридическая наука не способна его увидеть, поскольку свойства фактического свойственны суждению: именно оно выступает первичной реальностью права. В непосредственном правовом общении мы имеем дело не с нормами, а с нормативными предписаниями.

Признание нормы в качестве непосредственно данной реальности, в качестве исторического факта, доступного научному описанию, — открывает путь «реификации», т. е. «овеществлению» этого понятия. В юридической науке никого не удивит утверждение о том, что правовая норма регулирует общественные отношения, взаимодействует с моральными нормами, выражает волю народа, обладает юридической силой и т. д. Казалось бы, в этой системе теоретических представлений правовая норма приобретает динамику, а ее

изучение как элемента правовой реальности открывает перспективу описания и прогнозирования судьбы права: возможность констатировать его развитие, реализацию, совершенствование, деформацию и т. д. Однако правовая норма, как логическая конструкция, — лишена всяких свойств исторической реальности. Реальностью может быть лишь другой, который дан в своей непосредственности. Единство с другим достигается в социальном взаимодействии посредством суждения, его правовой характер обусловлен полномочиями инстанции, которая, — хотим мы этого или не хотим, — всегда присутствует между сторонами: я должен быть признан и понят. И модальность моей речи свидетельствует о том, к какой инстанции я обращаюсь и в каком единстве мыслю себя с другим. Без соприкосновения с другим, который в обращении ко мне также не способен обойтись без инстанции, — у меня нет повода мыслить правовыми категориями.

Итак, в рамках классической науки, описывающей внешнюю действительность как объект, — учение о норме создать невозможно. В свете сказанного становится понятной одна закономерность, наблюдаемая в учебниках по теории права: о норме — центральной категории юриспруденции — сказано меньше всего. Учебники повествуют о роли правовых норм в экономике, политике, защите прав, легитимации власти. Но о самих нормах говорится обычно следующее: они возникают, видоизменяются, интерпретируются, применяются и отменяются. Единственное специфическое свойство, приписываемое правовым нормам — их юридическая сила — имеет в науке статус метафоры. Мы все понимаем, что юридическая сила — это не реальное свойство, которое может проявляться так, как, скажем, в человеке проявляются черты его характера. Она способна создавать препятствия лишь в одном — в произвольном конструировании суждений тем субъектом права, который не может покинуть пределы легитимного бытия без крушения собственной субъектности. Если кража запрещена, — суждение о том, что она разрешена, не просто неистинно, оно — невозможно как невозможны салаты из кирпичей. Если, например, мне скажут, что судья в бракоразводном процессе обязал ответчика извиниться или полюбить истца, я скажу: этого не может быть. Право не допускает таких суждений. Судья перестает быть судьей, когда позволяет себе действия, находящиеся за пределами регламентированной юридической процедуры.

В поиске сущности какой-либо вещи и в определении морального либо экзистенциального смысла каких-либо суждений — мы упоминаем субъекта, без которого вещь не смогла бы реализовать свою сущность, а норма — обнаружить свой потенциал. Постановка вопроса о статусе уже предполагает сосуществование, пределы возможного, необходимость утверждения, укоренения в бытии.

И если мы говорим, что суждение — это утверждение о чем-либо, я бы хотел подчеркнуть экзистенциальный момент: суждение — это обретение твердости, утверждения субъекта посредством обозначения собственных границ и способа существования. В таком случае правовое суждение — это не просто высказывание юридического характера, это есть узаконение нового субъекта — такого, которого прежний субъект разглядел в себе. Когда Г. Х. фон Вригт допускает постановку вопроса об экзистенциальном статусе моральных и юридических норм, — он фактически выходит за рамки самой логики и вступает в область философии⁸. Никакой экзистенции у норм, как и у вещей, — нет.

Формальная конструкция правового суждения важна для субъекта, она позволяет ему состояться в каком-либо статусе. Она может быть отвергнута — по той причине, что обрекает человека на неприемлемый для него статус. Субъект суждения (притязающий на статус) нуждается в норме, поскольку, — благодаря нормативным критериям, — его суждение способно состояться в качестве авторитетного, определенного, достоверного и поддающегося проверке утверждения. Мы сомневаемся в правомерном характере интерпретации нормы, если она обрекает нас на нежелательный результат. Конфликтность интерпретаций — лишь видимая часть айсберга. Спор идет не о нормах, а о способе существования.

Субъект права должен различать эти модусы и владеть языком, который понятен инстанции и который служит единственным местом ее нахождения. ***Там, где правовые притязания высказываются языком моральных суждений, — право оказывается ненадлежащим адресатом и уступает свое место иной нормативной системе.***

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгин Е. В. Динамика права // Нормы и нормативные системы в философии, праве, информатике. Международный симпозиум NorSy 2011. Санкт-Петербург, 9–10 сентября 2011 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011.
2. Ситар І. Онтологічні функції права. Львів.: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2009.
3. Павлов В. И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права. Минск: Академия МВД, 2011.
4. Кравиц В. Пересмотр понятия права: директивы и нормы с точки зрения правового реализма // Российский ежегодник теории права. СПб.: Юридическая книга, 2008. № 1.

---

⁸ См.: Вригт Г. Х. фон. Нормы, истина, логика // Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986. С. 302

5. *Малахов В. П.* Миф о научности юридической теории // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права. Материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2011.
6. *Серрюс Ш.* Опыт исследования значения логики. М.: Едиториал УРСС, 2002.
7. *Вригт Г. Х. фон.* Нормы, истина, логика // Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986.

В. Д. Титов (ХАРЬКОВ)

ВОПРОС ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА И НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ

Отправным пунктом моих посильных рассуждений будет положение, сформулированное Хайдеггером: «...не только ответа на вопрос о бытии недостает, но даже сам вопрос темен и ненаправлен»¹.

В отличие от Хайдеггера, который стремился решать вопрос о бытии в чисто спекулятивной стратосфере, я думаю, что этот вопрос так и останется «темным и ненаправленным», пока он не будет «направлен» на конкретную сферу бытия и прояснен в ней. В качестве такой конкретной сферы я предлагаю погрузить вопрос о бытии в философско-правовой контекст. Стимулом к такому погружению для меня служит мысль Лона Фуллера, высказанная в начале его «Анатомии права»: «Когда философ спускается со своего высокогорного плато, чтобы принять участие в заботах судьи и законодателя, он как бы поступает свободой своей мысли ради обременительной ответственности. Однако этот обмен нередко придает его мышлению новое, освободительное направление»².

Более того, я хотел бы существенно снизить теоретический пафос общей постановки вопроса о бытии и перевести его обсуждение на уровень, более близкий к ситуации рядового «человека с улицы», если угодно, — «обывателя». Разумеется, при таком снижении метафизического градуса неизбежны потери дискурсивной красоты, присущей творениям признанных лидеров спекулятивного философствования.

На этом обывательском уровне рациональность рассуждений о бытии права сводима к «здравому смыслу», умению ориентироваться «здесь и теперь» в житейском, а не в стратосферном феноменологическом «горизонте», подсчитывая (*ratio cinog*) выгоды и потери от принятия тех или иных решений и соответствующего курса действий. Высокая философия на примерах своих

---

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 3–4.

² Фуллер Л. Л. Анатомия права. Киев, 1999. С. 8.

пророков и апостолов (Антигона, Сократ, Христос, апостолы Петр, Андрей и проч.) учит «искусству жить» по некоему «высокому праву». Для обывателя же более значимым является «искусство проживать», не особенно заботясь о праве и законности. Особенно наглядной эта позиция становится в периоды масштабных кризисов, когда требуется «искусство выживать». Можно сколь угодно издеваться над обывательской позицией выживания или даже негодовать по ее поводу, но она является доминирующей в эпохи перемен.

Вспомним Аристотеля и его учение о душе как способе бытия живого существа. Есть растительная, животная и разумная (или в полном смысле человеческая) душа. Независимо от того, признаем ли мы существование души или нет, — можно принять метафоры растительного, животного и человеческого мыслительного горизонтов и соответствующего поведения. Глядя на нашу давнюю и недавнюю историю, приходится признать, что большая часть населения некогда единой страны, а теперь разобщенных стран, ведет скорее растительную и животную, а не разумную и вполне человеческую жизнь. Вероятно, главной причиной этого была и остается укорененная в сознании большинства социальная и политическая апатия, в свою очередь вызывающая социальную апраксию и аномию. К ним привели века угнетения социальной инициативы и особенно альтернативной властям активности. На волне демократического всплеска конца 1980-х — начала 1990-х годов к власти пришли хищники с вполне животным образом мыслей и действий, такие социальные дарвинисты, называющие себя «демократами» и «либералами». Теперь уже нет Е. Гайдара, но «дело его живет», и нет никакой надежды на то, что эксцессы приватизации и псевдо-рыночной экономики будут осуждены и компенсированы запуганному населению.

Я употребляю здесь термин «население», а не «народ» потому, что со времен Цицерона известно, что «народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов»³. Вот этого самого «согласия в вопросах права и общности интересов» как раз и нет на постсоветском пространстве, а вместо народа существует конгломерат атомизированных обывателей.

В философии права вопрос о существовании права трансформируется в многовековой диспут о различиях между так называемым «естественным» и позитивным правом. Упрощая аргументацию сторонников этих позиций, можно утверждать, что речь идет о некоем *предсуществовании* естественного права либо в виде универсального космического порядка (*логоса* Гераклита), либо в виде неких абсолютных идей (Платон, Гегель), либо природного по-

---

³ Цицерон. О государстве. I, XXV, 39.

рядка (Аристотель), либо *естественного закона*, совпадающего с премудростью Божией, данной нам в Откровении (Фома Аквинский), либо, наконец, — в торжестве человеческого разума (Монтескье, Руссо, Вольтер).

Наиболее импозантная версия естественного права проявилась в концепции «естественных и неотчуждаемых прав человека», провозглашенных 4 июля 1776 г. Декларацией независимости США, где сказано: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет *право по законам природы и ее Творца*, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению.

Мы исходим из той *самоочевидной истины*, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье» (курсив мой. — В. Т.)⁴.

Уже в октябре того же года Джереми Бентам выступил с резкой критикой американской Декларации независимости и провозглашенных в ней равных и неотчуждаемых прав: «И это они считают за истину самоочевидную... Да ведь чтобы обеспечить эти права, им придется учредить Правительство. Они не видят, что ни одно из когда-либо существовавших правительств не существовало иначе как за счет этих прав — то одно, то другое из этих якобы неотчуждаемых прав отчуждается. ... В этих установках они перещеголяли всех прежних фанатиков».⁵

Еще более жесткую и развернутую критику «естественное право» получило в памфлете Бентама «Анархические ошибки»⁶, поводом для которого стала французская Декларация прав человека и гражданина (1795).

---

⁴ Декларация независимости США 1776 г. // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова. М., 1993. С. 25.

⁵ Bentham J. Short Review of the Declaration (1776) & Manifesto of the Province of Flanders Source // Lind J., Bentham J. An Answer to the Declaration of the American Congress. London, 1776. P. 119–132. — URL: <http://eranga123.blogspot.com/2010/11/jeremy-bentham-short-review-of.html> (дата обращения: 21.09.2011).

⁶ Bentham J. Anarchical Fallacies // The Works of Jeremy Bentham. Edinburgh, 1838–1843: in 11 vols. Vol. 2. — URL: <http://oll.libertyfund.org/title/1925/116768> on 2011-09-17 (дата обращения: 21.09.2011).

Бентам утверждает, что естественные права — «противоречие в терминах». Он называет их «нонсенсом», фиктивными сущностями. Сравнение естественного права с юридическим правом обнаруживает принципиальное различие между ними в плане их корреляции с соответствующими обязанностями. Бентам интерпретирует юридическую обязанность в терминах закона, который создает эту обязанность и угрозы наказанием за его нарушение. Но нет никакого фиксированного закона относительно воображаемых естественных обязанностей. Следовательно, естественные права — только воображаемые права в отличие от реальных прав, произведенных фактически существующими системами законов. Как выразился Бентам, «из реального закона возникают реальные права... из воображаемых законов возникают воображаемые. Так называемые права человека — фактически просто поддельные права» (The so-called rights of man are in fact merely counterfeit rights).

Бентам указывает, что вместо конструктивной формулировки реально-осуществимых прав французская Декларация предлагает, какими права должны быть. Как писал Бентам, «основанием для пожелания, чтобы было установлено определенное право, не является это право; желание не есть удовлетворение; голод не есть хлеб». Таким образом, не имеет смысла предполагать, что «естественные права» фактически существуют. Еще меньше оснований предполагать, что подобные права установлены раз и навсегда. Это еще одна ошибка — думать, что любые «естественные» права неизменны, неоспоримы и неотъемлемы. Поэтому «естественные и неотчуждаемые права — риторический нонсенс, нонсенс на ходулях» (natural and imprescriptible rights, rhetorical nonsense, nonsense upon stilts).

Развивая эту мысль Бентама, я предлагаю понимать право как специфически человеческую технологию оптимального взаимодействия между индивидами и их коллективными объединениями. С этой точки зрения нет никаких «естественных», т. е. «природных» прав. Право всегда есть нечто искусственное, исторически-подвижное и культурно-конкретное. В природном мире никакого права нет, а есть лишь борьба за собственное существование и существование собственного потомства, в лучшем случае — собственного вида. Выживают сильнейшие и наиболее приспособленные индивиды и виды, а слабые и неприспособленные вытесняются за пределы существования. В царстве природы то, что мы считаем изнасилованием, убийством, кражей, обманом или даже геноцидом, — совершенно *естественные* действия.

Становление человека как особого биологического вида стало возможным благодаря все более осознаваемому самими людьми процессу создания искусственной среды. Значение права нисколько не умалется и не унижается тем, что оно «искусственно»: оно искусственно в том же смысле, в каком искусственна наша пища, одежда, жилища, дороги, машины и проч. Начинаясь

с запретов и дозволений, — право все более усложняется, превращаясь в алгоритмы социально-приемлемых эффективных действий. Оно есть один из краеугольных камней нашей культуры, и эта культура выдвигает все новые и новые стандарты того, что могут, что должны и что фактически есть права человека.

Как верно подметил Е. В. Булыгин, сущностной чертой права является его динамизм⁷. В совместной с К. Алчурроном книге «Нормативные системы» (1971) он существенно расширил представления о возможностях применения логики в формальном анализе правовых систем. Насколько мне известно, за прошедшие после первого издания этой книги 40 лет не появилось ничего более основательного и дельного в области взаимодействия логики и права. Наши наиболее авторитетные логики и юристы, занимавшиеся этим взаимодействием в 1970–2000-е годы (А. А. Ивин, В. О. Лобовиков, В. К. Бабаев), очевидно, даже не знали о ее существовании.

Основательность и дельность подхода Алчуррона и Булыгина я вижу в том, что они рассматривали логику правовых систем не только на уровне абстрактных теорий логики и права (как у Г.-Х. фон Вригта), а в непосредственном контексте законодательства и судебной практики Аргентины. В наши дни и в наших постсоветских странах сам этот контекст может оказаться весьма поучительным. Свидетельством этого стал недавний (сентябрь 2011) симпозиум в Санкт-Петербурге, посвященный этой книге, и имевшие на нем место живые дискуссии с самим Е. В. Булыгиным, одним из немногих современных классиков юридического позитивизма.

Однако я хотел бы обратиться не к логико-юридическому, а к более широкому философскому обсуждению взаимодействия нормативных систем. Наряду с правовыми системами, бесспорной нормативностью обладают все значимые сферы человеческой деятельности — от сельского хозяйства, ремесла, технологии производства, экономики, финансов, медицины и науки до морали, религии, политики, искусства и спорта. Мне представляется, что многие из этих сфер (если не все совокупно) оказывают воздействие на характер нормативных систем. Более того, некоторые из них (в особенности политика и экономика) влияют на право настолько сильно, что приходится считаться с деформациями правовых систем.

Я предлагаю вслед за Р. фон Иерингом различать «право в книгах» и «право в жизни». Первое содержится в конституциях и кодексах, второе — в подзаконных актах и служебных инструкциях, часто недоступных для широкого

---

⁷ Булыгин Е. В. Динамика права // Нормы и нормативные системы в философии, праве, информатике. Международный симпозиум NorSy 2011. С.-Петербург, 9–10 сентября 2011 г. С. 7–10.

общественного ознакомления и позволяющих ограничивать и даже извращать законодательные нормы. Практика применения подобных инструкций и молчаливое попустительство начальства разнообразным преступлениям против правосудия приводит к распространению в обществе сначала бессильного правового скептицизма, а затем, — по мере накопления его критической массы — правового нигилизма, разъедающего и разрушающего скрепы представлений о правовой норме и патологии, о границах добра и зла.

В этой связи уместно напомнить о неразрывной связи не только права и логики, но и права и морали. Иеринг писал: «Этика должна открыть нам глаза на то, что соответствует или противоречит сущности права. Этика же не только не отвергает борьбы за право, но даже ставит ее в обязанность как индивидуумам, так и народам»⁸.

Если в случае соотношения права и логики речь идет о чистой рациональности отдельных правовых норм и рациональной когерентности правовой системы в целом, то при анализе соотношения права и морали чаще всего обсуждается аспект справедливости. Выступая как всемирно-признанный эксперт высшей квалификации, Е. В. Булыгин безусловно прав, когда утверждает, что «содержание правопорядка может быть исследовано и установлено безотносительно к моральным и политическим ценностям», и что «систему права можно описать без привлечения моральных и прочих ценностей»⁹. Но эти утверждения верны лишь в отношении логико-методологической стороны нормативных систем как «права в книгах». Что же касается практической стороны, обществу важна не только (а часто и не столько) логико-методологическая чистота нормативной правовой системы, сколько ее практическая реализуемость, «право в жизни» на принципах справедливости и ее коррелятов — честности и порядочности. Именно честность (*fairness*) и порядочность (*integrity*) права ставит на первое место при характеристике нормативных систем Р. Дворкин в «Империи права».

Как показал еще Л. Фуллер¹⁰, некоторые правовые системы могут быть идеально упорядочены логически и даже в каком-то каннибальском смысле рациональны (например, система законодательства нацистской Германии), но совершенно неприемлемы в моральном плане в силу их несправедливости. Судья Верховного суда США А. Скалиа как-то заметил, что в сталинской конституции 1936 г. практически нет ни одного положения, с которым он не согласился бы, но все дело в том, что эту конституцию никто из функционеров сталинского режима даже не собирался исполнять! Заметим также, что от-

---

⁸ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 63–64.

⁹ Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Проблемы філософії права. 2005. Т. III. № 1–2. С. 7, 12.

¹⁰ Фуллер Лон Л. Мораль права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

существование справедливости в случае ряда нацистских законов сопровождалось своеобразной «честностью» в формулировке объекта преследований (например, пресловутые законы о расовой чистоте). Подобной «честности» не было в советских законах, когда фактические преследования ряда национальностей в послевоенные годы прикрывались ритуальными декламациями о равенстве всех народов, населявших СССР. Но и нацистскую, и советскую правовые системы объединяет отсутствие порядочности как отсутствие практической реализуемости официально провозглашенных правовых норм.

Об отсутствии порядочности свидетельствует и состояние нормативных систем постсоветских государств. Так, некоторые либерально-настроенные теоретики предлагают новую редакцию Конституции Украины, в которой предлагается исключить положение о «социальности» украинского государства. Конечно, такое предложение может показаться «честным» в плане констатации реального положения дел в доступности качественного образования, медицины, пенсионного обеспечения и социальной поддержки для основной массы населения. Но весьма сомнительно, что это предложение является порядочным со стороны якобы «народных» депутатов. Таким образом, логически-правильное в правовых системах есть необходимое, но недостаточное условие их социальной приемлемости. Полноценная нормативность правовой системы требует также социальной ориентированности и социальной приемлемости, если иметь в виду не только логико-юридическое, но и медико-биологическое понимание нормы как стандарта жизнеспособности организма, не говоря уже о социальных стандартах жизни и защищающих их правовых нормах, принятых в развитых странах. Иными словами, в анализе правовых норм следует считаться, как это давно сделали физики, с *принципом дополнительности* — взаимной дополнительности нормативного и ценностного элементов в реально существующих правовых системах.

Недостаточно наличия того, что юристы называют объективным правом, т. е. «права в книгах»: ***существование права в жизни возможно лишь как осуществление права, как непрерывная борьба за субъективные права.***

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Проблемы філософії права. 2005. Т. III. № 1–2.
2. Булыгин Е. В. Динамика права // Нормы и нормативные системы в философии, праве, информатике. Международный симпозиум NorSy 2011. С.-Петербург, 9–10 сентября 2011 г.
3. Декларация независимости США 1776 г. // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О. А. Жидкова; пер. с англ. О. А. Жидкова. М.: Прогресс; Универс, 1993.

4. *Иеринг Р.* Борьба за право / пер. С. И. Ершова с 13-го немецкого издания. М.: Феникс, 1991.
5. *Фуллер Лон Л.* Анатомия права / пер. з англ. Наталії Комарової. Киев: Сфера, 1999.
6. *Фуллер Лон Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИРИСЭН, 2007.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
8. *Цицерон.* О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999.

Е. В. Тимошина (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

**НОРМА ПРАВА И НОРМАТИВНЫЙ ФАКТ:
ОСНОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ НОРМ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА Л. ПЕТРАЖИЦКОГО**

Размышления Л. Петражицкого над вопросом о том, что является основанием обязывающей силы правовых норм, приходится на самое начало XX в., задолго до формулирования таких основополагающих для современной юриспруденции ответов на вопрос об основаниях действительности права, какими стали понятие «основной нормы» Г. Кельзена, «общее уважение к конституции» А. Хэгерстрема и К. Оливекроны или «правила признания» Г. Харта. Однако Л. Петражицкий, предугадывая основные направления аргументации юридического позитивизма в XX в., участвует в позитивистском дискурсе о норме права:

1) доказывая тавтологический характер определения права как совокупности государственно установленных норм;

2) указывая на бесконечный регресс санкций при обосновании обязательности нормы через принуждение, на что было также обращено внимание Г. Кельзеном в его критике теории Дж. Остина, а впоследствии — в рамках полемики о возможности и осмысленности норм, ссылающихся на самих себя, в которой приняли участие Г. Харт и А. Росс;

3) различая норму права и правоустанавливающий (нормативный) факт;

4) обосновывая принципиальное различие между нормами права и приказами, на котором впоследствии акцентировали внимание Г. Харт, а до него — представители скандинавского правового реализма.

1. С отказом от идеи суверена в качестве власти, фундирующей правопорядок, и признанием обеспечивающего ее государства правовым явлением¹ — традиционное этатистское определение понятия права приобретало

---

¹ См.: Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Кузницына. СПб., 2005. С. 158–

тавтологический характер, на что, вероятно, одним из первых обратил внимание Л. Петражицкий, указав на присутствующий в данном определении «безысходный логический *circulus*». По его мнению, формулу «юридическая норма есть норма, признанная государством», — можно превратить в следующее определение: «норма права (*x*) есть норма, признанная в предписанной правом (*x*) форме со стороны установленных правом (*x*) органов правового (*x*) союза — государства». Таким образом, определение правового характера нормы уже предполагает, подчеркивает ученый, «наличность сложной системы юридических норм»². Именно уяснение тавтологического характера данного определения понятия права, который выражается в том, что «предпосылкой для определения правовой действительности служит сама правовая действительность», — и ведет, как отмечает Р. Алекси, к главной для юридического позитивизма XX в. проблеме «основной нормы» как фундаментального основания правовой системы³. Наиболее значимыми вариантами решения данной проблемы в XX в. стали, как известно, аналитическая (Г. Кельзен) и эмпирическая (Г. Харт) интерпретации основной нормы⁴. Г. Кельзен, осознавая, что «поиск основания действительности нормы не может продолжаться бесконечно», выходит из логически затруднительного положения с помощью постулирования «основной» нормы как «последней и наивысшей», которая уже не может быть установлена властной инстанцией и в отношении которой не может возникнуть вопроса об основании ее действительности⁵. Ту же функцию основания действительности правил выполняет и «правило признания» Г. Харта в качестве «окончательного правила», в отношении которого «не существует правила для оценки его собственной юридической действительности»⁶.

2. Рассматривая проблему обязывающей силы норм, Л. Петражицкий указывает на бесконечный регресс санкций при предположении, что каждая правовая норма должна быть ею обеспечена, и тем самым — на логи-

---

159. О замене идеи персонифицированного суверена идеей «безличной значимости безличной нормы» как главной тенденции философии права XX в. см.: Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М., 2000. С. 30 и сл.

² См.: Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 283–284.

³ См.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М., 2011. С. 107.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена: К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987): сб. переводов. Вып. 1 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович; пер. С. В. Лезова, Ю. С. Пивоварова. М., 1987. С. 103.

⁶ Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб., 2007. С. 110–111.

ческую тщету обоснования обязательности нормы через принуждение. Дело в том, рассуждает Л. Петражицкий, что «с точки зрения теории принуждения нормой права (x) является лишь такая норма, на случай отсутствия добровольного исполнения которой другая норма права (x_1) предусматривает применение принудительных мер, например, предписывает известным лицам... применить принудительное исполнение. Но эта норма (x_1)... лишь в том случае может быть по теории принуждения правовой нормой, если существует дальнейшая норма (x_2), которая на случай отсутствия добровольного исполнения этой нормы (x_1) предусматривает... принудительные меры... и т. д. — до бесконечности», так как «конец доказательства... за отсутствием дальнейшей санкции был бы вместе с тем доказательством, что все предыдущие нормы не суть нормы права»⁷.

Данный аргумент Л. Петражицкого со ссылкой на Н. Тимашева, использовавшего его в своем «Введении в социологию права» (1939), воспроизводит и комментирует Г. Кельзен. Он считает «верным» утверждение, в соответствии с которым «для того чтобы обеспечить действенность правила n -й степени, необходимо правило степени $n+1$, и, соответственно, невозможно обеспечить действенность всех правовых норм при помощи правил, устанавливающих санкции». Однако, соглашаясь с данным утверждением, Г. Кельзен вместе с тем полагает, что норма права — это не правило, действенность которого обеспечивается другим правилом, устанавливающим санкцию; проблема принуждения (санкции), по его мнению, — это не проблема обеспечения действенности правил, а проблема содержания правил. Все нормы правового порядка — это принудительные нормы, то есть, нормы, устанавливающие санкции; но среди этих норм есть такие, действенность которых не обеспечивается другими принудительными нормами, что не лишает их принудительного характера⁸.

Впоследствии к этой проблеме обратился Г. Харт в рамках полемики с А. Россом о самореферентных законах. Г. Харт также рассматривает аргумент о бесконечном регрессе санкций в качестве «корректного» и соглашается с Г. Кельзеном в том, что его чистое учение о праве, в котором принуждение является существенным элементом права, — оказывается не уязвимым для данного аргумента. Однако Г. Харт полагает, что прежде чем отвергнуть теорию, подобную теории Д. Остина, как логически абсурдную, — необходимо попытаться сформулировать требование того, чтобы каждое правило было снабжено санкцией за его нарушение в форме, которая не влечет бесконечного регресса. Ученый считает это возможным, так как для выполнения дан-

⁷ Петражицкий Л. И. Очерки философии права. С. 288–289.

⁸ См.: Kelsen H. General Theory of Law and State. Cambridge, 1949. P. 28–29.

ного требования не существенно, что санкция, установленная за нарушение правила, — должна быть установлена другим правилом. По мнению ученого, нет причины, по которой правило не должно устанавливать санкцию за нарушение как других правил, так и его самого. Таким образом, в отличие от А. Росса, считавшего самореферентные правила бессмысленными⁹, Г. Харт видит решение проблемы бесконечного регресса санкций в частично самореферентных правилах, т. е. правилах, ссылающихся в том числе и на самих себя, примером которых может быть следующее: «Орган сообщества (судья) должен наказать каждого, кто нарушит любой закон, включая этот». Данное правило на самом деле отсылает к бесконечной серии обязанностей и нарушений и, — в отличие от требования того, чтобы каждое юридическое правило было санкционировано другим юридическим правилом, — не порождает бесконечного порочного регресса правил¹⁰.

К. Оливекрона в статье, специально посвященной теории Л. Петражицкого, не соглашаясь с возражениями Н. Тимашева против данного аргумента¹¹, отмечает, что «аргумент Петражицкого не может быть отброшен. Мы неизбежно приходим к *regressus in infinitum*, если попытаемся определить правовые нормы при помощи санкций»¹². Очевидно, К. Оливекрона принял аргумент Л. Петражицкого потому, что это соответствовало его собственным представлениям о проблеме обязывающей силы правовых норм: по его мнению, смысл того, что первое правило обязывает, нельзя объяснить указанием на то, что существует другое правило, которое устанавливает наказание за несоблюдение первого¹³.

3. Критика Л. Петражицким «овеществления» правовой нормы, которое впоследствии также явилось предметом критического обсуждения в скандинавском правовом реализме, — приводит ученого к обоснованию принципиального отличия нормы, с одной стороны, — от нормативного факта, представление которого выступает в качестве основания обязательности нормы, а с другой — от письменных текстов как «свидетельств» нормативных фактов. Нормативные факты в качестве основания обязательности норм представляют собой имевшие место во времени и пространстве действия, высказывания

---

⁹ Ross A. On Self-Reference and a Puzzle in Constitutional Law // Mind. 1969. N 78. P. 4.

¹⁰ Hart H. L. A. Self-Referring Laws // Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 2001. P. 171–172.

¹¹ Подробнее об этом см.: Timasheff N. An Introduction to the Sociology of Law. Cambridge, 1939. P. 264.

¹² Olivecrona K. Is a Sociological Explanation of Law Possible // Theoria. A Swedish Journal of Philosophy and Psychology. 1948. Vol. 14. P. 200.

¹³ См.: Оливекрона К. Право как факт / пер. с англ. Е. Ю. Таранченко // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 671.

и т. п. субъектов (законодателей, судей, религиозно-этических авторитетов и др.), представление которых вызывает в психике индивида императивно-атрибутивные эмоции. Однако остается неясным, почему соответствующие действия и изречения интерпретируются индивидуальной психикой как имеющие смысл правоустанавливающих актов? Отмечая в качестве общих черт этических норм то, что они: 1) мотивируют к определенному поведению не как к средству для достижения определенной цели, а как имеющему самодовлеющую ценность; 2) представляются вследствие психического механизма эмоциональной проекции «объективно» существующими вне психики субъекта и приписываются «существам высшего порядка, а в качестве особенности правовых норм выделив их императивно-атрибутивный характер, — Л. Петражицкий, однако, не предложил определенного ответа на вопрос о бытии нормы. В различных контекстах норма права предстает:

1) как особый вид нормативных этических суждений, трактуемых им в соответствии с психологической парадигмой классической логики в качестве психического, эмоционального акта;

2) как «эмоциональная фантазма», т. е. не имеющая «реального» бытия «проекция» императивно-атрибутивных (правовых) эмоций, структуру которых образуют интеллектуальные представления а) объектов прав и обязанностей, б) субъектов прав и обязанностей, в) нормативных фактов (для позитивной этики), г) релевантных (юридических) фактов, а также акционные представления и императивно-атрибутивные моторные возбуждения (импульсии) в связи с представлением определенного поведения.

Концепция нормативности Л. Петражицкого близка как скандинавскому правовому реализму, что неоднократно отмечалось в научной литературе¹⁴, так и той ее трактовке, которая в современной теории права представлена Э. Паттаро. В числе общих для обоих ученых представлений о правовой норме отметим следующие:

1. Представление о том, что нормы права — суть правила, «переживаемые в качестве обязывающих самих по себе». Нормы, рассматриваемые Э. Паттаро как «мощный мотив поведения», — отграничиваются им от имеющих телеологическую направленность правил благоразумия, что соотносится с двумя видами выделяемой Л. Петражицким мотивации — самодовлеющей (нормативной) и целевой.

2. Психологическое объяснение механизма объективирования норм, который Л. Петражицкий называл «наивным» проецированием, а Э. Паттаро использовал для этого понятие «католодоксия».

¹⁴ См.: напр.: Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 225–226.

3. Представление о том, что конституирование публичной власти необходимо предполагает в качестве своего условия существование сложной системы правовых норм¹⁵.

4. По мнению Л. Петражицкого, не является нормой «воздействие более сильного на более слабого, состоящее в выражении воли сильного (велении), требующей подчинения от слабого» под угрозой репрессии, так как данное «веление» не является правоустанавливающим фактом, т. е. не «возбуждает» правовые (императивно-атрибутивные) эмоции и не создает для субъектов взаимные права и правовые обязанности¹⁶. Теория «велений» не способна объяснить конституирование прав и обязанностей, вследствие чего данные понятия в рамках этой теории представляют собой своего рода *«deus ex machina»*. Оставляя данный тезис без аргументации, ученый иллюстрирует его примером с путешественником, попавшим в руки шайки разбойников и исполняющим их «веление» как «более сильных» выдать кошелек, подчеркивая при этом взаимное осознание отсутствия обязанности это сделать¹⁷. Ситуация, аналогичная описанной впоследствии Г. Хартом с той же целью: прояснить различия между приказами и нормами, — позволяет Л. Петражицкому выделить в качестве различия между ними длительность и постоянство существования последних¹⁸.

Вместе с тем, пример Л. Петражицкого с позиций теории ученого, согласно которой нормативный факт — лишь индивидуальное интеллектуальное «представление», могущее не быть связанным с соответствующим «объективным событием», — представляется трудно объяснимым. Нормативные факты, как подчеркивает Л. Петражицкий, в отличие от длительно действующих правовых норм, — представляют собой явления «быстро преходящие, исчезающие, уже не существующие после произнесения соответствующих слов... или подписания соответствующего документа»¹⁹. И с этой точки зрения — нормативные факты ничем не отличаются от приказа разбойника, а следовательно, вопрос о том, почему данный приказ *для обеих сторон* не имеет смысла правоустанавливающего факта, — остается у Л. Петражицкого не проясненным. Кроме того, ученый, исходя из позиции радикального правового плюрализма, предполагающей, в частности, плюрализм нормативных фактов в качестве оснований обязательности правовых норм, — признает существование права

---

¹⁵ См.: Паттаро Э. Нет права без норм // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 292, 290.

¹⁶ См.: Петражицкий Л. И. Очерки философии права. С. 339.

¹⁷ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 268.

¹⁸ Там же. С. 264.

¹⁹ Там же.

в «постоянных и организованных преступных сообществах»²⁰. Рассматриваемую нами ситуацию, таким образом, можно было бы объяснить ценностным конфликтом различных правопорядков, к которым принадлежат участвующие в ней лица. Однако в данном примере важна *взаимность признания* отсутствия конституированной «приказом» правовой обязанности для «путешественника». Если также принять во внимание, что Л. Петражицкий считает необходимым установить критерии отличия организованного сообщества (в том числе государства), власть в котором имеет «социально-служебный» смысл, от «разбойничьей шайки»²¹, то приведенный выше пример может быть объяснен только при предположении, что ученый, вопреки субъективистским предпосылкам своей теории, фактически исходит из презумпции существования легитимного правопорядка как «прочной координированной системы вызываемого правом социального поведения, прочного и точно определенного порядка, с которым отдельным индивидам и массам можно и приходится сообразовываться...»²² и в «границах» которого только и возможна общность понимания смысла взаимных прав и правовых обязанностей. Именно факт существования легитимного правопорядка — общности, в которой «процессы конституирования посредством права и создания права совпадают», — впоследствии рассматривался учеником Л. Петражицкого Г. Гурвичем в качестве фундаментального «нормативного факта», являющимся основанием обязывающей силы и эффективности правовой нормы²³.

В заключение следует отметить, что практически неизвестными остаются логические исследования Л. Петражицкого. Вместе с тем, они оказали влияние на таких представителей Львовско-Варшавской философской школы, как С. Лесьневский, М. и С. Оссовские²⁴, Т. Котарбинский, который считал «наиболее притягательной и интересной идеей» Л. Петражицкого принцип адекватности научной теории²⁵. В варшавский период ученый, исходя из данного принципа, сделал вывод о «неадекватности» классической логики и необходимости расширения ее предмета, предложив дополнить логику истины логикой «субъективно-относительного мышления». Двумя ее разделами, согласно замыслу правоведа, должны были стать логика критики и логика императивов,

²⁰ Там же. С. 97.

²¹ Там же. С. 577.

²² Там же. С. 157–158.

²³ См.: Гурвич Г. Д. Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 146–147, 142.

²⁴ Краткое указание на это см.: Воленский Я. Львовско-варшавская философская школа / пер. с польского В. Н. Поруса. М., 2004. С. 24, 32.

²⁵ См.: Котарбинский Т. Концепция адекватной теории // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 629.

соответствующие современным логике оценок и логике норм. Подразделы последней должны были составить телеологическая и нормативная логики, которые рассматривались ученым в качестве необходимого фундамента соответственно политики права и нормативной юриспруденции²⁶. Таким образом, есть достаточные основания утверждать, что Л. Петражицкий предугадал основные направления последующей разработки деонтической логики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Н. Лаптева, Ф. Кальшойера. М.: Инфотропик Медиа, 2011.
2. *Воленьский Я.* Львовско-варшавская философская школа / пер. с польского В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2004.
3. *Гурвич Г. Д.* Идея социального права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004.
4. *Зорькин В. Д.* Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во МГУ, 1978.
5. *Котарбиньский Т.* Концепция адекватной теории // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.
6. *Оливекрона К.* Право как факт / пер. с англ. Е. Ю. Таранченко // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1.
7. *Паттаро Э.* Нет права без норм // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1.
8. *Петражицкий Л. И.* Новые основания логики и классификация наук // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010.
9. *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010.
10. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань», 2000.
11. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: К XIII конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии (Токио, 1987): сб. переводов. Вып. 1 / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович / пер. С. В. Лезова, Ю. С. Пивоварова. М.: АН СССР ИНИОН, 1987.
12. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
13. *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2005/

---

²⁶ Подробнее об этом см.: *Петражицкий Л. И.* Новые основания логики и классификация наук // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 775–856.

14. *Шмидт К.* Политическая теология / пер. с нем. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
15. *Hart H. L. A.* Self-Referring Laws // *Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy.* Oxford: Clarendon Press, 2001.
16. *Kelsen H.* General Theory of Law and State. Cambridge: Harvard University Press, 1949.
17. *Olivecrona K.* Is a Sociological Explanation of Law Possible // *Theoria. A Swedish Journal of Philosophy and Psychology.* 1948. Vol. 14.
18. *Ross A.* On Self-Reference and a Puzzle in Constitutional Law // *Mind.* 1969. N 78.
19. *Timasheff N.* An Introduction to the Sociology of Law. Cambridge: Harvard University Press, 1939.

М. Л. Давыдова (Волгоград)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ КАК НАЧАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ

Нормативность права в юридической литературе традиционно считается одним из ключевых и существенных его свойств. При этом содержание данного свойства раскрывается теоретиками права по-разному. Довольно часто оно интерпретируется следующим образом: нормативность означает, что право — это система норм¹. Кроме очевидной тавтологичности этого положения, следует заметить, что оно требует дальнейшего пояснения, раскрытия особенностей правовых норм — типовых стандартов, идеальных моделей поведения людей. При этом проблема переносится с признаков права на признаки правовых норм², что неправильно с точки зрения теории систем. Свойства системы в целом не могут быть сведены к свойствам ее элементов.

Второй подход к понятию нормативности права отождествляет ее с понятием «общий характер»³. При этом в качестве универсальных признаков нормативности выступают:

- а) неконкретность (неперсонифицированность) адресата;
- б) возможность неоднократного применения;
- в) сохранение действия независимо от исполнения.

Некоторые авторы считают необходимыми и достаточными только первые два признака. Сохранение действия правила является, по их мнению, свой-

---

¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 63.

² Что, в частности, делает М. И. Байтин, включая в систему признаков права подсистему признаков правовых норм, вытекающих из свойства нормативности права. См.: Байтин М. И. Сущность права... С. 63.

³ Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. С. 43; Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 6.

ством, производным от возможности его неоднократного применения⁴. Благодаря названным свойствам, — право может охватить любой круг лиц, а также любой круг явлений и процессов. Нормативность в подобной интерпретации выступает преимущественно как свойство *позитивного права*.

Третий подход к понятию нормативности выходит за рамки позитивизма, признавая, что нормативность — явление не сугубо правовое. Она коренится в природе человека и присуща любому обществу. В этом контексте *нормативность* выступает как универсальная закономерность социального развития, которая состоит в том, что у общества есть внутренняя потребность в определенной упорядоченности⁵. Рассматриваемое явление включает в себя, с одной стороны, *нормативность реальной жизни* (ее упорядоченность, нормальность, объективно сложившийся ход вещей), а с другой, — *нормативные требования права* (установленные государством образцы, эталоны поведения). Если эти два нормативных потока не противостоят друг другу, а объединяются — в обществе господствует правопорядок⁶. При таком понимании нормативность не производна от совокупности правовых норм и проявляется не только в позитивном праве, но и в правосознании, правопорядке, правореализации, юридической практике и т. д.

Подобное понимание нормативности права позволяет связывать данное его качество не только с велениями, имеющими общий характер, но и с индивидуальными правовыми предписаниями. Признавая, что индивидуальным велениям присуща определенная доля нормативности, — ученые исходят из того, что нормативность как важнейшее сущностное качество права характеризует в той или иной мере все его проявления. Нормированность, правильность, упорядоченность заложена в природе самого права. Любое его предписание (в том числе, индивидуальное) — есть упорядочение, приведение человеческих отношений к норме. Вероятно, именно в этом смысле В. А. Сапун говорит об уровнях нормативности: общеобязательном (нормативность типичных источников права), субсидиарном (нормативность нетипичных источников), корпоративном (нормативность локальных правовых актов) и индивидуальном (нормативность частного договора)⁷. При всей спорности

⁴ См.: Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний... С. 6; Самощенко И. С. Понятие нормативного акта как предмета систематизации // Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М., 1962. С. 62–66.

⁵ См.: Липатов Э. Г. Нормативность правовых явлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 11.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Сапун В. А. Уровни нормативности источников российского права // Источники права: проблемы теории и практики. Материалы конференции. М., 2008. С. 102–106.

подобной трактовки необходимо признать, что она позволяет провести очень важную мысль: внутренние свойства права проявляют себя не только в праве позитивном, но и на всех уровнях правовой действительности⁸.

Итак, нормативность в различной мере присуща всем правовым велениям. В каком-то случае это к норме «задание», установление нормы (здесь речь идет о нормативно-правовом предписании), в каком-то — приведение к норме (именно такую роль играет индивидуальное предписание). Всегда, когда дело касается правовых регуляторов, мы говорим о нормировании социальной жизни, об обеспечении ее нормальности. Внешне, с формальной стороны, это свойство обеспечивается наличием властного компонента, а с содержательной — соответствием конкретного предписания (общего или индивидуально-го) целостной системе социальных и правовых нормативов.

Наиболее ярко на уровне начальных компонентов права нормативность проявляется в таких его элементах, как нормативно-правовые предписания, что дает основания рассматривать их как важнейший уровень существования права и центральный компонент его содержания. *Нормативно-правовое предписание* — это минимальная смысловая часть текста нормативно-правового акта, представляющая собой элементарное властное веление общего характера, обладающее формальной определенностью, цельностью и логической завершенностью. Рассматриваемое правовое явление характеризуется следующими признаками: властное веление; непосредственная выраженность в правовом тексте; общий характер; формальная определенность; логическая завершенность; цельность; элементарный характер.

Лингвистический анализ нормативных текстов позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев нормативное предписание существует в форме отдельного предложения (изрека — в форме части предложения). Некоторые исследователи утверждают, что в законодательном тексте наряду с правовыми велениями содержатся предложения не нормативного, а констатирующего характера, предписаниями не являющиеся⁹. К сожалению, примеров подобных предложений авторы данной позиции не приводят, поэтому дискуссия с ними заведомо носила бы абстрактный характер. Подчеркнем лишь,

---

⁸ Поэтому, кстати, в современной литературе то, что традиционно именуется «признаки» права, все чаще рассматривают как его *внутренние свойства, сущностные качества*. См.: Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 2001. С. 49; Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 51; подробнее об этом см.: Давыдова М. Л. Признаки права: попытка систематизации // Вестник СГАП. 2005. № 2 (43). С. 17–22.

⁹ Власенко Н. А. Текстологические основы юридической техники // Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 248.

что проводимое нами в течение более чем десяти лет¹⁰ исследование нормативного текста дает основание утверждать, что любое целое предложение, сформулированное законодателем, несет в себе законченную мысль, всегда содержащую некую юридически значимую информацию. В ряде случаев речь идет о выражении правил поведения (правовых норм), в других — о велениях вспомогательного характера (дефинициях, декларациях, оперативных, распространительных предписаниях и т. д.). Далеко не каждое предложение-предписание имеет самостоятельное регулятивное значение, но каждое на элементарном уровне выражает волю законодателя. Элементарный характер предписания позволяет говорить о нем как о начальной единице права и, следовательно, — как о минимальном носителе свойства правовой нормативности.

В значительной мере научные споры по вопросу о юридической природе и внешней форме нормативно-правового предписания связаны с дискуссией о его соотношении с одной из базовых конструкций отечественной теории права — категорией «норма права». Несмотря на разногласия по некоторым вопросам, в науке устоялись основные концепции, раскрывающие содержание и признаки последней. Все авторы под правовой нормой понимают начальное звено системы права. К числу научных догм можно отнести представление о трехэлементном составе нормы (гипотеза, диспозиция, санкция), представляющем собой модель действия права в масштабах одного веления. В противоположность этому понятие «*нормативно-правовое предписание*» до сих пор не нашло однозначной интерпретации. Нет, в частности, единства мнений по поводу того, следует ли включать его в качестве элемента в систему права либо в систему законодательства, по-разному решается исследователями вопрос о внутренней структуре предписания, да и сама научная значимость данной категории имеет как авторитетных сторонников (С. С. Алексеев, В. Н. Карташов, А. В. Мицкевич, С. В. Поленина, В. М. Сырых и др.), так и противников (Н. А. Власенко). Соотношение этих понятий целесообразно, по нашему мнению, рассматривать в трех аспектах:

1) Соотношение предписания и нормы *по объему* предполагает выяснение вопроса, совпадает ли круг существующих нормативных предписаний с множеством правовых норм. Значительная часть специалистов отвечает на этот вопрос положительно. При таком подходе в качестве источника правовых

¹⁰ Давыдова М. А. 1) Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Волгоград, 2001. С. 38; 2) О юридической природе нормативно-правовых предписаний: основные научные концепции // Журнал российского права, 2003. № 10. С. 75–84; 3) Нормативно-правовое предписание: природа. типология, технико-юридическое оформление. СПб., 2009. С. 39–45. — Ссылка на собственные работы приводится здесь не в порядке саморекламы, а в качестве указания на то, что рассматриваемая позиция была неоднократно и подробно аргументирована нами ранее.

норм рассматриваются все положения нормативного акта, в том числе — не только собственно правила поведения, но и декларации, дефиниции, различные предписания вспомогательного характера, правилами поведения в строгом смысле не являющиеся. Специфика подробных правовых положений подчеркивается путем деления всех правовых норм на исходные (нормы–начала, определительно-установочные, нормы–принципы, нормы–дефиниции) и нормы–правила поведения. В определенной мере такая концепция является самодостаточной и не особо нуждается в дополнении ее категорией нормативного предписания.

Противоположный подход основан на том, что «под юридической нормой в собственном смысле слова следует разуметь не всякую мысль, не всякую фразу законодателя, а только такое его веление, которое заключает в себе правило поведения, обращенное к гражданам или органам власти» (Е. В. Васильковский). А раз не все положения нормативного акта содержат в себе правила, — значит, понятие «предписание» шире по объему, чем «правовая норма». Норма выступает, таким образом, как один из видов нормативных предписаний. Соотношение в данном аспекте выглядит следующим образом: *предписание — род, норма — вид*.

2) Соотношение рассматриваемых категорий *по сфере существования* связано с другой проблемой: те предписания, которые несут в себе правило поведения, — *представляют собой* норму права или только *выражают, оформляют* ее? Другими словами, являются ли норма и предписание однопорядковыми категориями, содержится ли сама норма непосредственно в тексте закона или существует как теоретическая модель нормативного предписания? Оптимальным решением данной проблемы представляется предложенная С. С. Алексеевым концепция «логической правовой нормы», выступающая теоретической схемой, на основе которой формулируются правовые предписания¹¹. С. В. Поленина рассматривает правовую норму в качестве минимального элемента системы права, а нормативное предписание — как частицу системы законодательства, ее отраслевого среза¹². Названные точки зрения базируются на одних и тех же исходных позициях, выделяя в норме права идеальные, содержательные аспекты, а в предписании — формальные, текстуальные. В итоге предписание и норма образуют друг с другом «диалектическую пару»¹³ как *форма и содержание*.

¹¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 81.

¹² Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 22–27; Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987. С. 25.

¹³ Евграфов П. Б. Проблемы теории системы советского права. Харьков, 1989. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР 21.06.89. С. 188.

3) Соотношение нормативного предписания и правовой нормы *по структуре* определяется тем, соразмерно ли содержание отдельного предписания содержанию нормы права, все ли структурные элементы нормы находят свое воплощение в предписании?

Отвечая на этот вопрос, ученые также делятся на две группы. Представители первой вновь отождествляют норму и предписание, хотя отождествление это происходит под несколько иным углом зрения. Утверждается, что предписание, выражающее правовую норму, совпадает с этой нормой по структуре, т. е. включает гипотезу, диспозицию и санкцию. Подобное предписание объявляется типичным¹⁴ или стандартным¹⁵.

Если с рассмотренным выше отождествлением данных категорий по объему в принципе можно было бы согласиться, то идея о совпадении их внутренней структуры и содержания представляется нам в корне неверной. Отождествив структуру предписания с трехчленной структурой правовой нормы, — авторы сводят на нет все достоинства представления о нормативном предписании как единстве формы и содержания, живой, реально существующей частице правовой материи, *непосредственно выраженной в законодательстве*. Ведь доказать, что логическая структура нормы права находит свое отражение в каждой статье нормативного акта, — не представляется возможным, а признав наличие этой структуры у предписания: мы тем самым отрываем содержание от формы, от особенностей текстуального выражения права. Думается, «типичного» нормативного предписания в том виде, в котором его рассматривают В. М. Горшенев и другие сторонники данной концепции, — вообще не существует. Изучая предписание как элементарное, цельное правовое веление, выраженное в нормативном тексте, практически невозможно «растянуть» его до размеров сложной теоретической конструкции нормы права. Поэтому любое предписание, взятое в отдельности, вырванное из контекста, — окажется «композиционно незавершенным».

Наиболее авторитетной и, по нашему мнению, — убедительной является концепция двучленной структуры предписания¹⁶, предполагающая деление последних на два типа: регулятивные (гипотеза–диспозиция) и охранитель-

¹⁴ Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.

¹⁵ Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 138–140.

¹⁶ См.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 92; Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 19; Заец А. П. Система советского законодательства (Проблема согласованности). Киев, 1987. С. 75–78; Парфентьев А. Л. Нормативно-правовое предписание и его виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 7–9.

ные (гипотеза—санкция) из чего следует, что, с точки зрения структуры, *норма и предписание соотносятся как целое и часть.*

Названные три аспекта соотношения правовой нормы и нормативного предписания, на первый взгляд, — сложно совместимы друг с другом. В самом деле, норма и предписание соотносятся как: (1) вид и род; (2) содержание и форма; (3) часть и целое. В тоже время, по нашему мнению, — все три положения обоснованы. *Основным видом нормативных предписаний (мельчайших единиц правового текста) являются такие, которые выступают формой языкового выражения элементов правовой нормы.*

Практическое значение категории нормативно-правового предписания в таком ее понимании очень велико. Данным термином можно оперировать:

1) исследуя систему права (имея в виду минимальное веление законодателя, из которого складывается правовая материя и, в первую очередь, ее начальный, основополагающий элемент — норма права);

2) рассматривая предписание как структурную часть, единицу нормативно-правового акта, образующую, в сочетании всех своих видов, последний как систему;

3) изучая проблему единства, целостности, согласованности законодательства как системы (здесь предписание выступает не как часть конкретного правового акта, а как основа, минимальный компонент всей системы законодательства);

4) используя его в качестве категории правотворческой техники (учитывая, что именно формулированием конкретных нормативно-правовых предписаний занимается законодатель в ходе нормотворческого процесса);

5) анализируя его роль в сфере интерпретационной, правореализационной, правосистематизирующей техники (так как во всех этих случаях нормативное предписание выступает «материалом» для толкования, реализации, систематизации и других видов юридической деятельности);

б) и, следовательно, — представляя нормативно-правовое предписание одним из важнейших *средств юридической техники*, т. е. системы инструментов профессиональной юридической деятельности, обеспечивающей формальное и содержательное совершенство права.

Система этих средств, обеспечивающих процесс создания и функционирования права, — включает, по нашему мнению, три группы:

- *общесоциальные* (по природе своей не имеют юридической специфики, однако незаменимы в качестве идеальной и материальной основы деятельности юриста);

- *доктринальные* (разрабатываются правовой теорией, существуют в идеальном виде как часть профессионального правосознания, выступают теоретической основой профессиональной юридической деятельности);

• *нормативные* (получают законодательное закрепление и функционируют в правотворческой, правореализационной и иных сферах юридической деятельности в качестве самостоятельных средств правового регулирования).

Их взаимосвязь в определенной мере отражает логику формирования и действия права, охватывая те компоненты, без которых его существование невозможно. Часть средств, необходимых для формирования права, — дает сама жизнь, социальная сфера, так как право существует не параллельно с ней, а является ее неотъемлемым элементом. К этой группе, в первую очередь, — относится язык права, точнее, — вся совокупность многообразных и разнородных языковых средств. Значительная доля средств юридической техники, обеспечивающих существование права (наиболее абстрактная их часть), — выступает результатом работы юридической мысли, осмысления окружающей правовой реальности. В этой группе основную роль играют юридические конструкции — идеальные модели, отражающие сложное структурное строение правовых явлений.

Ключевым компонентом в системе правового инструментария становятся нормативные веления, создание и реализация которых всегда является результатом взаимодействия абстрактных правовых идей и конструкций с элементами реальной жизни, с объективной социальной материей. Благодаря этому слиянию, происходит «юридизация» общесоциальных средств (так, обыкновенное слово превращается в юридический термин, совокупность речевых конструкций получает значение конструкции юридической). Результат этот, приобретая властный характер, становится *правовым средством*. Его же, однако, можно рассматривать и как центральное, ключевое средство юридической техники, так как никакая юридическая деятельность невозможна без квалифицированного владения этими профессиональными инструментами, без умения их создавать и использовать для достижения профессиональных целей, получать с их помощью позитивные результаты юридической деятельности.

Таким образом, *нормативно-правовое предписание, являясь мельчайшей частицей позитивного права, выступает как элементарная форма проявления его свойства нормативности и в значительной мере определяет поэтому все остальные аспекты его существования.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001.
2. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит-ра, 1975.
3. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005.

4. *Блохин Ю. В.* Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве (на примере нетипичных предписаний): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.
5. *Горшенев В. М.* Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3.
6. *Давыдова М. Л.* О юридической природе нормативно-правовых предписаний: основные научные концепции // Журнал российского права. 2003. № 10.
7. *Давыдова М. Л.* Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.
8. *Давыдова М. Л.* Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
9. *Давыдова М. Л.* Признаки права: попытка систематизации // Вестник СГАП. 2005. № 2.
10. Доктринальные основы юридической техники / отв.ред. Н. А. Власенко. М.: Юриспруденция, 2010.
11. *Евграфов П. Б.* Проблемы теории системы советского права. Харьков, 1989.
12. *Заец А. П.* Система советского законодательства (проблема согласованности). Киев: Наукова думка, 1987.
13. *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, ЯрГУ, 2005.
14. *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.
15. *Мицкевич А. В.* Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М.: Юрид. лит-ра, 1967.
16. *Поленина С. В.* Теоретические проблемы системы советского законодательства / отв. ред. Р. О. Халфина. М.: Наука, 1979.
17. *Поленина С. В.* Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М.: Наука, 1987.
18. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962.
19. *Сапун В. А.* Уровни нормативности источников российского права // Источники права: проблемы теории и практики: материалы конф. М.: РАП, 2008.

М. В. Антонов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ПРОБЛЕМАТИКА СИСТЕМНОСТИ ПРАВА В «НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМАХ»

Если говорить о значимости для российской правовой науки идей, изложенных в «Нормативных системах» Альчуррона-Булыгина¹, то тут, в первую очередь, нужно упомянуть постановку вопроса о системности права. Что, собственно, и вытекает из названия работы, которая преимущественно касается правовой проблематики, хотя ею и не ограничивается. Авторы исходят из того, что в том или ином обществе может быть сразу несколько конкурирующих между собой логически независимых множеств правовых норм (или нормативных систем, которые в этом контексте представляются синонимичными выражениями). И то, что мы привычно называем «системой права» (на национальном уровне), — на самом деле состоит из многочисленных систем правовых норм, которые формально подчиняются некоему общему критерию (общая структура судов, один законодательный орган, принимающий эти нормы, одна правоприменительная структура в отдельно взятом политическом сообществе), но содержательно могут довольно значительно расходиться между собой в вопросах правового регулирования отдельных вопросов.

Когда мы располагаем такие подсистемы в рамках гипотетически сконструированной единой иерархии правовых актов (наподобие той, что конструировал Кельзен, подводя к общему знаменателю своей *Grundnorm* все правовые нормы), мы упускаем из виду не только их возможную логическую несогласованность, но и то, что в каждом из множеств могут действовать свои автономные правила (наделения компетенцией, принятия решений, разрешения споров и т. п.). Булыгин и Альчуррон предлагают использовать другой исследовательский прием, где мы абстрагируемся от конкретных норм и конструируем их логические множества согласно тем или иным критериям, вы-

---

¹ См.: Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.

водя из этих множеств логические следствия. В частности, множество норм, объединенных в силу признака издания или санкционирования тем или иным государством, — способно образовывать «систему законодательства» этого государства. Но это будет именно системой доктринальной, субъективно сконструированной, которая может не иметь ничего общего с реально действующей в обществе «системой» социального контроля и с самой социальной структурой.

Авторы «Нормативных систем» отказываются от традиционного понимания права как системы норм, имеющих одно логическое основание. Право есть лишь одна из нормативных систем общества. Само же понятие «нормативная система» определяется в работе как «система высказываний, имеющая нормативные следствия». Нормативным множеством (или нормативной системой) может быть любой набор высказываний, из которого можно вывести нормативные следствия для группы случаев. При этом не имеет значения ни количество высказываний, ни даже выбор критерия: этот последний аспект, по мнению Булыгина и Альчуррона, зависит исключительно от интересов лица, конструирующего систему (законодателя, правоведа, правоприменителя и т. п.). С этой точки зрения, может существовать неограниченное количество систем, которые могут быть неполными, внутренне противоречивыми или же вступать в логическое противоречие между собой. Любая норма, которая не подчиняется логике одной из существующих нормативных систем и которая ведет к независимым логическим следствиям, — образует новую нормативную систему. Правовое множество может быть образовано любыми нормами, логически связанными между собой по своим свойствам и/или следствиям.

Такая постановка вопроса позволяет юриспруденции освободиться от лжеобъективистских установок, включая распространенную в отечественном правоведении идею ошибочного деления отраслей права по произвольным критериям предмета и метода², которые до настоящего времени используются юристами при работе с нормативно-правовым материалом. В этом аспекте догма права получает достаточно четкие и понятные ориентиры для того, что в российской правовой традиции принято называть «систематизацией» права и/или законодательства. Хотя, разумеется, этим не исчерпывается весь потенциал, который для современной теории права представляет правовая концепция, сформулированная в «Нормативных системах».

Вместе с тем, такая картина системности права не совпадает с привычными представлениями советской юриспруденции о системе права (законо-

---

² См.: Антонов М. В. О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3.

дательства). Авторы «системного подхода» в советском правоведении³ хотели выразить достаточно простую и очевидную мысль: большая часть этой действительности (система права) формируется и развивается согласно своей внутренней логике, ее структура присутствует практически во всех обществах, независимо от капризов законодателя и даже уровня развития юридической техники⁴. Структура этой части правовой действительности независима от другой, меньшей части — от введенных или санкционированных законодателем норм, расположение и упорядоченность которых, наоборот, — напрямую зависит и от воли законодателя, и от уровня юридической техники работы с нормативным материалом в этом обществе⁵.

Нельзя сказать, что для выражения этой мысли в двух обозначенных курсах были выбраны самые удачные термины. Во-первых, понятие системы обычно означает некое функциональное единство элементов, которое в силу своего структурного единства производит такой кумулятивный эффект, который не дает ни один из элементов, ни даже их совокупность. В этом социологическом плане систему образовывала сама правовая действительность, а обе обозначенные «системы» (права и законодательства) оказывались ее структурными частями, которые сами по себе были лишь логическими множествами, сформированными из части элементов этой действительности⁶. Вместе с тем, в марксистско-ленинском правоведении понятия «система законодательства», «система права» (или «правовая система») призваны были отражать некое объективное деление, заданную в социальном бытии структуру правовых институтов. Хотя для любого юриста очевидно, что системность права и законодательства никогда не находится готовой в социуме, ее нужно формировать и

---

³ См., напр.: *Красавчиков О. А.* Система права и система законодательства // *Правоведение*. 1975. № 2; *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975. С. 61 и далее; *Явич Л. С.* Общая теория права. Л., 1976. С. 115 и далее.

⁴ Так, деление права на частное и публичное существовало и в советской правовой действительности, несмотря на безапелляционные заявления, наподобие ленинского «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» (*Ленин В. И.* Письмо Д. И. Курскому от 17 мая 1922 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398), несмотря на все попытки «показывать это систематически, упорно, настойчиво на ряде показательных процессов, как это надо делать» (Там же). Но «нормативная сила фактического» (*Р. Иеринг*) оказалась сильнее всех подобных законодательных реформ и замыслов.

⁵ В некоторых учебниках можно найти определение системы законодательства как «совокупности нормативных правовых актов различной юридической силы, которые, исходя из необходимости решения стоящих перед государством задач, обладают согласованностью действий и внутренним единством» (*Муханов Р. Т.* Теория государства и права. М., 2001. С. 328). Получается, что правовые акты самоорганизуются в силу осознания ими государственных задач!

⁶ См.: *Тиунова Л. Б.* Системные связи правовой действительности: Методология и теория. СПб, 1991. С. 13 и далее.

конструировать. В этом смысле любая система в праве есть результат целенаправленной, и в этом смысле — субъективной деятельности по формированию систематизации разрозненного нормативно-правового материала⁷. Поэтому выражение «система законодательства» представляло собой метафору: если бы нормативно-правовой материал однажды оказался организованным в систему, то есть в непротиворечивое, полное и не избыточное логическое единство элементов, — то тогда бы остановилась не только систематизация, но и сама законодательная деятельность, поскольку потребность в них отпала бы ввиду наличия такой системы. В этом ракурсе логика системности в праве шла вразрез с объективистскими установками диалектического материализма, но по известным политическим причинам такой конфликт не мог повлечь дискуссии о смене парадигм в понимании права (что и продемонстрировала вышеназванная дискуссия среди юристов начала 80-х годов). На чем же основываются такие установки, и насколько они адекватны уровню роста современного научного знания?

Классическая, всем нам знакомая по советским философско-правовым схемам парадигма системности основана на предположении о том, что существуют объективные основания подлинного знания, которые отражают бытие и протекающие в нем процессы. Наука поэтому объективна, знание (эмпирическое и теоретическое) постепенно и последовательно накапливается человечеством (или отдельными обществами, культурами), данные такого знания (истина) допускают научное обоснование и тем самым отличаются от субъективных ценностей. Право в этом ракурсе рассматривается как данность, необъяснимым образом отражающая базисные производственные отношения, а коль скоро эти последние системно воспроизводят действительность, то и надстроечные эпифеномены, отражая базис, заимствуют из него ключевые качества, включая системность. После конца советской эпохи в отечественном правоведении мало что поменялось (разумеется, этого нельзя сказать об отечественной философии), разве что на место «производственных отношений» в данной экспликативной схеме ставятся другие переменные (ценности свободы в либертарной концепции, коммуникация и т. п.)⁸.

Это — в лучшем случае, поскольку в худшем случае (а таковых большинство) исследователи описывают «систему права», вовсе не задаваясь философским вопросом о том, откуда такая система произошла и есть ли она вообще, равно как и о том, насколько выстраиваемые научные схемы соот-

---

⁷ Эти проблемы системности в праве сформулированы почти три десятилетия назад в ходе дискуссий между сторонниками «широкого» и «узкого» понимания права. См.: Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 6, 7, 8.

⁸ См. об этом: Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. М., 2007.

ветствуют описываемой правовой действительности. К примеру, по определению Д. А. Керимова, под системой права можно понимать «объективное объединение по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования»⁹. Эта дефиниция мэтра советской юриспруденции характерна для современного российского правоведения, которое воспроизводит философские схемы советской правовой науки, решая проблему базового обоснования системности путем отказа от научной разработки данной проблематики (под научной разработкой понимается исследование вопроса на уровне современного развития научного знания в мире). Системность права представляется юристам самоочевидной и большинство студентов юридического факультета уже после первого курса знает (вернее, заучивает), что право есть «система норм...». Норм чего — это уже зависит от того, что в отечественном правоведении принято обозначать как тип правопонимания.

Заданность системности права воспринимается в качестве самоочевидной поклонниками различных типов правопонимания. Рост научного знания, тем не менее, — заставляет по-иному взглянуть на попытки объективистского обоснования знания о праве. Никаких объективных оснований знания не существует, есть лишь относительные, релятивные основания, конструируемые исследователем, исходя из имеющегося уровня знаний, из доминирующей парадигмы, если воспользоваться терминологией Т. Куна. В процессе обоснования могут использоваться различные приемы, эвристическая ценность которых зависит от контекста исследований. Кроме того, само обоснование различается в различных сферах науки, экспликативные схемы не могут механически переноситься из одной научной области в другую. Если вспомнить метафору К. Поппера, — наука не покоится на твердом фундаменте, структура ее теорий поднимается как бы над болотом и она подобна зданию на сваях. Эти сваи забиваются в болото, но никогда не достигают естественного заданного основания. И если сваи перестают забивать, то это не значит, что мы достигли дна, а лишь то, что сваи достаточно прочны для того, чтобы удержать дом¹⁰. В этом ракурсе вопрос системности права должен, как представляется, решаться путем конструирования самостоятельных экспликативных схем применительно к праву, а не решаться путем отсылки к так называемой «общенаучной» методологии знания. Если опять-таки обратиться к идеям Поппера,

---

⁹ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 278. Аналогичное определение дается автором и почти через три десятилетия: Керимов Д. А. Методология права. М., 2001. С. 265.

¹⁰ Ср.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 148 и далее.

то в рамках его описания трехмерной реальности (объективная реальность, состояние сознания и его активности, мир объективного содержания мышления), то нормативные системы относятся именно к этому третьему миру, который не является ни эпифеноменом сознания, ни эмпирическим фактом. Этот «универсум объективного знания» обладает автономией по отношению к двум другим мирам, он строится и существует согласно своим внутренним алгоритмам, описание которых и составляет задачу теоретика права. Совокупность таких универсумов в области нормативного регулирования может быть обозначена как нормативная система.

Предпосылкой для такого видения системности в праве является особая эпистемологическая установка, которая, с одной стороны, — направлена на критику метафизических (юснатурализм и др.) подходов к праву и, с другой стороны, — отходит от чисто эмпирической концепции знания, характерной для классического позитивизма. Надежность знания и его оснований определяется не самими основаниями, а тем, что над ними может быть построена теоретическая система и (это уже метафора Витгенштейна) фундамент здания науки оказывается висящим в воздухе до тех пор, пока на нем не будет построено устойчивое здание теории. Нормативные системы держатся и поддерживают друг друга не по причине своей истинности или в силу корректности проведенных между системами (универсумами, областями, отраслями) делений, а за счет своей включенности в общую логическую структуру нормативного знания (можно также сказать и нормативного действия, нормативного дискурса). Здесь отчетливо проступает связанность идей «Нормативных систем» с общефилософскими установками неопозитивизма.

Научное познание права в ракурсе данного подхода характеризуется не столько через особые положения, сколько через определенную исследовательскую направленность на освобождение правоведения от метафизической терминологии. Отсюда получает свое объяснение предпринятый в «Нормативных системах» поиск нейтральной системы формул и терминов, освобожденных от засорений исторически сложившихся языков и научных школ. отсюда также — и поиск общей понятийной системы, основанной на логическом языке. Прояснение традиционных философских проблем права (пробелы в праве, системность права, непротиворечивость и полнота правового регулирования) приводит к тому, что они частью разоблачаются как кажущиеся проблемы, частью преобразуются в эмпирические проблемы и тем самым переходят в ведение деонтической логики, способной описать их на нейтральном объектном языке без привнесения новых терминологических затруднений¹¹.

---

¹¹ Ср.: Антонов М. В. Право в аспекте нормативных систем // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 297–308.

Глядя на испещренную логическими формулами и терминами работу, — юристу трудно, как кажется, поверить в то, что вводимая терминология призвана облегчить познавательную деятельность юристов. Но эта затея авторов «Нормативных систем» получает свое оправдание в том отношении, что создается выверенный научный язык описания проблем и их исследования. В этом прояснении проблем и высказываний и состоит задача характеризуемой работы, а вовсе не в создании собственных «философских» высказываний о сущности права, о его «природе» и т. п. Булыгин и Альчуррон далеки от такого эссенциализма: для них методом прояснения проблем науки о праве является логический анализ области права. Этот метод анализа норм действующего права и есть то, что существенно отличает новый юридический позитивизм от старого, ориентированного больше в биологически-психологическом или социологическом ключе. Можно вполне признавать значение для юриста приемов риторики, аргументации, дискурсов о справедливости, без которых редко когда протекает судебный или иной правовой процесс. Но эти способы языковой практики не являются научными, они не могут использоваться для корректного формирования понятийных границ права¹².

Для логического анализа сферы нормативного регулирования могут использоваться два вида высказываний. К одному виду принадлежат высказывания, смысл которых можно установить посредством логического анализа, точнее — посредством их сведения к простым высказываниям о том, что дано эмпирически. В праве это — высказывания о действующих правовых нормах. Если некий набор высказываний о праве сводим к базовым высказываниям, то подобный набор может быть охарактеризован как система, и в рамках этой системы можно давать непротиворечивое научное описание существующего права (как множества норм, нормативных предложений и высказываний).

Высказывания второго вида (о природе права, о связи права и справедливости, об идеалах правосудия) оказываются полностью бессмысленными, если принимать их в качестве истинностно-значимых: здесь появляется опасность симуляции теоретического содержания там, где его вообще нет. Логическое исследование показывает, что любое мышление, любое умозаключение состоит ни в чем ином, как в переходе от предложений к другим предложениям, которые не содержат ничего, что не заключалось бы уже в предыдущих предложениях. Поэтому путь истинной науки о праве — это путь от базовых высказываний системы к более обобщенным высказываниям о «парадигматических» случаях (казусах), множества (универсумы) которых формируют

---

¹² Ср.: Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Правоведение. 2010. № 1. С. 226–237.

нормативные системы. В научном описании права речь может идти только о структуре (форме упорядочивания) правовых норм, высказываний, предложений, а не об их «сущности», в том числе и о сущности, природе, истинной дефиниции права.

Для иллюстрации этих положений «Нормативных систем» можно обратиться к идеям «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, который был одной из опор для концепции Булыгина-Альчуррона. Язык логики состоит из простых, или атомарных, предложений, которые с помощью логических связок могут соединяться в сложные, молекулярные предложения. Витгенштейн полагал, что и реальность состоит из атомарных фактов, которые могут объединяться в молекулярные факты. Атомарные факты никак не связаны между собой, поэтому в мире нет никаких закономерных связей. Поскольку действительность представляет собой лишь различные комбинации элементов одного уровня — фактов, постольку и наука должна быть не более чем комбинацией предложений, отображающих факты и их различные сочетания. Если экстраполировать эту логику Витгенштейна на деонтические (нормативные) системы — права, морали, этики и т. п. — то получается, что атомарными фактами являются отдельно взятые нормы и нормативные предложения (высказывания), а фактами молекулярными оказываются уже те множества или универсумы (действия, решения и другие), в которых осуществляется та или иная комбинация фактов первого уровня.

Все, что претендует на выход за пределы этого «одномерного» мира фактов, все, что апеллирует к связям фактов или к глубинным сущностям, должно быть изгнано из позитивной правовой науки. Разумеется, поправка должна быть сделана на терминологию, поскольку говоря о «фактах», — юрист будет склонен к тому или иному варианту классического правового позитивизма (социологического, психологического и др.). Отказ от «псевдопредложений» есть, впрочем, лишь первый шаг в построении нового языка правовой науки: это — подготовительная работа для построения системы из позитивного материала действующего права. Развернутую программу создания нового объектного языка правовой науки и содержит научный труд Булыгина и Альчуррона «Нормативные системы», который не случайно стал классической работой не только для юристов, но и для логиков и философов, ориентирующихся на современные разработки в философии науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., 1975.
2. *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В.* Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.

3. Антонов М. В. О системе и отраслях законодательства // Право и экономика. 2011. № 3.
4. Антонов М. В. Право в аспекте нормативных систем // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.
5. Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Правоведение. 2010. № 1.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
7. Керимов Д. А. Методология права. М., 2001.
8. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
9. Красавчиков О. А. Система права и система законодательства // Правоведение, 1975. № 2.
10. Лебедев П. Н., Спиридонов Л. И. О возможности системного анализа государственно-правовых явлений // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1988. Вып. 4. № 23.
11. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
12. Муханов Р. Т. Теория государства и права. М., 2001.
13. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
14. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов, 1994.
15. Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. 1982. № 6, 7, 8.
16. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. М., 2007.
17. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М., 2001.
18. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
19. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности: Методология и теория. СПб., 1991.
20. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.

Экономические, трудовые, организационные конфликты

**И. А. Григорьева, Д. А. Коцюбинский,
Т. Ю. Шманкевич (Санкт-Петербург)**

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Мониторинг социально-трудовых конфликтов (СТК) как исследовательская практика получил в России за последние десятилетия широкое распространение. В то же время, несмотря на данный факт, а также на то, что актуальность изучения СТК самоочевидна, — в нашей стране пока что не наработан достаточный опыт организации полноценного, т. е. комплексного и научно обоснованного мониторинга СТК, охватывающего всю территорию страны. Мониторинги, осуществляемые отечественными исследователями, как правило, ограничиваются изучением проблемы на локальной территории в диапазоне от одного населенного пункта до нескольких регионов (субъектов РФ).

Вместе с тем потребность в организации полноценного мониторинга СТК, происходящих на территории РФ, вполне назрела. Это связано, прежде всего, с тем, что качественный прорыв в деле урегулирования СТК рассматривается сегодня как одна из приоритетных и неотложных задач не только широкими кругами общественности, но и органами государственной власти. Об этом свидетельствует, в частности, вступление в силу Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г.

Таким образом, динамика СТК на территории РФ является на сегодня одной из ключевых конфликтологических проблем. А наиболее адекватным данной проблеме способом ее решения является организация полноценного мониторинга, т. е. систематического сбора информации о параметрах сложного объекта (в данном случае — СТК) и последующего анализа тенденций изменения параметров ключевых индикаторов.

Мониторинг СТК должен выявлять вариации реальных практик трудовых отношений, позволять диагностировать ситуации наличия институцио-

нальных дефицитов или попытки их компенсации сторонами конфликта. В каждом типе конфликта требуется определенный набор и использование политико-правовых конструкций, технологий разрешения, эффективно развивающих область трудовых взаимодействий в направлении согласования интересов участников.

История изучения СТК в России

В России исследования социально-трудовых конфликтов (тогда по социал-демократической традиции они назывались забастовками) появились на волне шахтерского протеста конца 1980-х — начала 1990-х гг. Они рассматривались, как правило, в рамках анализа разнообразных форм протестной активности, которых не было или которые были редки в советское время. Это работы В. А. Борисова, В. Н. Шаленко, В. И. Ильина, Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, И. П. Киселевой¹. Е. И. Степанов и П. И. Куконков отмечают, что с начала 90-х годов XX в. отечественными исследователями велась работа по мониторингу и менеджменту конфликтных ситуаций, возникающих в различных сферах общества. Эта работа была нацелена на соединение теоретических и практических подходов к анализу и регулированию конфликтов и опиралась на представление о том, что характер и динамика современных социальных напряжений и конфликтов диктуют преобладающее внимание именно к прикладному аспекту: конфликтологическим практикам и технологиям². Таким образом, исследования социальных конфликтов в современной России сразу стали практико-ориентированными. В теоретическом плане они опирались на труды западных социологов, развивающих конфликтологическое направление.

Ситуация отмеченной теоретической вторичности выглядит вполне естественной, если учесть молодость самой российской конфликтологии, институционализация которой началась только в 80-е годы XX в. До этого времени

---

¹ См.: *Борисов В. А., Козина И. М.* Об изменении статуса рабочих на предприятии // СОЦИС. 1994. № 11; *Ильин В. И.* 1) Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989–1998). Сыктывкар, 1998; 2) Российские профсоюзы и аппарат управления: тенденции взаимоотношений // СОЦИС. 1995. № 10. С. 53–58; *Киселева И. П.* Чего же все-таки хотят шахтеры? // СОЦИС. 1992. № 3; Рабочее движение: документальные и аналитические материалы / отв. ред. Л. А. Клопов. М., 1992; Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / отв. ред. Л. А. Гордон. М., 1992; *Шаленко В. Н.* Актуальные проблемы современной трудовой конфликтологии // Конфликтология. Теория и практика. 2006. №3.

² См.: *Степанов Е. И., Куконков П. В.* Конфликтологический мониторинг и менеджмент как необходимые компоненты современных социологических исследований // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. М., 2003. Вып. 20.

в СССР официально утверждалось, что конфликты присущи только капиталистическим странам, а в государстве, где отсутствуют антагонистические противоречия, конфликтная ситуация в отношениях между рабочими — и администрацией предприятий, трудящимися — и властными структурами возникнуть не может³. Данная оценка, несмотря на ее очевидную идеологическую предвзятость, в целом соответствовала социальной практике тоталитарного государства, как известно, не допускающего свободу борьбы тех или иных социальных групп за свои интересы. По этой причине, несмотря на то, что структурные отставания многих отраслей экономики отмечались и были предметом научного обсуждения еще в 1970-е годы, — они не рассматривались как потенциально конфликтогенные. Возможно, это явилось одной из причин того, что в Советском Союзе в этот период не были приняты решения, касающиеся модернизации отстающих хозяйственных отраслей, прежде всего, — энергосырьевых. Так, например, когда в 1970-е годы на территории СССР были открыты богатейшие запасы нефти, государство — чисто теоретически — могло бы реструктуризировать угольную отрасль, уже тогда ставшую нерентабельной. На Западе, к слову, в те же годы поступили именно так (например, М. Тэтчер закрыла большинство шахт в Ньюкасле в конце 1970-х). В Советском Союзе же проблема замораживалась, в то время как необходимость преобразований только возрастала. В результате в условиях горбачевской либерализации именно забастовки и другие протестные действия шахтеров оказались первыми массовыми выступлениями рабочих, которые подтолкнули развитие рабочего движения в целом.

Организованные выступления работников, если они сопровождаются ясно сформулированными требованиями, могут стать началом процесса значительных социально-экономических и даже политических перемен. Так, в Польше начала 1980-х годов именно выступления, организованные профсоюзом «Солидарность» на Гданьских верфях, — стали одним из факторов, не только способствовавших в дальнейшем демонтажу социалистического режима в самой Польше, но отчасти повлиявших и на развитие событий в Восточной Европе в целом. Забастовка шахтеров в 1989 г. в Советском Союзе также явилось одной из сил, подтолкнувших процесс дальнейшей демократизации, а затем и распада СССР.

---

³ См.: *Кацва А. М.* Развитие забастовочного движения и иных форм коллективного протеста в современной России: истоки, динамика и особенности // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия. Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов. Москва–Санкт-Петербург, 30 сент.–2 окт. 2004 г. СПб., 2004. С. 252–255.

Однако есть и важное отличие от западной практики. Если на Западе, и даже в Польше профсоюзы были объединениями работников, то в России ситуация была и продолжает оставаться во многом иной. Монолитность профсоюзов, универсальность форм их организации и содержания деятельности постепенно исчезают. В. И. Ильин указывал, что «по-прежнему большинство профорганизаций являются частью системы менеджмента, выполняющей жизненно важные для работников социальные функции. Это придает им легитимность и объясняет, почему абсолютное большинство работников российских предприятий, сознавая, что профсоюзы, как и прежде, являются приложением администрации, что их независимость часто более чем сомнительна, тем не менее, остаются их членами и исправно платят взносы»⁴.

Пик активности ученых в изучении СТК пришелся на первую половину 1990-х годов, когда изучению рабочего, профсоюзного и забастовочного движения уделялось достаточно много внимания. Это было связано и с изменениями в структуре самих профсоюзов, с появлением новых профорганизаций, и с начавшимися социально-экономическими преобразованиями, распадом СССР, приватизацией, массовыми увольнениями работников, и т. д. Позднее, «во второй половине 90-х годов, когда забастовочное движение уже устоялось как самостоятельный объект научных исследований, появились первые попытки обобщить опыт борьбы работников за свои права. Наряду с упоминавшимися авторами, в этот период к данной теме обращались также В. К. Борисов, И. М. Козина, П. В. Бизюков и др. Эти авторы попытались описать опыт забастовок второй половины 1990-х и взглянуть на проблемы рабочего движения в России с учетом опыта других стран, прежде всего, — Западной Европы»⁵.

В 2002 г. был принят новый Трудовой кодекс РФ, радикально ограничивший возможности проведения забастовок и роль профсоюзов в них. Существенные проблемы для реализации права на забастовку создает и установленный законом регламент: выдвигать требования работодателю может либо собрание, на котором присутствует не менее половины работников предприятия, либо конференция с участием не менее 2/3 избранных работниками

---

⁴ Ильин В. И. Российские профсоюзы и аппарат управления: тенденции взаимоотношений // СОЦИС. 1995. № 10. С. 53–58.

⁵ См.: Бизюков П. В. Какую роль играют трудовые протесты в регулировании трудовых отношений? Сайт ЦСТП. — Электронный ресурс: <http://trudprava.ru/ibp.php?id=1> (дата обращения 19.04.2011); Бизюков П. В., Бизюкова В. А., Донова И. В., Бурнышев К. В. Место профсоюзов в системе регулирования трудовых отношений. М., 2004. С. 58–71; Борисов В. А. Забастовки в угольной промышленности (Анализ шахтерского движения за 1989–1999 гг.). М., 2001; Лушников А. М., Лушникова М. В. Право на забастовку: Историко-правовое эссе // Правоведение. 2005. № 5. С. 51–73.

делегатов. Решение о забастовке считается принятым, если за него проголосовали не менее половины присутствующих на собрании или конференции. В нынешних условиях это почти невозможно, учитывая то, как устроен современный бизнес. Кроме того, организация забастовки осложнена обязательными примирительными процедурами, которые включают рассмотрение конфликта примирительной комиссией, посредником и (или) в трудовом арбитраже (статьи 401–404 ТК РФ). В целом, по подсчетам экспертов, длительность всех обязательных предварительных процедур составляет не менее 42 дней. Это настолько затрудняет организацию и проведение забастовки, что делает законную забастовку почти невозможной, несмотря на то, что право на забастовку по-прежнему гарантируется Конституцией РФ (ст. 37 п. 4) и закрепляется в ТК (ст. 409).

Поэтому уже не раз отмечалось, что наемные работники вынуждены протестовать за рамками предприятия (на митингах, демонстрациях и тому подобном), а традиционные формы разрешения трудовых конфликтов внутри предприятия (в частности, — забастовка) исключаются самим трудовым законодательством и жесткой позицией руководства предприятия. Это и объясняет тот странный факт, что Росстат в 2008 г. зафиксировал всего 4 забастовки, а в 2009 — одну, а в 2010 — ни одной! Столь низкие цифры объясняются именно тем, что Росстат учитывает только законные забастовки, т. е. проходящие в рамках коллективных трудовых споров, соответствующих требованиям законодательства. Нельзя не согласиться с П. Бизюковым, что «такой способ учета тоже показывает, что не только журналисты, но и государственные органы предпочитают не видеть проблему и, соответственно, не реагировать на возникающие ситуации»⁶. Вместо поиска компромиссных решений и возможностей согласования интересов работодателя начинают навязывать свою позицию работникам, используя возможности и ресурсы, которые у них, безусловно, есть⁷.

---

⁶ *Бизюков П. В.* Какую роль играют трудовые протесты в регулировании трудовых отношений? Сайт ЦСТП. — Электронный ресурс: <http://trudprava.ru/ibp.php?id=1> (дата обращения 19.04.2011)..

⁷ «Работники также прибегают к таким формам протеста, которые не только выглядят экзотически, но и не нужны в условиях наличия «нормальных» процедур конфликто разрешения: ...работники морга в знак протеста против низкой зарплаты (менее 4 тыс. рублей) отказываются выдавать тела усопших и оформлять свидетельства о смерти — это что? То, что это протест, понятно: есть требования, направленные на изменение трудовых отношений, есть те, кто их предъявляет, есть переговоры — вроде бы забастовка. А вот когда бригадир залезает на стрелу подъемного крана, останавливается вся стройка и он заявляет, что не слезет с крана до тех пор, пока всей бригаде не выплатят задержанную за несколько месяцев зарплату... Или вот еще: несколько тысяч дальнобойщиков по всей стране остановили свои автопоезда вдоль дорог в знак протеста против повышения цен на топливо и сигналили, обращая на это внимание

Но основная функция развития любого трудового конфликта заключается в том, чтобы не допустить ухудшения положения актора в социальном пространстве. Поэтому «нормальный сценарий» СТК сегодня нарушен неравными позициями сторон в переговорах, что приводит к тому, что распространенные итоги протестов — это не удовлетворение требований работников, а начало переговоров с работодателем (успешный исход) или преследование организаторов и участников протеста (неудачный исход).

Изменения социально-экономической ситуации, произошедшие в стране к настоящему времени (возникновение разнообразных форм собственности, обновление трудовых отношений, упадок профсоюзов и т. п.), делают успешную работу по разрешению СТК невозможной без специализированных знаний в области новейшего трудового права, современной экономики и прикладной конфликтологии. Как нам кажется, в современных условиях разнонаправленность интересов наемных работников и менеджмента предприятий как производителей, и государства, как собирателя налогов, — всегда конкретна и требует анализа каждого данного случая. К тому же разобраться в направлении этих интересов мешают «коррупционные отношения» между государством и бизнесом. Рабочие по-прежнему выражают недовольство политикой государства, солидаризуясь с менеджментом. Менеджмент же крупных предприятий находится в «неясных отношениях» с региональной властью, губернаторами и т. д. Однако выстроенная в 2000-е годы «вертикаль» власти носит закрытый характер, какие-либо выступления в защиту трудовых и не только трудовых прав замалчиваются, не разрешаются или подавляются. Довольно разнообразная информация о реальном положении дел в сфере СТК просачивается через интернет, но ее следует проверять, выяснять степень достоверности и т. д. А возникшие кафедры конфликтологии и работающие там ученые в основном, заняты разработкой общих принципов конфликтологии или изучают способы разрешения конфликтов посредством медиации. Отсюда и акценты в тематике упомянутого Федерального закона, и заметное снижение числа научных публикаций, посвященных СТК.

В последние годы трудовые конфликты интересуют российских ученых куда меньше любых других: политических, этнических, внутрикорпоративных и т. п. Из 45 выступлений на секции конфликтологии Третьего Всероссийского социологического конгресса в 2008 г. (ВСКЗ) всего два были посвящены трудовым конфликтам: В. Н. Шаленко «Коллективные трудовые забастовки как

проезжающих. Цит. по: *Бизюков П.* Забастовки выходят на улицы. — URL: http://www.gazeta.ru/comments/2011/04/28_a_3597485.shtml

предмет социологического анализа» и Ю. Ш. Юлбарисовой «Забастовка как форма трудового конфликта»⁸.

Начавшийся глобальный экономический кризис снова поставил ряд вопросов об изменении характера труда, гибких режимах занятости и аутсорсинге работников, производительности труда, которая росла медленнее заработной платы, и т. д.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ СТК

Переходя к рассмотрению особенностей ситуации, складывающейся ныне в сфере СТК, следует иметь в виду ту качественную эволюцию, которую претерпели социально-трудовые отношения на протяжении последних десятилетий не только в России, но и во всем мире: «Каким бы важным и символическим ни было забастовочное движение, — поясняет И. М. Козина, — работы, написанные в XX в., во многих отношениях являются выражением ушедшего времени. Развитие гибкого производства, рост временного труда и общее уменьшение трудовых гарантий — важная черта последних лет. Под влиянием общих процессов в экономике видоизменяются социально-трудовые отношения»⁹. Отмеченное изменение, однако, ни в коей мере не означает, что роль конфликта как такового в социально-трудовой сфере претерпела редукцию. Напротив, конфликт «остаётся одним из главных элементов сферы труда, меняется только его характер»¹⁰.

Отмеченный И. М. Козиной рост временного труда обычно описывается понятиями «заемный труд» или «аутсорсинг». Оно используется в разных толкованиях и в российских условиях является, как правило, синонимом неустойчивой занятости. Оно может включать:

- заключение срочных договоров, которые многократно продлеваются;
- передачу определенных функций в другую организацию и вывод работников за штат основного предприятия;
- использование «заемного» персонала, который формально работает для кадрового агентства или подобной структуры, а фактически его труд использует предприятие-пользователь.

Дополняет аутсорсинг еще более радикальное для постсоветского работника явление — аутстаффинг: вывод персонала от «основного» работодателя

---

⁸ См.: Шаленко В. Н. «Коллективные трудовые забастовки как предмет социологического анализа». Материалы ВСКЗ. Секция 22. Конфликтология. М., 2008.

⁹ См.: Козина И. М. Забастовки в современной России // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 13–24; Ляпин А., Бизюков П. В., Нойнхеффнер Г. Неустойчивая занятость и ее последствия для работников. М., 2007.

¹⁰ Козина И. М. Забастовки в современной России. С. 13–24.

в кадровое агентство. «Заемный труд» является формой неустойчивой занятости, которая, по оценкам юристов, не вписывается в действующее трудовое законодательство. Тем не менее, он стал активно использоваться для замещения постоянных рабочих мест и на некоторых предприятиях по масштабам применения сравним с численностью постоянного персонала или даже превосходит его¹¹. Естественно, что новые формы найма стали источником новых конфликтов при сохранении части старых. Постсоветские работники, как правило, ищут постоянную, стабильную, пусть даже не высокооплачиваемую занятость. Разные же формы временного найма оцениваются положительно, если сам работник решает, сколько времени ему нужно быть занятым. Однако именно этой возможности его и лишают.

Среди базовых факторов, обуславливающих сохранение конфликтного фона в отношениях между отечественными работниками и работодателями, наиболее общими и константными являются следующие. Во-первых, неготовность профсоюзов и самих работников к проявлению внутрикорпоративной солидарности в новых условиях найма. Особенно это касается таких устойчивых форм принадлежности, как членство в профсоюзе или получение социальных бонусов. В ситуации неустойчивой принадлежности было бы странно, если бы работники задумывались о конкурентоспособности и прибыльности предприятия в целом или эффективности своего труда (что более характерно для многих стран Запада).

Далее, более согласованным отношениям мешает отсутствие у наемных работников общеправового доверия к предпринимателям, уверенности в том, что при разрешении спорных вопросов они всегда будут действовать правовыми, а не силовыми методами. Это недоверие подкрепляется манифестациями некоторых олигархов, например, М. Прохорова, который в конце 2010 г. предлагал пересмотр трудового законодательства (например, введение 60-часовой рабочей недели, облегчение процедуры увольнения работника и узаконивание работы на удаленном доступе).

В-третьих, сама незаинтересованность администрации в существовании на предприятии сильного, авторитетного и независимого профсоюза также поддерживает конфликтный фон трудовых отношений.

Далее, отсутствие конкуренции на российском рынке приводит к тому, что даже плохо работающие предприятия подолгу остаются на плаву, благодаря, например, административному ресурсу или уверенности — что самое страшное — увольнения и сокращения работников. Политическая стабильность

---

¹¹ См.: *Ляпин А., Нойхофферг Г., Шершуква Л., Бизюков П.* Неустойчивая занятость и ее последствия для работников. Экономическая экспертиза для работников. М., 2007.

практически всегда более приоритетна, чем экономическая эффективность. Управленцы используют устаревшие методы, предпочтение отдается жестким структурам, подразумевающим безоговорочное подчинение работников и несущественность любых форм «обратной связи», позитивных или негативных. Потери рабочего времени колоссальны, но из-за низкой заработной платы это никого особо не волнует. Работники практически не имеют возможности защищать свои права, а из-за широкого использования труда мигрантов и заемных работников работодатели могут еще больше снижать зарплату и допускать еще большие потери рабочего времени. Все это размывает трудовые отношения и препятствует сбору материала об их развитии.

Граждане России также прохладно относятся к коллективным акциям протеста. Поддерживают проведение забастовок в первую очередь студенты. Так, в 2010 г., по данным «Левада-центра», всего 16% респондентов считали, что забастовка — единственный способ добиться удовлетворения своих требований. Говорят о забастовке как о единственном способе добиться удовлетворения своих требований чаще всего безработные (34%), учащиеся и студенты (30%), специалисты (19%), россияне моложе 25 лет (24%), со средним образованием (19%), низкими доходами (24%), проживающие в сельских населенных пунктах (21%) и провинциальных городах с населением более 500 тысяч человек (18%)¹². Мнение, что забастовкой ничего нельзя добиться, — наиболее характерно для специалистов и служащих, о недопустимости забастовок чаще других заявляют жители Москвы.

Позиция же государства по поводу выполнения трехсторонних договоров о социальном партнерстве и СТК определена тем, что трипартизм в России до сих пор является неосвоенным «заморским» инструментом формирования трудовой и социальной политики. Работодатели оказались привилегированным сословием, поскольку олицетворяют необходимых для развития экономики инвесторов и налогоплательщиков. А профсоюзы и не предлагают ничего, что бы могло сделать социальное партнерство более паритетным.

Отметим, что понятие «трудовой конфликт» заимствовано социологами из юридических документов. В зарубежной практике более распространено понятие «индустриальный конфликт». Если конфликтологи это понятие часто употребляют как синоним забастовки, то социологи используют его в более широком смысле, когда главным объектом изучения выступает не трудовой спор, забастовка или локаут, а общая совокупность видов поведения и отношений, выражающих противостояние и расходящиеся ориентации между вла-

---

¹² См.: Климова М. Запретный прием. — Электронный ресурс: <http://polit.ru/article/2011/06/28/zabastovky/>

дельцами промышленных предприятий и управляющими, с одной стороны, и рабочими и их организациями, — с другой.

Используемое в российской науке понятие «трудовой конфликт», не ограничивает конфликтное поле только сферой промышленности, включая в него торговлю, сферу услуг, сельское хозяйство, народное образование, здравоохранение, сферу культуры.

Вместе с тем, исследователи отмечают сопоставимость понятий «трудовой» и «индустриальный конфликт». В частности, они выделяют такие конфликтные формы как:

- а) организация для коллективных переговоров;
- б) забастовка или эквивалент забастовки для разрешения вопросов, приведших к приостановке коллективных переговоров, или для организации таких переговоров;
- в) другие, обычно спонтанные коллективные акции, например, — «дикие» забастовки, выступление против сверхурочных работ, замедление темпов работы, многочисленные жалобы и т. д.¹³

Другие авторы подчеркивают значимость специфики трудовых конфликтов каждой страны: «Практика урегулирования трудовых конфликтов в зарубежных странах, например США, протекает в условиях устоявшегося и разветвленного законодательства в области труда и трудовых конфликтов, а также социальных и государственных институтов, поддерживающих и контролирующих процедуры регулирования трудовых конфликтов и практику их разрешения. Характер трудовых конфликтов, участники конфликтного взаимодействия определяются в первую очередь именно этими институтами и процедурами, и именно в их рамках сформированы эмпирические понятия, используемые зарубежными социологами. Второе обстоятельство заключается в том, что российские реалии демонстрируют целый спектр разнообразных конфликтов, в числе действующих агентов которых выступают управляющие предприятиями, работники и их организации»¹⁴.

Любая классификация конфликтов, разумеется, не универсальна. Неустоявшийся понятийный аппарат совершенно естественен для молодой науки, как и наличие в ней методологических, предметных и иного рода лакун. В таких условиях начинать серьезный мониторинг СТК правильной всего с сопоставления самих наборов индикаторов, используемых разными исследовательски-

---

¹³ Здесь приведена классификация индустриальных конфликтов, предложенная Х. Уиллером. Подробнее об этом: *Wheeler H. N. Industrial Conflict. An Integrative Theory. Columbia, 1985.*

¹⁴ *Александров Ф. О., Постоленко И. Г.* Социально-трудовой конфликт. Понятие и подходы к урегулированию // Электронный журнал «ИССЛЕДОВАНО В РОССИИ». — Электронный ресурс: 312 <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2002/029.pdf>

ми структурами и отдельными авторами, поскольку этого требует сложность и неоднозначность рассматриваемой проблемы, примером чего может служить проект, осуществляемый сотрудником Центра социально-трудовых прав П. В. Бизюковым, продолжающийся уже около четырех лет. Исследование строится как анализ информации по СТК, содержащейся в интернет-сайтах, а также — проведение кейс-стади наиболее сложных случаев трудовых конфликтов. Прделанная работа, безусловно, вызывает профессиональное уважение, но одновременно и ряд возражений по поводу организационных принципов.

Прежде всего, не представляется убедительной подача итоговой информации без корреляции с информационными возможностями используемых источников. Также вызывает сомнение целесообразность использования такого индикатора, как «среднемесячное число протестных акций», на базе которого делаются выводы об интенсивности и напряженности протестных акций. Значительно снижающим качество исследования выглядит отсутствие в нем анализа организационных форм протестных действий (отдельной статьей П. В. Бизюков выделяет только стоп-акции, т. е. полные или частичные остановки работы). В результате выдается недостаточно обоснованный исследовательский продукт, при этом психологически убедительно оформленный в виде таблиц и диаграмм. Но эти материалы не столько проясняют, сколько нивелируют общую картину по РФ и мало отражают региональные и отраслевые особенности назревания, протекания и разрешения трудовых конфликтов. Поэтому дальнейшая работа по организации мониторинга СТК должна идти по пути более тщательного отбора и анализа информационных источников.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Важной проблемой в РФ является построение системы учета СТК по единым статистическим показателям, ведение их постоянного учета и использование их на практике. Однако наблюдается явный парадокс, отмеченный тем же П. Бизюковым: «Не может не удивлять, — пишет он, — то внимание, которое те же ведущие отечественные СМИ и эксперты уделяют трудовым конфликтам в других странах. Например, о забастовках английских авиаторов, которые продолжались с апреля по сентябрь, газеты и телевидение сообщали очень подробно. Рассказывалось о подготовках к акциям, о переговорах, цитировались представители профсоюзов, работодателей, пассажиров и т. п. В интернете можно найти сотни сообщений отечественных СМИ на эту тему. Российскому профсоюзу авиадиспетчеров, который в это же время вел тяжелейшие переговоры со своим работодателем, такое внимание прессы и

не снилось. А осенние выступления французских профсоюзов вызвали шквал не только сообщений, но и всевозможных комментариев». Все это, как не трудно заметить, очень напоминает «советский подход» к определенному отбору связанной с выяснением складывающихся в сфере трудовых отношений информации

Ситуацию обобщает тот же П. Бизюков: в последние годы проведение исследований, связанных с изучением трудовых отношений, сталкивается с серьезными трудностями. Предприятия, а точнее их владельцы, пользуясь законом о коммерческой тайне и защите персональных данных, — почти полностью перекрыли доступ для исследователей. В результате репрезентативные опросы работников на больших предприятиях, кейс-стади, основанные на разных источниках информации (интервью с работниками, руководителями, изучение документов, наблюдения), почти исчезли

Изучать трудовые отношения с помощью массовых опросов населения тоже непросто. В рамках получаемых выборок (около полутора тысяч человек) трудно выделить профессиональные группы работников из-за их малочисленности среди населения. А уж выделять группы работников, сталкивающихся, например, с определенными трудовыми проблемами, и вовсе невозможно: их очень мало для полноценного статистического анализа¹⁵.

Многие исследователи отмечают, что в своем невнимании к проблеме трудовых конфликтов журналисты и эксперты не одиноки. Государственные органы тоже настроены на игнорирование этой проблемы. Подтверждением тому служит система учета трудовых конфликтов в отечественной статистике. Уже упоминалось выше, что по данным Росстата в 2008 г. зафиксировано всего 4 забастовки, а в 2009 г. — всего одна забастовка, поскольку Росстат учитывает только законные забастовки, т. е. проходящие в рамках коллективных трудовых споров, соответствующих требованиям законодательства. Росстат фиксирует три основных параметра: проводились ли забастовки, число участников и количество времени, неотработанного участниками забастовок. Сведения подает одна из сторон трудового конфликта — работодатель. Данные Росстата о динамике забастовочной активности за 1990–2010 гг. можно найти на его сайте.

О трудностях учета трудовых споров, соответствующих требованиям законодательства, пишет и И. Козина: «Поскольку прописанный в законе регламент оказался настолько сложным и запутанным, что практически любую

---

¹⁵ См.: *Бизюков П. В.* Индивидуальные трудовые конфликты: Могут ли работники защитить свои права в одиночку. По материалам проекта «Горячий телефон по трудовым правам». Руководитель проекта Е. С. Герасимова. М., 2011.

забастовку можно квалифицировать как незаконную, в такой ситуации в ход идут различные формы забастовочных действий без прохождения надлежащих процедур, как, например, «работа по правилам» (итальянская забастовка) или остановка производства, когда большое количество работников подает индивидуальные заявления об отказе от работы»¹⁶. Согласно ст. 142 ТК РФ, в случае задержки заработной платы на срок более 15 дней работник имеет право, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу до выплаты задержанной суммы.

В ряде случаев забастовка объявляется в расчете на то, что пока состоится решение суда и она будет признана незаконной, можно успеть добиться эффекта¹⁷. Методика учета забастовок исключает фиксирование такого рода нестандартных форм конфликта. Не фиксируются также остановки работы продолжительностью менее чем одна смена. То есть в ход идут альтернативные формы забастовочных процедур, а работодатель о них не сообщает и в статистику они не попадают. Однако стоит заглянуть в Интернет — и будет понятно, что количество протестов и забастовок исчисляется десятками и сотнями. В стране возникли устойчивые практики проведения забастовок и того, как нужно вести себя в этих случаях их участникам. Однако эти практики зачастую остаются вне зоны общественного внимания, и их влияние на развитие и формирование трудовых отношений почти никак не учитывается.

Отношение к возможностям мониторинга СТК через анализ данных СМИ и интернета — пока неоднозначно. С одной стороны, в современных условиях комплексное изучение проблемы СТК невозможно без опоры на данные тематических сайтов и интернет-СМИ. С другой стороны, — в научно-исследовательских кругах существует сильный скепсис по отношению к уровню релевантности информации, содержащейся на сайтах и в СМИ, к фактическому положению дел в тех или иных сферах общественной жизни, в том числе — в области социально-трудовых конфликтов. Тем не менее, отметим как весьма содержательный — сайт института «Коллективное действие», который дает новостную ленту, с которой затем можно перейти на ряд следующих сайтов для получения более детальной информации или информации от разных участников конфликта¹⁸. Однако анализ трудовых про-

---

¹⁶ Козина И. М. Забастовки в современной России // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 15.

¹⁷ 10 дней положено по закону, во время которых судебное решение может быть оспорено в Верховном суде России, а забастовка не может считаться нелегальной, пока нет решения Верховного суда.

¹⁸ См.: Сайт ИКД. — Электронный ресурс: <http://www.ikd.ru/node/17256> (последние цифры указывают на различные разделы сайта).

тестов на сайте осуществляет тот же П. Бизюков, насчитавший в июне 2011 г. 25 трудовых протестных акций, а в целом за шесть месяцев 2011 г. — 123 протестных акции. Это на 5% меньше, чем в кризисном 2009 г., и на 21% больше, чем в прошлом году.

Далее, с 2007 г., хотя и с некоторыми перерывами, — активно работает портал «Профсоюзы сегодня» — Профсоюзный информационный портал, получивший второе рождение как проект, основанный на частной инициативе, попытка создания межпрофсоюзной информационной площадки, на которой не просто возможно, но обязательно будут представлены разные взгляды и мнения. Руководитель портала пишет, что «успешность такой работы не очевидна, но серьезность текущего момента и сложность задач, которые в полной мере встали перед профсоюзами России, заслуживают той попытки и усилий, на которые мы решились¹⁹. С новостной ленты там также можно перейти к более подробному описанию различных протестных действий, однако аналитики пока на портале немного, она заимствуется, например, с сайта Института «Коллективное действие»».

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ РАССМОТРЕНИЯ

Итак, использование для мониторинга СТК интернет-источников вполне оправдано и позволяет увидеть разные точки зрения. Критический подход к использованию информации, содержащейся и в СМИ, и на специализированных сайтах, — не должен означать отказа от данного информационного массива, равно как — и признания его исключительно дополнительным исследовательским фактологическим ресурсом. Напротив: ***разработка обоснованной и эффективной методологии полноценного анализа виртуального информационного массива является на сегодня в высшей степени актуальной научно-исследовательской задачей, от успешности решения которой во многом зависит правильность понимания и прогнозирования важнейших социальных процессов.*** И для органов власти, и для общества в целом очень важно располагать общедоступной, прозрачной, достоверной и, что немало важно, — оперативно обновляемой информационной базой, в том числе — по трудовым конфликтам. Интернет в этом отношении предоставляет едва ли не уникальные по степени широты возможности.

Таким образом, можно сделать вывод, что и мониторинг СТК, и обучение различным методам их урегулирования в России пока находятся в стадии становления и требуют внимания профессионалов.

---

¹⁹ См.: Портал «Профсоюзы сегодня». — URL: <http://www.unionstoday.ru/about>

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Ф. О., Постоленко И. Г. Социально-трудовой конфликт: смысл, значение, институты урегулирования // Конфликтология. Теория и практика. 2004. № 1 (2).
2. Гришина Н. В. Статья «конфликтология». Словарь по психологии. М., 2001.
3. Кацва А. М. Развитие забастовочного движения и иных форм коллективного протеста в современной России: истоки, динамика и особенности // Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия. Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов. Москва–Санкт-Петербург, 30 сентября–2 октября 2004 г. СПб.: Наука, 2004.
4. Козина И. М. Забастовки в современной России // Социологические исследования. 2009. № 9.
5. Линкольн У. Ф. Переговоры. Эксперимент. СПб.; Рига, 1998.
6. Ляпин А., Нойхофферг Г., Шерицукова Л., Бизюков П. Неустойчивая занятость и ее последствия для работников. Экономическая экспертиза для работников. М.: ЦСТП, 2007.
7. Рабочее движение: документальные и аналитические материалы / отв. ред. Л. А. Гордон. М.: ИПЗ РАН, 1992.
8. Шаленко В. Н. Коллективные трудовые забастовки как предмет социологического анализа. Материалы ВСКЗ. Секция 22. Конфликтология. М., 2008.
9. Степанов Е. И., Куконков П. В. Конфликтологический мониторинг и менеджмент как необходимые компоненты современных социологических исследований // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. Вып. 20. М., 2003.
10. Тернер Дж. Теория конфликта // Структура социологической теории. М., 1985.
11. Wheeler H. N. Industrial Conflict. An Integrative Theory. Columbia: University of South Carolina Press, 1985.

Л. В. Давыдов, А. Е. Петраченко (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

КОНФЛИКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОРРУПЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ

Коррупция как система отношений, действий и психологии людей, которые именно свойственны подобным действиям и отношениям, — является многоплановым явлением, и поэтому необходимо признать, что одно только право не может оказать противодействие коррупции, не может предупредить ее, не может ее снизить. Но и в тоже время право как механизм политизации отношений обладает достаточной силой устанавливать пределы действий людей и умерять их силу. Право как особая система нормативного регулирования — не только разрешает конфликт, но в тоже время и порождает его своей способностью ограничивать действия людей, ставить предел этим действиям. В этом случае право начинает обладать свойством обнаруживать и делать достоянием общественности так называемые теневые отношения. Скрытые отношения становятся явными в результате обострения противоречий между субъектами этих отношений, проявляющимися в форме конфликта. Тем самым конфликт приобретает значение обнаружения отношений, их выявления и отнесения к тем или иным типам.

Способность государства предупреждать и разрешать конфликт известна. Но мало исследована способность государства порождать конфликт с целью обнаружения скрытых от общества отношений — так называемых теневых или тайных отношений, к которым относятся и коррупционные отношения. Причина этих отношений не всегда доступна, и потому они рассматриваются как явления, причина которых окончательно не ясна. Ясность появляется тогда, когда противоречия внутри данных отношений достигают такой степени обострения, при которой субъекты этих отношений втягиваются в конфликт. Без действия права данный конфликт приобретает внеинституциональные формы и выступает в основном именно криминальным конфликтом. Право вводит данный конфликт в институциональное пространство и разрешает противоречия легитимными способами. Поэтому право играет в этом процессе незаме-

нимую роль, роль зеркала, отражающего коррупционные отношения. Однако право — как зеркальное отражение действительных отношений, — переворачивает их. Оно отражает субъективную сторону этих отношений, тогда как в действительности коррупционные отношения, — хотя в них и задействованы субъекты, — носят объективный характер как такие отношения, предпосылкой которых являются господствующие товарно-денежные отношения.

То, что предпосылкой коррупции являются товарно-денежные отношения — заметно по той цели, которую ставят перед собой субъекты коррупционных отношений. Целью этих отношений является выгода в денежной или иной имущественной и неимущественной форме. Ту же самую цель преследуют и субъекты товарно-денежных отношений. Но так как товарно-денежные отношения являются всеобщими отношениями, а коррупция — отношением специфическим, т. е. таким, в которое вступают не все члены общества, а только его часть, — то в праве их экономическая природа не учитывается. На место действительной природы коррупционных отношений ставится эгоистическая природа человека, его корыстолюбие, которым, по замыслам государства, необходимо противодействовать. Государство, проявляющее волю в борьбе с коррупцией, — должно учитывать политико-экономическую природу коррупции и то, что она не есть следствие только эгоизма человека, его корыстолюбивых наклонностей: она есть форма товарно-денежных отношений, которая, правда, не может воспроизводиться без эгоизма и корыстолюбия. И в праве оправдано учитывать субъективный элемент коррупции, но — неоправданно ограничиваться только этим субъективным элементом.

Правовое противодействие предполагает наличие закона и контроль за его исполнением. Закон «О противодействии коррупции», появившийся в 2008 г., регулирует действия индивидов, изначально полагая, что ограничение действий той же бюрократии в отношении граждан и реализации их прав, — неминуемо приведет к исчезновению коррупции. Однако действия индивидов, подчиняясь логике юридических законов, — не всегда находятся в согласии с ними, не всегда гражданин законопослушен. Это связано не только с индивидуальными наклонностями индивида, это также связано с объективными условиями существования этого индивида. Именно объективные условия существования индивида, коими являются товарно-денежные отношения, определяют стремление индивидов и к такой выгоде, которая ни экономически, ни юридически не обоснована. Государство, да и сам бизнес как олицетворение товарно-денежных отношений, — выступают против преимуществ, которые получает тот или иной бизнесмен, участвуя в коррупционных отношениях. Однако правовое противодействие коррупционным отношениям, умеряя эгоизм и корыстолюбие субъектов этих отношений, ограничивает

субъективную основу товарно-денежных отношений. Тем самым государство подрывает основу гражданского общества и свою собственную основу. Что, конечно, заставляет государство, не отказываясь от противодействия коррупции, осуществлять его в той мере, которая не разрушает эгоизм индивида, не разрушает субъективную основу товарно-денежных отношений. Государство уже тем, что оно законодательно закрепляет свое отрицательное отношение к коррупции, — делает огромный шаг вперед в деле создания равных условий для бизнеса.

Говоря о коррупции как политико-экономическом явлении, мы тем самым хотим обратить внимание на то, что коррупция есть форма товарно-денежных отношений, которые оказывают влияние на все стороны общественной жизни. Коррупция так же, как и товарно-денежные отношения, — проникает во все сферы общественной жизни и не может быть исключена из них лишь правовым ограничением. Правовое ограничение коррупции — это ограничение товарно-денежных отношений как основы, на которой базируется современное общество. Нельзя противодействовать коррупции, не противодействуя товарно-денежным отношениям. И там, где товарно-денежные отношения не могут быть легитимированы обществом, — они принимают форму коррупции, а действия субъектов товарно-денежных отношений приобретают форму коррупционных действий.

Чем больше зон, где товарно-денежные отношения не легитимированы обществом, тем чаще товарно-денежные отношения для своего проникновения в эти зоны облачаются в формы коррупции. Государство, борющееся с коррупцией при господстве товарно-денежных отношений, — может быть сравнимо с Сизифом, который таскал камни на гору, а они постоянно скатывались, и ему приходилось вновь и вновь поднимать их на гору. Сизифов труд государства в борьбе с коррупцией приводит лишь к снижению ее уровня, но не дает окончательной над ней победы. Поэтому Transparency International для оценки уровня коррупции пользуется индексом восприятия коррупции как меры коррупционности той или иной страны, ибо в мире сегодня нет стран, где коррупционные отношения отсутствуют. Но есть страны, где товарно-денежные отношения проникли во все поры общественной жизни. Отсутствие социального пространства для освоения товарно-денежными отношениями — объективно дает минимальный уровень восприятия коррупции.

В правовом противодействии коррупции государство в большей степени акцентирует внимание на одном субъекте коррупционных отношений — чиновнике. Это — единственный закон, в котором к равным участникам коррупционных отношений применяется неравная мера, что противоречит буржуазному праву, принципом которого является равная мера к различным

людям. В законе «О противодействии коррупции» коррупция обозначается как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами...»¹. Статья 8 закона предписывает государственным и муниципальным служащим представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Статья 9 обязывает государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений. Ст. 10 и 11 указывают на конфликт интересов на государственной и муниципальной службе и порядке предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Ст. 12 перечисляет ограничения, налагаемые на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы при заключении им трудового договора². Закон дает понять, что ответственным за коррупционные деяния лицом является государственный служащий или чиновник, весь класс бюрократии. Такое неравное отношение к лицам, дающим взятки, и к лицам, получающим их, по нашему мнению, — обусловлено конфликтом интересов взяткодателя и взяткополучателя, бизнеса и бюрократии. И это становится заметным, когда обращают внимание на цели коррупционных отношений.

Целью коррупционных отношений является выгода в различных ее проявлениях, но в первую очередь — в виде денег. Она равным образом является выгодой как взяткодателю, так и взяткополучателю, как бизнесу, так и бюрократии. Для того чтобы исключить коррупционные отношения, — необходимо изменить цель участников коррупционных отношений, необходимо сделать так, чтобы данная цель стала труднодостижимой для них или вообще недостижимой. Но если выгода станет труднодостижимой или недостижимой для бизнеса, — тогда государству придется оправдываться перед бизнесом в связи с ущемлением его коренных интересов. Поэтому государству приходится как-то поступаться интересами бюрократии, тем более, что выгода, получаемая бюрократией в коррупционных отношениях, — экономически не оправдана и не обоснована, тогда как выгода, получаемая бизнесом, —

---

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Опубликовано 30 декабря 2008 г. Российская газета. Документы. — Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html>

² Там же.

не может быть определена как полностью коррупционная выгода. «За выполнение своих должностных обязанностей государственные служащие получают вознаграждение только от государства... и не имеют права получать никакой доплаты, никакого вознаграждения ни от кого больше. Вознаграждение со стороны и есть взятка»³. Бизнес в результате исполнения своих обязанностей получает прибыль или выгоду, что для него и общества есть одно и то же.

Противодействие приобретению выгоды осуществляется, в соответствии с законом, при получении выгоды государственными и муниципальными служащими. Действия бюрократии в целях получения выгоды — сдерживаются, а действия бизнеса, как одного из участников коррупционных отношений, — не сдерживаются. Будучи равными «партнерами» в коррупционных отношениях, они становятся по воле законодателя не равными в определении вины за совершение коррупционных отношений. В силу чего бизнес может осуществлять действия коррупционного характера с целью приобретения выгоды, а служащий — не может. Все это наталкивает на мысль, что закон направлен на «ущемление» интереса бюрократии, ее эгоизма и корыстолюбия, оставляя нетронутым эгоизм и корыстолюбие бизнесменов. Но, как известно, ограничение в правах одного из субъектов в системе взаимоотношений в действительности — не уничтожает этих отношений до тех пор, пока они выгодны обеим сторонам. И они разрушаются только тогда, когда становятся невыгодными либо обеим сторонам этих отношений, либо одной из сторон. Потеря выгоды или предчувствие ее потери, — выводит коррупционные отношения из их теневого состояния в открытую форму борьбы. А для того, чтобы этого не происходило, — закон призван умерить столкновение или конфликт, вводя его в институциональную форму протекания, о чем мы уже говорили.

Конфликт, возникающий между «партнерами» коррупционных отношений, указывает нам на то, что способ взаимодействия между бывшими партнерами, который приносил выгоду обеим сторонам взаимодействия, — разрушился. Коррупция указывает нам на то, что те связи и способы взаимодействия, которые предшествовали конфликту, носили обоюдовыгодный характер. Лишь через разрушение партнерских способов взаимодействия, через конфликт, проявляется коррупция. При этом ту стадию коррупционных отношений, на которой происходит обострение противоречий между некогда бывшими «партнерами» в получении выгоды, — можно назвать коррупционным конфликтом. Через этот конфликт государство узнает о существовании коррупции и посредством закона стремится умерить столкновение, не явно защищая одну из сторон взаимодействия, и явно карая другую сторону.

---

³ Кирпичников А. И. Российская коррупция. 3-е изд. испр. и доп. СПб., 2004. С. 17.

Неудовлетворенность одной из сторон бывших партнерских отношений трансформирует коррупционные отношения в действия противоположные, — в конфликтные действия. Конфликтная стадия коррупционных отношений не может быть транслирована на всю совокупность коррупционных отношений. Коррупционные отношения при этом состоят по крайней мере из двух стадий — латентной и не латентной, мирной и конфликтной. На латентной или условно мирной стадии — отношения скрыты, а потому об этих отношениях можно говорить как о теневых отношениях. В силу того, что это — теневые отношения, недоступные каждому, относительно их реального характера можно предполагать все что угодно. Можно придавать им различный мистический характер, их можно оценить, как это делает Г. Сагаров, и в качестве специфического восприятия мира, и т. п. Не латентная стадия коррупционных отношений, приводящая к конфликту, делает их публичными и даже не получение огласки о начале этого конфликта через средства массовой информации, а прежде всего — деятельность правоохранительных органов, которые привлекаются одной из сторон ложившихся коррупционных отношений. Коррупционные отношения только тогда проявляются, когда появляется неудовлетворенность той долей богатства, которая достается либо бизнесу, либо чиновничеству, когда тайный союз бизнеса и бюрократии распадается и прежде согласовываемые в латентном состоянии действия превращаются в открытое противодействие.

Коррупция трансформируется в конфликт еще при одном условии. Этим условием является государство, осознавшее необходимость противодействия коррупции и борьбы с нею. При этом государство осуществляет противодействие коррупционным отношениям с учетом того обстоятельства, что коррупция есть форма товарно-денежных отношений, которая порой, как утверждает С. Хантингтон, ничем не хуже, а то и лучше функционального значения реформ⁴. А Чубайс придает коррупции вообще значение прогресса, заявляя, что «коррупция — это и есть прогресс»⁵. Академик Р. Р. Гринберг считает, что «коррупция в России полезна, без неё она погрязла бы в бунтах и революциях»⁶.

Оставим в стороне рассуждения о пользе коррупции, но заметим, что подобные суждения есть понимание того, что коррупция — часть товарно-

---

⁴ См.: Ачкасов В. А. Россия: результаты трансформации административно-политической системы // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. СПб., 2008. № 1 (5). С. 27.

⁵ Полеванов В. Неприкасаемый Анатолий Чубайс — «магистр» Реформации, которой не было // Завтра. 2002, 23 апреля.

⁶ Коррупция в России страшнее стихийного бедствия? — Электронный ресурс: RS RusSlav.ru: <http://ruslav.ru/aktualno/korrupsiya.html>

денежных отношений. Поэтому государство не может позволить себе в противодействии коррупции разрушить товарно-денежные отношения. Оно не может доводить борьбу с коррупцией до борьбы с товарно-денежными отношениями. Но оно должно ставить своей задачей выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений. Оно может до известного предела противодействовать проникновению товарно-денежных отношений в те области общественной жизни, которые не могут быть измерены деньгами. И этот предел находится в законе «О противодействии коррупции», в котором, вслед за пониманием коррупции в документах ООН, — она определяется как злоупотребление государственными полномочиями с целью получения личной выгоды. Коррупция не ограничивается взяточничеством, — она включает в себя и непотизм: завладение публичными средствами для частного пользования. Такое понимание коррупции предполагает, что ее субъектом является публичное должностное лицо, которое обогащается незаконно и наносит тем самым ущерб обществу и государству. А борьба с коррупцией — это борьба со взяточничеством и непотизмом публичных должностных лиц. Ни о каких товарно-денежных отношениях речь не идет ни в документах ООН, ни в национально-государственных документах, ни в законе «О противодействии коррупции». Остаются за пределами понимания государством и международным сообществом государств коррупции как формы товарно-денежных отношений. Однако в действительности стремление бюрократии, — в силу своего положения в системе организации общественных процессов — иметь экономически не обоснованный доход, — толкает ее на действия именно товарно-денежного характера, на превращение общественной собственности в собственность частную. Это — стремление бюрократии поддерживается бизнесом до тех пор, пока приватизация общественной собственности обоюднoвыгодна.

Обоюдная выгода — это то, что делает коррупцию незаметной, тайной в распределении того, что принадлежит обществу в целом. Но как только выгода для той или другой стороны исчезает, — то вместе с возникающим при этом конфликтом исчезает и тайна и коррупция приобретает свое официальное обозначение. Так, например, пока малый и средний бизнес мирится с произволом чиновников, с откатами и вымогательством, — между ними и чиновниками противоречия не столь обострены, отношения скрыты от государства. Но когда средний и малый бизнес восстают против поборов, осуществляемых бюрократией и делают эти поборы достоянием общественности, — государство в лице своих правоохранительных органов стремится погасить наметившийся конфликт, становясь на сторону бизнеса, усиливая его позиции и тем самым снижая давление на него бюрократии. Однако это давление

не исчезает, оно становится умеренным, не вызывающим неудовлетворение среднего и малого бизнеса, а согласие, достигнутое в распределении дохода от сделок коррупционного характера, — уводит их в тень «освещаемого» государством социального пространства.

Свойство коррупции быть в тени и быть «коммерческой тайной» до того момента, пока существует некоторое согласие между бизнесом и бюрократией, — вытекает из сущности товарно-денежных отношений и конкуренции. Именно конкуренция придает товарно-денежным отношениям таинственность. Она заставляет товарно-денежные отношения быть тайными для общества отношениями. Без тайны бизнес вообще невозможен, так как открытость не дает преимуществ, которые в конкурентной борьбе играют определяющую роль. Коррупция — как раз такое тайное отношение, которое дает преимущества одному бизнесмену и дополнительные издержки другому, обеспечивая дополнительное условие успешности и прибыльности одному, застой и убытки — другому. Поэтому бизнес инициирует данные отношения, находя их изначально выгодными для себя. Бюрократия же, втягиваясь в данные отношения, — входит в зону риска, и этот риск тем больше, чем больше у общества средств контроля и противодействия коррупционным отношениям.

В борьбе с коррупцией государство выступает в своей политической оболочке как политический союз, который требует от бюрократии и чиновничества управлять, исходя из принципов целостности и неделимости общественного дела на частные дела. А государство как бюрократический аппарат — стремится выстроить отношения с бизнесом на взаимовыгодных условиях, на «справедливом» распределении продуктов, полученных в результате эксплуатации народа. Государство как целое — заинтересовано в полезной деятельности бизнеса, ибо он «создает» реальные ценности, улучшающие условия жизни и благосостояние народа. Государство как политический союз бизнеса и народа выступает против всего, что мешает укреплению этого союза. Но государство как бюрократический аппарат — имеет свой собственный интерес в расколе союза бизнеса и народа для того, чтобы приобрести в глазах бизнеса и народа значение посредника, могущего данный союз укрепить. Этот интерес бюрократии побуждает ее диктовать свои условия как бизнесу, так и народу, делать их зависимыми от бюрократии, вместе с тем стимулируя саму бюрократию больше служить тому, кто оценивает ее усердие по большему счету. А бизнесу, для того чтобы удержать бюрократию хотя бы в определенном подчинении, — ничего не остается делать, как поддерживать ее не только большими официальными окладами, но и дополнительными недокументированными доходами. Вместе с тем, бизнес стремится к тому, чтобы умерить аппетиты бюрократии. Но нет сегодня иного средства удержать аппе-

титы бюрократии, — чем убедить народ в том, что коррупция есть социальное зло, объявить коррупции борьбу, получив таким образом поддержку народа в борьбе с этим злом, посеять страх в бюрократии, — особенно в низших ее чинах, и тем самым — сократить свои расходы на содержание бюрократического аппарата в целом.

Призывая народ к борьбе с коррупцией, — бизнес оперирует идеей о том, что коррупция есть порождение бюрократии и что коррупционность бюрократии противодействует росту благосостояния народа. И мы видим, как укрепляется в народе мнение о коррупции как о социальном зле и в то же время — замалчивается политико-экономическое значение коррупции как способа или механизма проникновения товарно-денежных отношений во все сферы общественной жизни, как особого способа приватизации тех сфер жизни, которые, согласно закону и общественному мнению, — не могут быть приватизированы. По результатам опроса, проведенного Межрегиональной общественной организацией «Комитет по борьбе с коррупцией», — 52% россиян придерживаются мнения, что воровства и коррупции в руководстве страны стало больше, чем в 90-е годы. В 2007 г. такую позицию разделяли всего 16% респондентов, в 2009 г. — 27%, а в 2010 г. — 43%. Примерно столько же граждан (53%) сейчас считают, что за последние десять лет роль и влияние бюрократии в стране усилились, и таких респондентов за 2010 г. стало больше на 10%. 41% россиян уверены, что теневые связи между госчиновниками и представителями бизнеса в последние годы укрепились, еще 37% считают, что эти связи сохранились на прежнем уровне, и только 6% верят в то, что эти связи ослабли. Как видно из опроса, каждый второй россиянин (50%) считает, что коррупция одинаково развита как в высших, так и в низших эшелонах власти. 37% респондентов уверены, что верхушка более подвержена разложению. 10%, напротив, — отмечают значительное распространение злоупотреблений в низовых структурах власти⁷. Как видно из всех этих данных, восприятие респондентами коррупции обостряется, респонденты отмечают укрепление теневых связей бизнеса и бюрократии, что становится заметным в результате активной деятельности государства по пресечению коррупции в бюрократической среде и информирования населения об этой деятельности.

Переход из латентного состояния союза бизнеса и бюрократии в открытое противостояние, в открытый конфликт до тех пор не относится к официальным коррупционным отношениям, пока в эти отношения не включаются

---

⁷ Мнение большинства россиян: коррупция выросла. Межрегиональная общественная организация «Комитет по борьбе с коррупцией». — Электронный ресурс: <http://com-cog.ru/koгурcja-wyszcze/09> ноября 2011.

правоохранительные органы государства. И только в этот момент грани коррупции становятся настолько очерченными, что она становится объектом пристального внимания гражданского общества. Как только «партнерские» отношения либо по доносу, либо по заявлению становятся видимым конфликтом, прежде скрытым в согласованных и непубличных действиях, — они приобретают официальную форму коррупционных отношений. До этого момента коррупция, — если строго подходить к этому явлению, — не поддается анализу в полном объеме. Она не поддается анализу лишь потому, что она «латентна». Другого термина для обозначения тайного неэкономического обогащения посредством взаимовыгодного взаимодействия бизнеса и бюрократии, скрытого за ворохом слов политиков, законов и политических решений, — не найти. Потому что коррупционные отношения на этой стадии своего существования не вычленишь из товарно-денежных отношений, из отношений распределения и перераспределения, неэкономического обогащения в виде имеющего свои четко очерченные границы явления социальной жизни.

Так называемая латентная коррупция — это неэкономическое обогащение, которое во всем мире, а не только в нашей стране представлено повсеместно. Неэкономическое обогащение как отдельных бизнесменов, так и бизнеса в целом — становится характерной чертой современности. И те цифры коррупции в стране, которые приводит Г. Сатаров, — малая толика действительного коррупционного потенциала. Следует также учитывать, что, находясь у распределения богатства, получаемого неэкономическим образом, бюрократия волей-неволей становится действующим субъектом коррупционных отношений, их заложником. Нежелание отдельных представителей бюрократии, либо в силу моральных причин, либо в силу каких-то иных субъективных или объективных ограничений, принять коррупционные отношения, — исключает их из этих отношений, что дает право некоторым исследователям находить причину коррупции в безнравственности некоторых чиновников. Но наличие чиновников, не включенных в прямые коррупционные отношения, — не дает оснований делать вывод о том, что коррупция есть сугубо нравственное или психологическое явление. Так, по мнению Президента страны Д. А. Медведева, «отсутствие нравственных принципов у российского народа, религиозной морали... — вот основные причины или источники коррупции»⁸. Однако коррупция есть объективная форма связи в обществе, которое в своем экономическом развитии приблизилось к черте, за которой его существование не имеет перспективы.

---

⁸ Фаризова С. Дмитрий Медведев обнаружил истоки коррупции // Коммерсант. 2008. 27 февр.

В силу того, что коррупция является устойчивой формой связи бизнеса и бюрократии, является законом политико-экономической жизни общества, — внутри бюрократии разрастается борьба за овладение коррупционными отношениями. Свидетельство этому — увеличивающееся с каждым годом число чиновников, осужденных по коррупционным статьям. А. И. Бастрыкин, руководитель Следственного комитета при Генпрокуратуре России, был обескуражен количеством чиновников, уличаемых в коррупционных связях, и нарисовал мрачную перспективу для всего класса бюрократов: «Если борьба с коррупцией продолжится нынешними темпами, — через пять лет... всех чиновников пересажают... и работать будет некому»⁹. Исходя из сказанного можно констатировать, что обвинение в коррупционности чиновников становится средством борьбы различных сил внутри бюрократии. И в этом случае коррупция должна приобрести форму конфликта, публичного конфликта — в первую очередь посредством деятельности правоохранительных органов.

Борьба с коррупцией есть также указание на то, что государство собирается снизить так называемые недокументированные выплаты или расходы на содержание государственного аппарата, укрепить позиции отечественного бизнеса в конкурентной борьбе, сократить неэкономические способы обогащения, а также — и на то, что государство собирается пополнить свои контролируемые доходы за счет снижения обращения денег в теневом секторе и соответствующего его увеличения в легальном секторе. В политическом плане это — указание также на то, что государство стремится уменьшить влияние бизнеса на деятельность партий и других общественно-политических движений.

Но борьба с коррупцией только тогда возымеет свой эффект, когда в обществе сформируется общее негативное отношение к коррупции, что мы сегодня уже и наблюдаем. Общество признает опасность коррупции, а тем самым необходимость противодействовать ей всеми доступными государству средствами. Этим, по нашему мнению, объясняется то, что в законе о противодействии коррупции она определяется не как конфликт, не как отношение распределения и перераспределения, не как сокращение и уничтожение теневого сектора обращения и недокументированных выплат и расходов, а — как выгода, получаемая чиновниками, определяемая их статусом в управлении государством и обществом. Ибо такое определение коррупции позволяет гражданам оценивать всякое действие чиновников, требующих дополнительного вознаграждения за обязательно представляемые услуги, как действия коррупционного характера.

---

⁹ См.: *Леонов В.* Всех пересажают //РБК daily. Ежедневная деловая газета. — Электронный ресурс: <http://www.rbcdaily.ru/2009/10/19/focus/436972>

Граждане, опираясь на закон «О противодействии коррупции», получают вполне осязаемый и понятный всем механизм противодействия коррупции. А государство тем самым приобретает дополнительные ресурсы доверия к себе, которое так необходимо ему особенно в периоды кризисного состояния общества и снижения доверия к политической системе. Тем самым государство воспитывает граждан и образовывает их, укрепляет в них уверенность в том, что произвол чиновников отменяется.

Стоит заметить, что, во-первых, признание государством коррупции как негативного явления — уже само по себе знаменательно и говорит о том, что государство отрицательно относится ко всем тайным или полутайным союзам бизнеса и власти. Во-вторых, государство, освобождаясь от тайных и полутайных союзов, расчищает себе поле для критики бизнеса, бизнес-менеджмента, сотканного наспех из зарубежного опыта, часто социально безответственного, алчущего только одного: прибыли побольше, издержек поменьше. В-третьих, государство предостерегает бюрократию от поступков, связанных с превращением решения общественно значимых проблем, которым они обязаны заниматься по долгу службы, — в свое частное дело. Коррупция, обозначенная в законе как преступление перед обществом, перед государством, перед нравственностью и общим делом (республикой) подвергнет величайшему испытанию современное чиновничество, потребует от него доказательства того, что они трудились во благо общества, государства и народа.

Наконец, закон «О противодействии коррупции», не только заложил нормативно-юридический фундамент противодействию коррупции, но и укрепляет доверие к государству со стороны граждан. Данный закон придает конфликту, — как завершающей стадии коррупционных отношений между бизнесом и бюрократией, — институциональное значение, удерживая бизнес от насильственных и внеинституциональных способов разрешения этого конфликта. Охраняя бюрократию от полной зависимости от бизнеса, он одновременно охраняет и бизнес от полной зависимости от бюрократии, что в конце концов защищает народ от чиновничьего произвола и бюрократического насилия. ***Ибо для бюрократии конкурентная борьба перестает осуществляться за овладение коррупционными отношениями, а перетекает в область возможно более реального и эффективного применения организаторских и управленческих способностей, нацеленных на достижение общественных целей и решение социальных задач.***

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреанов В. Д.* Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М.: Волтерс Клувер, 2009.
2. *Ачкасов В. А.* Россия: результаты трансформации административно-политической системы // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. СПб., 2008. № 1 (5).
3. *Вульфович Р. М.* Как «онаучить управление» — континуум административной реформы // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. СПб., 2008. № 1 (5).
4. *Киртичников А. И.* Российская коррупция. 3-е изд. испр. и доп.. СПб., Юридический центр Пресс, 2004.
5. *Фаризова С.* Дмитрий Медведев обнаружил истоки коррупции // Коммерсант. 2008. 27, февр.

А. В. БОГАЧЕВ (КАЗАНЬ)

КОНФЛИКТЫ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ

Отношение правящей элиты к оппозиции является одним из индикаторов степени демократичности политической системы. Возможны три варианта стратегии правящей элиты по отношению к политической оппозиции и тем социальным силам, которые она представляет:

- 1) всеобщее подавление путем насилия;
- 2) законное существование оппозиции, но в условиях постоянного конфликта с властями;
- 3) признание оппозиции не только формально, но и сотрудничество с ней в процессе принятия важных политических решений.

Третий вариант действий характерен для демократических политических режимов, первый — для тоталитарных, второй — для многочисленных разновидностей авторитаризма.

Наше исследование посвящено конфликтам во взаимоотношениях власти и оппозиции в процессе политической трансформации в Татарстане со второй половины 1980-х годов по настоящее время. При изучении трансформаций политических режимов обращает на себя внимание различие результатов переходов не только на кросснациональном уровне (скажем, между странами Восточной Европы, применительно к которым можно говорить о высоком уровне консолидации демократии, и постсоветским пространством), но и на уровне субнациональном. Ряд исследователей полагает, что понятие «политический режим» можно применять лишь к государству в целом, не принимая во внимание региональную специфику. Вместе с тем, необходимо отметить, что часто полноценное осмысление трансформационных процессов в масштабах страны невозможно без изучения политических реалий в ее регионах. В этом смысле Российская Федерация дает массу необъяснимых на первый взгляд примеров различий политического устройства. Политическая ситуация может быть очень схожей в регионах, разительно отличающихся по своим экономи-

ческим, социально-демографическим характеристикам, и наоборот. И если в течение длительного периода отечественной истории политические системы в регионах страны различались не сильно, — значит разница между ними вызвана именно трансформационными процессами, обладающими внутренней логикой (поэтому и стремление в 2000-е годы федерального центра к унификации политической жизни в регионах, выразившееся, например, в фактическом назначении губернаторов, не привело все к единому знаменателю). С точки зрения методологии, в этом вопросе еще много нерешенных проблем: недостаточно представлена оценка перспектив плюрализма режимов в рамках одной федерации; не проведен реальный компаративистский анализ трансформационных процессов в регионах России.

С нашей точки зрения, на процесс политической трансформации в Татарстане в наибольшей степени повлияли система управления, сложившаяся в республике к началу перестройки, и этнический фактор. Современная региональная элита Татарстана пришла к власти весной 1990 г. Новая команда представляла собой аграрную номенклатуру, дополнительную силу которой придавали родственные и земляческие связи, так что она быстро трансформировалась в своеобразный «клан». В возникшем вскоре противостоянии федеральному центру татарстанская элита действовала как единое целое, следуя целерациональной стратегии максимизации контроля над ресурсами, в то время как массы мобилизовывались на ценностной основе (под этническими лозунгами) в тех же целях. В результате по сценарию «победитель получает все» в республике возник неконкурентный политический режим, который может быть охарактеризован как «авторитарная ситуация».

Началом «победоносного шествия» современной региональной элиты Татарстана можно считать 1989 г. После ухода в Москву первого секретаря ОК КПСС Г. Усманова новым первым секретарем был избран председатель Совмина ТАССР М. Шаймиев. М. Шаймиев представлял интересы аграрной номенклатуры. В 1990 г. состоялись выборы депутатов Советов всех уровней, которые дали толчок внутриэлитному конфликту. К этому времени на политическую арену вышло демократическое движение. Накануне выборов в Татарстане, как и в стране в целом, в Казани возникло несколько новых общественных организаций, ставящих своей целью проведение демократически настроенных кандидатов в Советы разных уровней.

В феврале 1990 г. в Казани прошли массовые антиобкомовские митинги, организованные демократическими силами. Однако события развивались не по сценарию волгоградской «революции», закончившейся отставкой обкома КПСС. М. Шаймиев использовал стратегию компромисса, выступив в роли сторонника «мягкой линии» в правящей группе и умело направив энергию

демдвижения против своих основных соперников в ОК КПСС — секретарей обкома Родыгина и Булатова. В результате массовых выступлений «консерваторы» Родыгин и Булатов были отправлены в отставку. Эти действия М. Шаймиева послужили прологом дальнейшего укрепления им собственной власти. К последующим подобным шагам можно отнести его переход в 1990 г. с поста первого секретаря обкома в должность председателя Верховного Совета, а в 1991 г. — его избрание президентом Татарстана. Целесообразность мер по легитимации власти стала очевидна после провала ГКЧП и роспуска КПСС, когда Б. Ельцин начал отправлять в отставку назначенных глав региональных администраций, поддержавших путч.

Процесс демократизации политической жизни в Республике Татарстан берет свое начало во второй половине 1980-х годов. Демократическое реформирование политической системы на общесоюзном уровне стимулировало схожие сценарии политического развития во многих регионах СССР. Первой массовой политической организацией в Татарстане стал Народный Фронт (НФ), созданный в 1988 г. В него вошло большинство «неформальных», точнее — оппозиционных движений, осознавших потребность в координации действий и в официально признанной и зарегистрированной организации. К особенностям Татарстана, в отличие от большинства российских регионов, относится то, что в состав общедемократического движения первоначально входили и татарские этно-националисты. Осенью 1988 г. из Народного Фронта выделился Татарский Общественный Центр (ТОЦ), выступавший под лозунгами возрождения национального самосознания татар. В то же время на базе этнокультурных кружков в РТ образовался ряд татарских этнонациональных партий и движений: «Иттифак», «Азатлык» и др. Выступления татарских этно-националистов содержали обвинения России в империализме, подавлении малых народов и постоянные исторические отсылки к середине XVI в. — периоду, с которого, по их мнению, началась борьба татар за воссоздание своей государственности. Первоначально представители этно-националистических движений в качестве своей цели провозглашали преобразование татарской автономии в составе РСФСР в союзную республику, а после распада СССР — создание полностью независимого государства.

Если в РФ большинство образующихся партий оказывалось в оппозиции КПСС, то в РТ ситуация была иной. Основное противоречие советского общества заключалось в делении общества на народ и привилегированную партийную номенклатуру. На уровне регионов разрешение этого противоречия зачастую принимало конфликтную форму «областных революций», вызванных протестным, уличным движением, вынуждавшим секретарей обкомов КПСС уходить в отставку. Чтобы ослабить давление народа и дезориентировать его,

региональным номенклатурным элитам необходимо было сменить имидж и найти опору в части общественных движений, расколов единый общедемократический фронт.

Для решения первой задачи партийному аппарату необходимо было перейти в государственные структуры, используя идею М. С. Горбачева о совмещении постов в партийных и государственных структурах (весьма реальные права аппаратчиков не были прописаны в законах, и потому Горбачев предложил легитимировать власть аппарата КПСС, связав руководящие должности в обкомах КПСС и в представительных органах регионов). На деле почти треть первых секретарей обкомов на первых же альтернативных выборах не была избрана депутатами и не смогла возглавить Советы соответствующего уровня, а потому автоматически лишилась и поста партийного секретаря. Наученные горьким опытом и прошедшие в депутаты на селе без альтернативы секретари обкомов некоторых регионов решили как можно скорее снять с себя ответственность за скомпрометировавшую себя политику партийной номенклатуры. В частности, М. Шаймиев перешел в председатели Верховного Совета ТАССР и затем в Президенты ТССР, быстро уйдя с поста секретаря обкома и даже выйдя из КПСС.

Не менее важной была и вторая задача, без решения которой номенклатура, сменив негативный имидж, но не обретя новую опору в народе, — долго бы не продержалась у власти, особенно в условиях гласности, митинговой демократии и падения уровня жизни большинства народа. Значит, было необходимо найти мобилизационную базу в стане противника, расколов его.

С этой целью была задействована стратегия перекрестного конфликта. Разработчик этой стратегии Л. Козер¹ (США), развивая идеи Г. Зиммеля, показал, что конфликт в плюралистически сложных обществах обычно является функциональным. Он утверждал, что перекрестные конфликты, в которых союзники по одному вопросу являются противниками по другому, — предотвращают конфликты, идущие вдоль одной оси и разделяющие общество по дихотомическим линиям. Сложные общества заключают в себе множество интересов и конфликтов, что создает уравнивающий механизм, автоматически предотвращающий нестабильность.

Для реализации этой стратегии в Татарии был задействован этнический фактор. Здесь, помимо основного противоречия советского общества «номенклатура — народ», было еще одно, перекрестно направленное по отношению к нему: противоречие между тенденцией к возрождению этнического самосознания татар и сдерживающими его факторами. На уровне организаций этот

---

¹ См.: Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М., 2000.

конфликт развивался так. Сначала (летом 1988 г.) партийный аппарат боролся с Народным Фронтом, включившим в себя всех недовольных правлением номенклатуры. Осенью 1988 г. из Народного Фронта выделился Татарский Общественный Центр (ТОЦ). Власть сделала ставку на ТОЦ и, — присоединившись в 1989 г. к его требованиям союзного статуса Татарии и государственного статуса татарского языка, — вбила клин между ТОЦ и НФ.

Опора номенклатуры на ТОЦ позволила ей сохранить свою монополию на власть, так как конфликт между номенклатурой и народом был в основном «погашен» перекрестным конфликтом, расколом и противостоянием двух первоначально демократических сил: татарского этнополитического движения и гражданского общедемократического.

В 1991 г. зарождаются движения левой ориентации. Вскоре после краха КПСС, в конце 1991 г. возникла Организация коммунистов Республики Татарстан (КПРТ), которая впоследствии перерегистрировалась как Коммунистическая партия Республики Татарстан. Если в России в руководство КПРФ вошла часть партаппарата КПСС, то в Татарстане деятели коммунистической номенклатуры (главным образом татарской национальности) либо остались в аппарате управления, либо были вытеснены или ушли в бизнес, а обновленное коммунистическое движение создавали рядовые члены КПСС и рекрутированные сторонники коммунистической идеи. С нашей точки зрения, это объясняется большей развитостью в России политической инфраструктуры, порождающей возможности политического предпринимательства.

Таким образом, протопартийный этап конца 80-х годов характеризовался как сходными со всем СССР процессами (первоначальное брожение, основанное на идейной борьбе, атомизация политических сил, антиноменклатурная консолидация всей оппозиции), так и специфическими тенденциями (кристаллизация оппозиции в рамках единой организации Народный фронт (НФ) и начало раскола оппозиции, вызванное выделением из НФ Татарского общественного центра (ТОЦ)). Выборы в Верховный Совет ТАССР в 1989 г., на которых депутатами были избраны многие представители демократических и этнонациональных движений, — институционализировали оппозицию.

Опора правящей элиты на татарских националистов и обращение к этнической мобилизации преследовали следующую цель: показать федеральному центру, что существует опасность «чеченского варианта» развития событий и убедить в необходимости ведения переговоров с руководством Татарстана, которое олицетворяет умеренный путь.

Федеральный центр пошел на соглашение с Татарстаном, которое было выставлено его руководством условием проведения общероссийских выборов на территории республики. В феврале 1994 г. были подписаны Договор

«О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», а также более десятка соглашений о разграничении предметов ведения и полномочий, о сотрудничестве в различных сферах общественной жизни, фактически поставившие Республику Татарстан в более привилегированное положение по сравнению с другими субъектами Российской Федерации. В обмен на особый налоговый статус Татарстана, закрепление полуконфедеративных отношений между РФ и РТ и полную свободу действий внутри республики правящая элита РТ переориентировалась на российскую, на всех выборах поддерживая федеральную власть.

Благодаря этой трансформации, обеспечившей новую опору режиму, для него стало возможным отказаться от прямой опоры на этнонациональные движения.

Заключение неформального пакта Ельцин-Шаймиев позволило последнему в 1995 г. на выборах в Государственный Совет РТ вытеснить на политическую обочину принципиальную оппозицию, отстранив ее путем тотальной фальсификации итогов выборов от участия в парламенте.

Новое избирательное законодательство Татарстана существенно ограничило возможности оппозиции. В Верховном Совете РТ, избранном в 1989 г., были созданы две противостоящие группы — «Согласие» (костяк — группа политиков федералистской ориентации «Народовластие») и «Татарстан», состоявший из лидеров национальных движений, бывших секретарей сельских райкомов КПСС, ряда представителей творческих профессий и ориентированный на Президента РТ и Председателя ВС РТ. И если в начале 90-х годов оппозиционные депутаты могли вносить определенные коррективы в ключевые политические документы, то после выборов в Государственный Совет РТ в 1995 г. оппозиция, будучи вытесненной из парламента, — стала не в состоянии выполнять ни функцию влияния на процесс принятия решений, ни функцию контроля за властью, ни функцию политической мобилизации масс. На выборах в Госсовет РТ 1995 г. все политики демократической ориентации (кроме одного) потерпели поражение. К этому моменту производственники, бывшие «городские аппаратчики», входившие в группу «Согласие», были вытеснены в бизнес. В 1994 г. татарские этнонационалисты перешли в оппозицию к руководству РТ. Вместе с другими оппозиционными политическими силами — демократами федералистской ориентации, коммунистами — они сформировали коалицию «негативного консенсуса».

С 1993 г. начинается организационное оформление «партии власти». В 1993 г. была создана республиканская партия «Единство и Прогресс». До-

говор московской и казанской элит оказал влияние и на партийное строительство в республике: в 1995 г. создается татарстанское отделение общероссийского движения «Наш дом — Россия» (институциональное оформление российской «партии власти»), а в 1999 г. под эгидой блока «Отечество — Вся Россия» — движение «Татарстан — новый век». Впоследствии региональная «ОВР» была инкорпорирована в новую российскую «партию власти» — «Единую Россию».

С избранием Президентом РФ В. Путина, не связанного обязательствами с региональными элитами и взявшего курс на восстановление единого политико-правового пространства Российской Федерации, — новым руководством России был инициирован процесс приведения законодательства субъектов РФ в соответствие с общероссийским. Необходимо отметить, что правящая элита РТ начала процесс приведения республиканского законодательства в соответствие с федеральным с перекраивания и отмены наименее значимых для нее законов и путем юридических процедур сумела растянуть его на 4 года.

Наметилась и ответная реакция региональных властей на действия В. Путина, сначала — в виде создания с помощью пиар-акций новых структур. Эта тенденция проявилась в том, что республиканская номенклатура использовала эффективные пиар-акции для продвижения на политический рынок ряда новых движений. Одним из них стало движение «Созидание», которое израсходовало большие средства на политическую рекламу в СМИ (во многих газетах и на ТВ). Создатель «Созидания» А. Шарипов разработал его программу как смесь из популистских лозунгов (типа выборности начальства) и сепаратистско-националистических требований, направленных на разрушение федерации. В частности, А. Шарипов предлагал концепцию конституционной реформы, при которой реформирование конституций субъектов федераций увязывается с изменением Конституции России в целом, причем этот процесс должен проходить снизу вверх, и Конституция РФ должна быть своего рода обобщением конституций и уставов субъектов. В соответствии с его конституционным проектом, выборы в Государственную Думу РФ должны стать косвенными, ее депутатский корпус должен формироваться из депутатов региональных парламентов. Руководители субъектов федерации составляют, как и прежде, верхнюю палату Федерального собрания, но их полномочия значительно расширяются: президент РФ выбирается из числа этих глав путем ротации.

С точки зрения С. Сергеева и З. Сергеевой, «движение «Созидание» должно выполнить роль, сходную с той, что играло этнонациональное движение в 1990–1997 гг.: провести политическую мобилизацию масс на этот раз уже под регионалистскими лозунгами, показав тем самым, что общественность республики выступает за суверенитет республики еще более активно,

чем правящая элита. Отсюда и нападки на президента РТ и республиканский парламент, которые-де недостаточно активно защищают интересы республики. Однако субъект, от лица которого проводится такая мобилизация, и в особенности методы воздействия, — отличаются от тех, что уже использовались в начале 90-х годов»².

Попытка привития общероссийской политической стратификации на татарстанскую почву проявилась в принятии в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях». Этот закон стимулировал процесс укрупнения партий путем слияния существующих организаций близкой политико-идеологической ориентации. В итоге партии начали объединяться как в России в целом, так и в Татарстане. В РТ объединялись не только отделения общероссийских структур, но и местные партии и движения, почувствовавшие как возможность появления выборов по партийным спискам в РТ (что произошло в 2003 г.), так и собственную обреченность. До 1999 г. законы РТ не предусматривали права республиканских отделений общероссийских избирательных объединений выдвигать кандидатов в депутаты как республики, так и районов, городов. И вообще отделения общероссийских избирательных объединений в РТ как субъекты избирательного права не рассматривались, что противоречило закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В соответствии с законом «О политических партиях», наоборот, — лишь отделения общероссийских партий получили право выдвигать кандидатов в депутаты законодательных органов власти субъектов РФ.

Строго по идеологическим партиям (СПС, СДПР, КПРФ) распределились татарские этнополитические организации, тот же процесс был характерен и для демократических движений и иных реальных политических сил.

Правящий в РТ клан использовал тенденцию к укрупнению партий для поглощения всей неноменклатурной инфраструктуры посредством ее подрыва изнутри.

Для этого в одну из объединяющихся партий ей подсылались клиентела. Конфликты между деятелями федералистской и чиновничье-клановой ориентации наблюдались при слиянии татарстанского отделения «Демократического выбора России» и лояльных предпринимателей в СПС, при создании обновленной ДПР и объединении региональных отделений партий социал-демократической ориентации. Эти тенденции были характерны для 2001–2002 гг.

---

² См.: *Сергеев С., Сергеева З.* Феномен постнационализма // Становление многопартийности в РФ и РТ (Материалы Республиканской научно-практической конференции. Казань, 28.11.2000). Сер. Многопартийность в РТ. Т. 1. Казань: 2002. С. 35–39.

В 2002 г. на татарстанском политическом поле появился новый актер — региональное отделение Российской партии ЖИЗНИ. В отличие от федерального уровня, отделение РПЖ в Республике Татарстан с момента своего основания находилось в оппозиции к ее руководству и региональному отделению «Единой России». Это было вызвано тем, что заместителем председателя партии, в течение долгого времени позиционировавшимся как кандидат на должность Президента Татарстана от РПЖ, являлся бывший мэр Набережных Челнов, председатель Комитета по делам Федерации и региональной политике Совета Федерации ФС РФ Р. Алтынбаев, отношения которого с бывшим Президентом РТ М. Шаймиевым можно охарактеризовать как конфликтные. Таким образом, политическое лицо ТРО РПЖ во многом определяло личностное противостояние.

Необходимо отметить, что РПЖ в РТ не относилась ни к одной из трех основных «семей» оппозиционных политических сил (демократы федералистской ориентации, некоммунисты и татарские этнонационалисты), в течение многих лет представлявших оппозиционный электорат, и являлась самостоятельной политической силой.

Практически с момента основания ТРО РПЖ было вынуждено вести политическую деятельность в условиях жесткого прессинга со стороны властей РТ, развязавших откровенную психологическую войну против партии ЖИЗНИ, определяемой ими в качестве своего главного «врага». Запугивание и многочисленные увольнения членов РПЖ с работы, приглашения кандидатов в депутаты от партии для «профилактических бесед» в органы внутренних дел, возбуждение уголовных дел против партийных активистов — лишь немногие из методов, использовавшихся органами власти РТ для «работы» с представителями политической оппозиции. Неприккрытое давление со стороны властей на протяжении четырех лет оставалось неизменным атрибутом деятельности регионального отделения РПЖ в Татарстане.

В ноябре 2006 г. на IV Внеочередной конференции регионального отделения партии «Родина» в Республике Татарстан было принято решение о создании в РТ регионального отделения партии «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь», в Совет которого вошли бывший руководитель татарстанской «Родины» Э. Жижимов и Ф. Хузиханов, до июля 2006 г. возглавлявший ТРО РПЖ. Его члены заявили о недопустимости проведения Р. Алтынбаевым кадровой революции в Татарстане, о поддержке политического руководства республики. Президиум Центрального совета партии «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь» принял постановление, которым были отменены решения конференции татарстанского отделения партии «Родина», как принятые с нарушением устава, председатель Совета регионального от-

деления партии Э. Жижимов исключен из партии, полномочия членов Совета приостановлены.

В декабре 2006 г. было учреждено региональное отделение партии «Справедливая Россия: Родина / Пенсионеры / Жизнь», в состав которого вошли члены партии, ориентированные на Р. Алтынбаева (Р. Алтынбаев вошел в Президиум Центрального совета «Справедливой России»).

По удовлетворенным судебными инстанциями Татарстана искам получившей «отмашку» из казанского Кремля группы Ф. Хузиханова–Э. Жижимова региональное отделение «Справедливой России» в РТ не регистрировалось более года. Однако, уже в преддверии кампании по выборам в Государственную Думу ФС РФ 2007 г. региональное отделение «Справедливой России» стало лояльным республиканскому руководству. Эта же тенденция проявилась на выборах в Государственный Совет РТ в 2009 г. Руководство регионального отделения надеялось обменять лояльность на депутатские места в Госсовете. Ожидания не оправдались: ни один из кандидатов «Справедливой России» депутатом не стал. Прежние обиды, личностное противостояние М. Шаймиева и Р. Алтынбаева забыты не были. Ситуация, сложившаяся вокруг регионального отделения «Справедливой России», высветила искусственно сконструированную оппозиционность подобного рода организаций. Это явилось отблеском общероссийских тенденций. Если три основные «семьи» татарстанских оппозиционных политических сил (демократы федералистской ориентации, некоммунисты и татарские этнонационалисты) опирались на идеологическую базу, то региональное отделение «Справедливой России» — в силу ее отсутствия — стало хоть и четвертым, но лишним колесом в «оппозиционной телеге».

Уход М. Шаймиева с поста Президента РТ породил у наблюдателей надежды на «оттепель» в общественно-политической жизни республики. Однако ход политического процесса пока эти надежды не оправдывает. Несмотря на то, что новый президент республики Р. Минниханов возглавляет республику уже более полутора лет, изменений в политической команде, доставшейся ему в наследство от М. Шаймиева, практически нет.

Муниципальные выборы 2010 г. вновь прошли по неизменному сценарию: с многочисленными нарушениями в ходе избирательного процесса и массовыми фальсификациями. Необходимо отметить, что, например, в Казани их ход контролировал мэр города И. Метшин — выдвиженец М. Шаймиева. Стиль и методы взаимодействия с оппозицией были унаследованы от бывшего патрона, что в полной мере проявилось на муниципальных выборах. Вместе с тем, можно констатировать и появление новых технологий. Если раньше альтернативные «Единой России» партии (кроме КПРФ) не пропу-

скались в парламент, то, например, в настоящее время в Казанской городской Думе присутствуют представители всех партий «большой четверки» — «ЕР», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Однако городская администрация провела в верхние части списков по крайней мере двух из них (ЛДПР и «СР») лояльных людей, в силу чего их избрание не стало угрозой для статус-кво нынешней городской власти. Все они проголосовали за избрание главой города кандидата от «Единой России» И. Метшина.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении более чем двадцатилетнего периода правящая элита Республики Татарстан действует по отношению к политической оппозиции, исходя из принципа «всякая оппозиция — в принципе нежелательное, а когда позволяют обстоятельства, — и недопустимое явление, но если приходится считаться с ней, — предпочтительнее навязывать ей правила игры «сверху», все время меняя их в зависимости от соотношения сил в обществе в целом»³. Как было показано в статье, для ее нейтрализации в зависимости от политической ситуации применяется большой арсенал методов: от формально-правовых до жесткого прессинга. Пока эти методы позволяют превращать в ширму любые демократические институты. О реальном сотрудничестве с оппозицией в процессе принятия политических решений говорить не приходится, в отношениях с ней власть ведет себя как заведомо более сильная сторона. Демократические механизмы разрешения конфликтов власти и оппозиции не являются характерными для политической ситуации в современном Татарстане, в большей степени ей присущи черты авторитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995.
2. *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.
3. *Сергеев С., Сергеева З.* Феномен постнационализма // Становление многопартийности в РФ и РТ (Материалы Республиканской научно-практической конференции. Казань, 28.11.2000). Сер. Многопартийность в РТ. Т. 1. Казань: КГТУ, 2002.

---

³ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.

Е. В. Грязнова, И. Л. Матяева (Нижний Новгород)

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

Исследования показывают, что общество знания является историческим и логическим продолжением информационного общества, в котором информационная сфера является основополагающей¹. Мы, со своей стороны, считаем, что говорить надо не об информационной сфере, а о духовной сфере общества, которая в современных условиях не может существовать отдельно от сферы информационно-технической: она базируется на ее основе. Поэтому и образовательная сфера, как и педагогическая сфера в целом, являясь элементом сферы духовной, — также развивается на основе информационно-технического потенциала.

Сама сфера общественной жизни немонолитна: она имеет собственную структуру. Анализируя многочисленную литературу по проблемам сферного подхода в исследовании общества², мы увидели, что структура сфер общественной жизни представляется авторами достаточно неоднозначно³. Универ-

---

¹ См.: *Майер Б. О., Наливайко Н. В.* Об онтологии качества образования в обществе знания // *Философия образования*. 2008. № 3 (24). С. 4–18; *Ефременко Д. В.* Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // *Вопросы философии*. 2010. № 1; *Бехманн Г.* Общество знания — краткий обзор теоретических поисков // *Вопросы философии*. 2010. № 2. С. 12–15; *Алексеева И. Ю.* Общество знаний: посткапиталистическая перспектива России // *Информационное общество*. 2011. № 2. С. 9–17 и др.

² См.: *Диалектика основных сфер общественной жизни*. Киев: Вища шк., 1983; *Семашко Л. М.* Сферный подход: философия, демократия, рынок, человек. СПб., 2011; *Семенова В. Э.* Особенности гендерных отношений субъектов деятельности в системе сфер общественной жизни. Нижний Новгород, 2007.

³ См.: *Грибакина Э. Н.* Социальная сфера общества, ее специфика (классообразующий срез). Екатеринбург, 1992; *Ремизов И. Н.* Экологическая сфера общества: современные тенденции и перспективы развития. Краснодар, 1998; *Буряшева Л. А.* Традиционное и новационное в духовно-нравственной сфере социального бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2008; *Бозаджиев, П. А.* Экономическая сфера современного общества: содержание и тенденции развития: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2010 и др.

сальная, на наш взгляд, структура общественной сферы жизни представлена в работах Л. А. Зеленова, где выделяется пять социальных образований: способности, потребности, деятельность, отношения, институты⁴. Дистанционное образование, являясь видом образования и элементом педагогической сферы общества, — конечно же, может и должно рассматриваться по аналогичной схеме.

ПОТРЕБНОСТИ И СПОСОБНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Из работ П. М. Ершова следует, что в потребностях человека как расхождении необходимого и фактического состояния человека выражается диалектическая природа потребности как источника, движущей силы деятельности (противоречие необходимого и фактического)⁵. В этом отношении потребности выступают как побудительная сила деятельности, т. е. как тот потенциал человека, который стимулирует деятельность. Исходя из данного определения, можно предположить, что образовательные потребности — это исходное, базовое понятие, без которого невозможно возникновение самой образовательной сферы. Они вырастают из практики, из реального противоречия между фактической и необходимой информацией, или одним из ее видов — знанием.

Потребности дистанционного образования формируются, прежде всего, благодаря ряду преимуществ дистанционного экстерната по сравнению с традиционными формами образования, которые можно обобщенно представить, опираясь на работы, посвященные исследованию данной проблемы⁶: гибкий график процесса обучения; доступ к учебным материалам в любом месте и в любое время; практически постоянная связь с преподавателями; возможность одновременно получать образование в нескольких учебных заведениях или по нескольким специальностям; работа обучаемого в ходе дистанционного образования предусматривает развитие навыков самостоятельной познавательной деятельности и освоение им современных электронных технологий обучения.

---

⁴ См.: Зеленов Л. А. Становление личности. Горький, 1989. С. 142.

⁵ См.: Ершов П. М. Потребности человека. М., 1990.

⁶ См.: Гулякин Д. В. Дистанционное обучение как фактор формирования социально-информационной компетентности будущего специалиста // Дистанционное и открытое образование. 2010. № 2; Рабаданова Р. С. Информационно-образовательная среда опережающего обучения профессиональной подготовки студентов вузов // Дистанционное и открытое образование. 2011. № 2; Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М., 2011 и др.

Рост потребностей дистанционного образования, продиктованный тенденциями развития современного общества, — приводит к возникновению целого ряда диалектических противоречий с его способностями. Имеющийся материал позволяет выделить наиболее важные из них⁷:

- между повышенным спросом на образовательные услуги и отсутствием готовности образовательных учреждений предоставлять требуемые услуги в быстро изменяющихся условиях рынка труда;
- между широкомасштабным и стихийным эмпирическим внедрением дистанционного образования на основе интерактивных методов управления учебным процессом, компьютерных программно-учебных средств и неразработанностью системного подхода к проектированию, построению и эксплуатации систем дистанционного образования, типовых моделей и компонентов системы и его инфраструктуры;
- между потребностью в педагогических кадрах, имеющих квалификацию, достаточную для организации дистанционного образования в учреждениях начального и среднего профессионального образования, и отсутствием соответствующей концепции и программ их подготовки.

Таким образом, мы видим, что потребность любого вида мобилизует способности общества для ее удовлетворения. Это две сущностные силы человека: побудительная и деятельная. Образовательные потребности и способности — это действительно родовые (присущие всем людям) качества, которые образуют структуру человеческого образовательного потенциала. Именно их единство определяет возможность деятельности, а значит — и включения человека в социальные отношения, которые конституируются в систему социальных институтов. Иначе говоря, именно на этом базисе человеческого потенциала создается вся система педагогической сферы общества.

«Образовательный потенциал страны, — пишет А. Никитов, — следует понимать как совокупную способность образовательной отрасли воспроизводить квалификационно-образовательный уровень трудовых ресурсов»⁸. Как нам кажется, трудовые ресурсы образовательный потенциал включать не должен, ибо ресурсы, которые он содержит, — прежде всего информационные, а трудовыми они станут уже в процессе трудовой, а не образовательной деятельности. В данном случае мы полностью согласны с мнением Н. И. Генди-

---

⁷ См.: Бурмистрова А. С. Развитие дистанционного обучения в начальном и среднем профессиональном образовании: автореф. канд. педагог. наук. М., 2007; Адольф В. А., Ковалевич И. А. Современные подходы к использованию информационно-образовательного потенциала образовательного учреждения для профессиональной ориентации учащихся в контексте их успешной социализации // *Современные проблемы науки и образования*. 2009. № 4, и др.

⁸ Никитов А. Состояние и динамика образовательного потенциала России и развитых стран // *Власть*. 2011. № 1. С. 78.

ной: «Вхождение человеческой цивилизации в информационное общество и общество знаний предъявляет качественно новые требования к системе образования. Целью образования становится не подготовка человека к будущей деятельности (прежде всего, профессионально) накопления впрок как можно большего объема готовых, систематизированных, изначально истинных (в силу авторитета науки) знаний, а развитие личности, овладению ею способами обретения существующих и порождения новых знаний»⁹. В связи с этим следует предположить, что требуется расширение контекста концептуального анализа современного образования в целом и дистанционного — в частности. Одним из вариантов может служить подход, с позиции которого современное образование следует рассматривать «как феномен, где определяющими становятся информационные потоки и ресурсы знания»¹⁰.

При этом необходимо учитывать, что сам по себе человеческий потенциал — это всего лишь потенциал, который нуждается в материальных средствах, ресурсах для своей реализации. Конечно, мы понимаем, что потребности и способности человека базируются на объективных основаниях, в качестве которых выступают биологический потенциал человека и внешний социальный опыт. Но именно соединение этих двух слагаемых и дает тот духовный потенциал человека, который выступает во всем богатстве развернутых субъективных форм потребностей и субъективных форм способностей, среди которых мы и выделяем дистанционное образование. Не надо доказывать, что вся совокупность знаний, умений и ценностей являются содержанием внутреннего, субъективного мира человека, образуют его духовный потенциал, реализуется в его деятельности.

Очевидно, что, говоря о потенциале дистанционного образования, — мы должны иметь в виду тот факт, что образовательный потенциал напрямую связан с потенциалом информационным. Потенциал дистанционного образования следует рассматривать как совокупность знаний и как совокупность информационных ресурсов, подготовленных для передачи и усвоения субъектами в процессе социализации. Что касается информационного ресурса, то в самом общем виде это — социальная информация, хранящаяся на различных носителях, предназначенная для использования субъектом в информационных процессах¹¹. Знание — сложное понятие, существующее как в субъективном (личностном), так и в объективном (общественном) виде.

---

⁹ Цит. по: Майер О. Б., Наливайко Н. В. Об онтологии качества образования в обществе знания // *Философия образования*. 2008. № 3. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ См.: Перчук Е. Е. Информатизация и информационная безопасность (философско-методологические аспекты): автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2002. С. 13.

Сегодня потенциал дистанционного образования является одним из основополагающих элементов образовательной сферы, так как он определяет ее работоспособность. Понятно, что речь идет не о «мертвых» информации и знаниях, а о людях, субъектах образовательной деятельности, способных передать и освоить информационные ресурсы.

Можно было бы и дальше углубляться в раскрытии понятия потенциала дистанционного образования. Однако без остальных компонентов, а именно — деятельности, социальных отношений и институтов — этот процесс превратится в пустой разговор, ибо потенциал человека не формируется и не реализуется вне социального взаимодействия.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Информационное общество и общество знания предполагает формирование как нового вида общественных отношений, так и нового вида информационного взаимодействия, а, следовательно, — и новых видов образовательной деятельности, одним из которых и является дистанционное образование. Если деятельность определяется как целесообразное взаимодействие человека с предметным миром, то информационную деятельность следует определить аналогично, с той лишь разницей, что целесообразное взаимодействие будет осуществляться не с предметным миром, а с информационным. Такой подход к понятию информационной деятельности был разработан Е. В. Грязновой¹², согласно которой:

а) информационная деятельность является функциональным стержнем всей духовной сферы, ибо она не только реализует информационные потребности и способности (образовательный потенциал), но и генерирует определенный вид социальных отношений и институтов;

б) информационная деятельность, как многокомпонентное образование, — включает в себя базовые компоненты: субъект, объект, средства, процесс, условия, результат, система, среда;

в) в дистанционном образовании, которое реализуется на основе информационных и компьютеризированных форм социального взаимодействия, происходит трансформация всех элементов деятельности. Особенно это актуально, когда речь идет об информационных объектах и квазисубъектах.

Сегодня, в условиях развития общества знания, становится очевидно, что деятельность в сфере дистанционного образования является неотъемлемой частью образовательной сферы в целом и всех других сфер общественной

---

¹² См.: Грязнова Е. В. Информационная реальность и социум. Н. Новгород, 2010. С. 50–51; Грязнова Е. В., Пасхин Е. Н. Человек в информационном мире. М., 2010.

жизни. Это значит, что именно на основе дистанционного образования как деятельности формируются и особые социальные отношения и институты. Иными словами: происходит трансформация всей общественной системы.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИНСТИТУТЫ

В ходе образовательной деятельности, носящей информационный и компьютеризированный характер, — субъекты вступают в различные отношения между собой по поводу средств, процессов, результатов, объекта, условий. Социально-философский подход дает ряд общепризнанных положений: в качестве конкретных носителей любых социальных отношений выступают социальные субъекты; эти отношения могут быть опосредованы вещами, предметами, природой, техникой, средой и т. д.; общение и деятельность являются видами общественных отношений; основным элементом социального взаимодействия — социальная информация; само информационное взаимодействие является основой и деятельности, и общения, и коммуникации, и общественных отношений.

Основываясь на данных положениях и учитывая специфику информационного взаимодействия, Ф. И. Розанов пишет: «В современном информационном мире образование должно измениться и сделать своей сутью взаимный информационный обмен в системе “ученик–учитель”, подразумевающий свободное творчество, равноправие и взаимное обучение в процессе совместной практической деятельности»¹³.

В социальных науках понятием «социальный институт» обозначается многообразный круг явлений и процессов в обществе. Совокупность всех имеющихся институтов характеризует способ организации общественной жизни в целом. В социологии этим термином обозначают «различные спектры социально регулируемого и организованного поведения людей»¹⁴. В данном случае трудно не согласиться с мнением А. А. Давыдова, считающим, что социальный институт как устойчивая форма человеческого поведения — это «объединение людей, выполняющих специфические функции по удовлетворению общих потребностей»¹⁵, интересов, свойственных кому-либо одновременно с другими.

---

¹³ Розанов Ф. И. Информационный обмен как основа образования будущего // *Философия образования*. 2010. № 1 (30). С. 64.

¹⁴ Седов Л. А. Институт социальный // *Современная западная социология*. М., 1990. С. 117; Сыроева В. А. Социология. Социальные институты. М., 2002. С. 1.

¹⁵ Давыдов А. А. Системная социология. М., 2006. С. 58.

Анализируя многочисленные подходы к определению понятия социальный институт, — можно заключить, что вид деятельности является основой формирования и соответствующего социального института. Дистанционное образование как деятельность — формирует различные стабильные организационные формы своего существования (отделения, институты, организации, учреждения, заведения и пр.). Их специфика состоит в том, что они интегрируют в себе все предыдущие информационные образования: потенциал и отношения. Это и позволяет трактовать институты дистанционного образования как интеграторы педагогической и, далее, — духовной сферы общества.

Стратегическая цель государственной политики в области образования — повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина. Реализация этой цели предполагает решение следующих приоритетных задач:

- модернизация институтов дистанционного образования как инструментов социального развития;
- формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей, участие в международных сопоставительных исследованиях;
- обеспечение инновационного характера базового образования в соответствии с требованиями экономики, основанной на знаниях;
- создание современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров¹⁶.

Согласно распоряжению премьер-министра В. В. Путина от 3 февраля 2010 г., — создан департамент науки, высоких технологий и образования правительства Российской Федерации. В сферу ведения нового департамента войдут вопросы государственной политики в области научно-технического обеспечения инновационного развития российской экономики, модернизации системы профессионального образования в стране, кадрового обеспечения в сфере образования и науки, особенно — в перспективных инновационных областях, формировании национальных исследовательских центров, сети федеральных и исследовательских университетов¹⁷.

В работах последних лет, посвященных проблемам образования, показано, что к современным тенденциям развития образования относятся такие, как ди-

---

¹⁶ См.: О рекомендациях по проведению августовских педсоветов // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. — Электронный ресурс: <http://www.mon.gov.ru/>

¹⁷ См.: Аппаратная реформа // Официальный сайт Группы «Эксперт». — Электронный ресурс: <http://www.expert.ru/>

версификация, интернационализация, индивидуализация, развитие опережающего и непрерывного образования, его интенсификация и компьютеризация, а также — развитие принципов цикличности и многоступенчатости¹⁸. Все эти тенденции должны способствовать возрастанию качества образования в соответствии с современными требованиями социально-экономического развития общества.

Присоединение России к Болонской декларации (2003 г.), принятой большинством европейских стран, означает движение нашей страны в направлении сближения образовательных систем мирового сообщества. В свою очередь, интеграция и интернационализация образования формируют мировой рынок образовательных услуг. В первую очередь речь идет о системах открытого и дистанционного образования. Сегодня появилась возможность развития государственного и негосударственного образования, основанных на новых информационных технологиях, что требует разработки нового подхода к системе образования с переосмыслением его целей и сущности как социального института.

Открытое образование ориентировано на подготовку обучаемых к полноценному и эффективному участию в общественной и профессиональной областях в условиях рыночных отношений и адаптации к быстро меняющейся социальной обстановке. Придание системе образования качеств открытой системы влечет кардинальное изменение ее свойств в направлении большей свободы при планировании обучения, выборе места, времени и темпа, в переходе от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь». Развитие системы дистанционного образования в России только начинается, но, несмотря на это, — количество образовательных учреждений, отделений и центров дистанционного образования на территории РФ растет с каждым годом, как показывают статистические исследования¹⁹.

В системе российского образования использование информационно-коммуникационных технологий чаще встречается в нетрадиционной (негосударственной) системе образования. Однако многие российские университеты активно используют информационные и сетевые технологии в системе очного

---

¹⁸ См.: Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М., 2010; *Наливайко Н. В., Ушакова Е. В.* О роли образования в обществе XXI в. // *Философия образования.* 2010. № 1(30). С. 71–80; *Горшков М. К., Ключарев Г. А.* Непрерывное образование в контексте модернизации. М., 2011; *Шереги Ф. Э., Савинков В. И.* Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России. М., 2011, и др.

¹⁹ См.: *Шереги Ф. Э., Савинков В. И.* Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России. М., 2011.

обучения. В результате этого более эффективное использование современных образовательных технологий в традиционной системе образования постепенно ведет к тому, что, вероятно, будет стираться грань между очными, заочными и дистанционными формами обучения, что и является характерной чертой системы открытого образования. Формирование новой модели подготовки специалистов учитывает не только квалификационную модель специалиста, но и модель компетентностную²⁰. Компетентностный подход в образовании является сегодня важнейшей инновацией, соответствующей задачам подготовки специалистов на современном этапе. Компетентность специалиста включает как знания, умения, навыки, так и способы их реализации в деятельности и в общении. В этой модели специалиста цели образования связываются с междисциплинарными интегрированными требованиями к результату образовательного процесса. Если целью профессионального образования является обучение человека что-то делать, приобрести профессиональную квалификацию, — то целью компетентностной модели специалиста является обучение работать в группе и выработка способности к решению многочисленных задач в различных ситуациях.

Создаваемая единая система управления качеством образования является методологической основой для перевода образовательных систем в новое состояние, обеспечивающее открытость и новое качество образования, адекватное потребностям развивающейся личности, социума и рынка труда. Таким образом, — становление и развитие открытой образовательной системы предполагает разработку современных технологий качества, включая технологии качества управления этими сложными системами.

В результате проведенного исследования можно заключить:

1. Анализ дистанционного образования как элемента социальной системы, — позволил рассмотреть его в качестве компонента образовательной сферы, выделив в нем такие основные составляющие, как потенциал (потребности, способности), деятельность, социальные отношения и институты.

2. Исследование проблем дистанционного образования, связанных с тенденциями развития современного общества, — дало возможность определить основные из них:

- формирование потенциала дистанционного образования зависит от уровня информационной культуры как отдельно взятой личности, так и общества в целом. В свою очередь, — потенциал дистанционного образования

---

²⁰ Чуркин И. Ю., Чуркина Н. А. Компетентностный подход в образовании // *Философия образования*. 2010. № 3 (32). С. 121–127; Губарев В. В., Никитин Ю. В. Методика и программная система мониторинга приобретения образовательных компетенций // *Дистанционное и открытое образование*. 2010. № 4 (40). С. 19–26.

оказывается важным механизмом развития информационной культуры, а, следовательно, — и модернизации всей общественной системы и педагогической сферы особенно;

- деятельность, социальные отношения и институты дистанционного образования имеют информационный характер и специфику, определяемую информатизацией и компьютеризацией общества. Отсюда возникает проблема целостного, комплексного изучения социальных последствий активного использования дистанционного образования в процессах социализации личности.

Проведенное исследование показало, что дистанционное образование становится мощным механизмом модернизации общественной системы, что отвечает запросам и требованию современной ситуации в мире. Однако мало изученным остается вопрос о том, какие последствия такая модернизация будет иметь для процесса социализации личности и ее результатов. Эта проблема и станет предметом наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адольф В. А., Ковалевич И. А.* Современные подходы к использованию информационно-образовательного потенциала образовательного учреждения для профессиональной ориентации учащихся в контексте их успешной социализации // *Современные проблемы науки и образования.* — 2009. № 4.
2. *Алексеева И. Ю.* Общество знаний: посткапиталистическая перспектива России // *Информационное общество.* 2011. № 2.
3. *Бехманн Г.* Общество знания — краткий обзор теоретических поисков // *Вопросы философии.* 2010. № 2.
4. *Горшков М. К., Ключарев Г. А.* Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011.
5. *Грязнова Е. В.* Информационная реальность и социум. Н. Новгород: ННГАСУ, 2010.
6. *Грязнова Е. В., Пасхин Е. Н.* Человек в информационном мире. М.: Пушкинский институт, 2010.
7. *Губарев В. В., Никитин Ю. В.* Методика и программная система мониторинга приобретения образовательных компетенций // *Дистанционное и открытое образование.* 2010. № 4 (40).
8. *Гулякин Д. В.* Дистанционное обучение как фактор формирования социально-информационной компетентности будущего специалиста // *Дистанционное и открытое образование.* 2010. № 2 (38).
9. *Ефременко Д. В.* Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // *Вопросы философии.* 2010. № 1.
10. *Зеленов Л. А.* Становление личности. Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1989.

11. *Майер Б. О., Наливайко Н. В.* Об онтологии качества образования в обществе знания // *Философия образования*. 2008. № 3 (24).
12. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М.: ЦСПиМ, 2010.
13. *Наливайко Н. В., Ушакова Е. В.* О роли образования в обществе XXI в. // *Философия образования*. 2010. № 1 (30).
14. *Никитов А.* Состояние и динамика образовательного потенциала России и развитых стран // *Власть*. 2011. № 1.
15. *Рабданова Р. С.* Информационно-образовательная среда опережающего обучения профессиональной подготовки студентов вузов // *Дистанционное и открытое образование*. 2011. № 2 (41).
16. *Розанов Ф. И.* Информационный обмен как основа образования будущего // *Философия образования*. 2010. № 1(30).
17. *Семенова В. Э.* Особенности гендерных отношений субъектов деятельности в системе сфер общественной жизни. Нижний Новгород: МГЭИ, 2007.
18. *Чуркин И. Ю., Чуркина Н. А.* Компетентностный подход в образовании // *Философия образования*. 2010. № 3 (32).
19. *Шереги Ф. Э., Савинков В. И.* Образование как фактор формирования интеллектуального потенциала России. М.: ЦСПиМ, 2011.

*Трибуна студента,
аспиранта, соискателя*

Д. А. ЧЕРЕЗОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

После демонтажа в 1991 г. советского социализма в России был выращен криминально-бюрократический капитализм, подвергшийся деструктивному воздействию многочисленных факторов в постсоветский период. На финише 1990-х годов общественным мнением была востребована стабильность государства, которая начала складываться не только благодаря действиям нового руководства страны, но и многих других факторов и обстоятельств. В сентябре 2008 г. на Россию обрушился глобальный финансово-экономический кризис, обусловивший весьма болезненные и негативные последствия для страны. На глазах начал распадаться негласный социальный контракт: «благо-сосостояние и стабильность в обмен на лояльность к власти». В этих условиях ответом на такой глобальный вызов стала системная модернизация общества, направленная, по словам Президента России Д. А. Медведева, на расширение социального пространства свободы, «чтобы отдельная жизнь была под охраной государства, чтобы основные права и свободы были защищены этим государством»¹.

В равной мере сказанное относится и к собственно социальным правам и свободам российских граждан, которые обеспечиваются посредством разработки и реализации эффективной и адресной социальной политики, имеющей системный характер. Последняя в недореформированном российском обществе выступает существенным фактором обеспечения не только неуклонного роста уровня и качества жизни основных групп населения, но также укрепления политической стабильности и последовательного формирования цивилизованной модели социально-правового государства. Более того, формирование такого государства, без преувеличения, является не только фактором достижения на практике верховенства права, разделения властей, политиче-

---

¹ Электронный ресурс: <http://news.kremlin.ru>

ской стабильности и полнокровной демократии, но и средством обеспечения «достойной жизни и свободного развитие каждого человека»².

В свете вышеизложенного определенную научную актуальность приобретает изучение роли социальной политики в обеспечении стабильности государства и общества в современной России. Для решения этой задачи в статье предусматривается осветить сущность и структурные компоненты социальной политики как системного образования, выявить ее специфику в современном российском обществе и показать ее роль в обеспечении стабильности государства.

Знакомство с научной литературой позволяет увидеть значительный разброс мнений как по поводу факторов обеспечения стабильности³, так и по вопросу о сущности социальной политики. Так, определенный интерес представляет мнение о комплексе основополагающих факторов, воздействующих на формирование стабильности общества и государства⁴, включая их разделение на объективные (политические институты и культура) и субъективные (эффективность и легитимность власти)⁵. Среди объективных факторов формирования стабильности выделяется роль политической власти в управлении обществом, экономикой и социальной сферой, тип политического лидерства, состояние социально-классовой структуры, в особенности — развитость среднего класса, а также форма правления, тип политического режима, уровень развития гражданского общества и государственной идеологии, включая уровень легитимности власти и эффективности ее социально-экономической

² Ст. 7 Конституции Российской Федерации. М., 1993. С. 7.

³ См.: *Бороноев А. О.* Проблема становления социальной стабильности в постсоветской России // *Россия и Китай: динамика реформирования и развития* / под ред. Н. Г. Скворцова. СПб., 2005; *Бляхер Л. Е.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005; *Галкин А. А.* Стабильность и изменения сквозь призму культуры // *Политические исследования.* 1998. № 5. С. 114–122; *Жириков А. А.* Политическая стабильность российского государства (Этнополитический анализ). М., 1996; *Лазарев М. В.* Политическая лояльность как фактор стабильности государства: автореф. дис. ... докт. пол. наук. М., 2004; *Левада Ю. А.* Стабильность в нестабильности // *Общественные науки и современность.* М., 2003. № 5; *Макарычев А. С.* Стабильность и нестабильность при демократии // *Политические исследования.* 1998. № 1; *Негрова М. С.* Политические факторы стабильности российского общества: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. пол. наук. СПб., 2009; *Паутова Л. А.* Повседневное представление о стабильности. Омск, 2004; *Савин С. Д.* Институциональные факторы стабильности российского общества // *Общество и власть: Проблемы взаимодействия* / отв. ред. В. Д. Виноградов. СПб., 2006; *Семигин Г. Ю.* Политическая стабильность российского общества в условиях реформ. М., 1996 и др.

⁴ См.: *Основы стабильности общества: Теория и практика* / общ. ред. Я. А. Пляйса, Г. В. Полуниной. М., 2001.

⁵ См.: *Савин С. Д.* Политическая стабильность в изменяющемся обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2003.

политики. Разделение факторов на объективные и субъективные указывает на степень их управляемости и характеризует долгосрочность их влияния на процесс стабилизации. Наличие эффективных властных институциональных механизмов является основой стабильности, позволяющей обществу поступательно развиваться, не выходя за пределы структурной устойчивости системы как целого.

Что же касается социальной политики, то, прежде всего, ее нередко трактуют в широком смысле слова, согласно которому она представляет собой регулирующее воздействие на общество, «основанное на системе правил (норм), нормативных структур, принимающих решения и организующих деятельность, которая способствует вовлечению в политические процессы различных субъектов. Цель такого воздействия — способствовать формированию общности интересов широких слоев населения и тем самым консолидировать общество, добиваясь поддержки им деятельности государства»⁶.

В более узком смысле слова определяют социальную политику И. А. Григорьева, В. П. Милецкий, А. И. Стребков, Е. И. Холостова, В. Ф. Шрейдер и др.⁷ Так, по мысли И. А. Григорьевой, социальная политика есть «взаимодействие государства, экономических структур и гражданского общества по координации деятельности различных социальных групп и социально-территориальных общностей в сфере производства, распределения и потребления, позволяющая — согласовывать интересы этих групп с интересами человека и долгосрочными целями общества»⁸. Более убедительную точку зрения представляет В. Ф. Шрейдер, по мнению которого, социальная политика есть «конвенциональный вид публичной политико-управленческой деятельности социальных субъектов и институтов государственной и муниципальной власти, направленной на предоставление населению всех уровней эффективных управленческих услуг по контролю, упорядочению и регулированию функционирования и развития всех компонентов социальной сферы общества в целях оптимизации воспроизводства и развития человека как субъекта и объекта обществен-

---

⁶ Капицин В. М. Социальная политика и право // Российский журнал социальной работы. 1998. № 8. С. 37.

⁷ См.: Григорьева И. А. Социальная политика; взаимодействие государства, общества и человека. СПб., 2005; Холостова Е. И. Социальная политика. М., 2001; Милецкий В. П., Казаринова Н. В. Системное содержание современной социальной политики. СПб., 2010; Смирнова Т. М. Социологическое исследование социальных проблем: интегративный подход: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. СПб., 2010; Шрейдер В. Ф. Региональное измерение социальной политики местного самоуправления (на примере Г. Омска): автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2006.

⁸ Григорьева И. А. Социальная политика; взаимодействие государства, общества и человека. С. 15.

ной жизнедеятельности»⁹. Сходной точки зрения придерживаются и другие ученые, которые предпринимают интересную попытку раскрыть содержание социальной политики как системного образования в современном обществе. В соответствии с этой позицией, составными частями системного содержания социальной политики являются «*объект политико-управленческого воздействия* — социальная сфера общества, и *политико-управленческий комплекс*. Последний обеспечивает артикулирование и агрегирование социальных интересов, нужд и потребностей общества, а также отстаивает и реализовывает их в активной, адресной и эффективной социальной политике на практике»¹⁰.

Таким образом, социальная политика как системное образование представляет собой диалектическое единство двух начал, каждое из которых вносит свой вклад в обеспечение стабильности государства и общества, ибо получает признание у населения только та политика, которая обеспечивает достижение осязаемых социально-экономических результатов, благотворное влияние которых ощущают на себе основные группы населения. В равной мере это относится и к социальной политике, результативность которой должна выражаться в прогрессивных изменениях в социальной сфере общества. Поэтому уместно сказать, что необходимым условием позитивного воздействия на стабильность государства является системность политико-управленческий комплекса социальной политики, а достаточным условием выступает поступательное совершенствование социальной сферы общества под воздействием социальной политики. Именно в единстве этих двух начал социальная политика активно способствует укреплению стабильности государства и общества. Приоритетная роль в этом системном образовании принадлежит политико-управленческому комплексу социальной политики, благодаря позитивному воздействию которого на социальную сферу общества происходит ее совершенствование, обуславливающее укрепление стабильности государства в целом. Поэтому необходимо остановиться на освещении основных компонентов политико-управленческого комплекса социальной политики.

В современной литературе к основным элементам содержания такого системного образования, как управляющий комплекс социальной политики, относятся государственная и муниципальная власть, выступающая ее субстанциональным компонентом, а также социальные субъекты и институты государственной и муниципальной власти, процессуально-нормативные составляющие (полный управленческий цикл управленческого процесса),

---

⁹ Шрейдер В. Ф. Региональное измерение социальной политики местного самоуправления (на примере Г. Омска). С. 15.

¹⁰ Милецкий В. П., Казаринова Н. В. Системное содержание современной социальной политики. С. 9.

включающие такие элементы, как нормативно-правовые установления, «дерево целей», принципы, методы и технологии политико-управленческого воздействия на социальную сферу общества, а также ресурсные (инфраструктурные) компоненты¹¹.

Среди ключевых компонентов системы социальной политики главная роль принадлежит самой государственной и муниципальной власти или «властной подструктуре», выступающей первичным компонентом управляющего комплекса социальной политики. Ее место и роль в политическом управлении социальной сферой проистекает из природы феномена власти, которая выступает центральным элементом политики. Обязательными атрибутами политической власти в собственном смысле слова являются ее публичный характер, всеобщность для населения конкретной территории, моноцентризм и обеспеченность многообразными материальными и другими ресурсами. Всеми этими признаками обладает государственная и муниципальная власть в России как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. При этом государственная власть в силу своего императивного характера выступает центральным элементом данного комплекса и представлена в законодательной, исполнительной и судебной ветвях на федеральном и региональном уровнях. Она имеет несомненный приоритет перед муниципальной и общественно-политической формами власти.

Среди других структурных компонентов особую роль играют социальные субъекты государственной и муниципальной власти, к которым относятся разнообразные, преимущественно социально-профессиональные общности и группы людей, которые на законном основании наделены полномочиями политической власти, а также обладают необходимой квалификацией, опытом, навыками и средствами. В демократическом обществе свою власть осуществляют преимущественно элитарные и социально-профессиональные группы избираемых на выборах всех уровней депутатов, руководителей исполнительной власти (Президент, губернаторы, мэры крупных городов, главы администрации и др.) и назначаемых ими профессиональных управленцев-чиновников. От качественного состава и профессионализма социальных субъектов власти в решающей степени зависит эффективность осуществляемой в стране, регионах и муниципальных образованиях социальной политики.

В отличие от социальных субъектов системы социальной политики — политические институты выступают стабильной основой обеспечения непрерывного управленческого воздействия на социальную сферу и достижения поставленных целей. При этом:

---

¹¹ Там же. С. 24–40.

1. Представительную и нормотворческую функцию в этой системе выполняют институты законодательной госвласти и муниципальные представительные институты (местные советы), к которым в России относятся Федеральное Собрание страны, законодательные органы субъектов РФ, муниципальные советы и т. д. В своих нормативных документах они регламентируют основные направления социальной политики в стране, в субъектах федерации и муниципальных образованиях, уточняют бюджетные расходы на развитие социальной сферы.

2. К исполнительной ветви государственной власти на федеральном уровне относятся институты Главы государства (Президент России) и Правительства, а в субъектах федерации — относятся институт главы региона или правительство. На уровне местного самоуправления исполнительными функциями в области социальной политики обладают мэры крупных городов и главы администраций муниципальных образований. Они осуществляют оперативное управление социальной сферой и обеспечивают исполнение бюджетных параметров по социальной политике.

3. Отдельное место в совокупности институтов государственной власти субъектов федерации занимает институт государственно-муниципальной службы, в котором функционируют чиновники федеральной, региональной и муниципальной бюрократии.

4. Особую роль в системе институтов государственной, региональной и муниципальной социальной политики играют финансируемые из бюджета учреждения социального обеспечения и защиты, социального страхования и социальной работы.

5. Наконец, не только в развитых странах, но и в современной России в реализации социальной политики заметную роль играют различные институты гражданского общества, среди которых особое место занимают профессиональные союзы, целенаправленно отстаивающие социально-трудовые права и интересы трудящихся на предприятиях всех форм собственности. Наряду с ними возрастает значение разнообразных правозащитных организаций, среди которых известной активностью отличаются общества защиты прав потребителей, инвалидов и др.

Правда, даже оптимальная структура и функциональные характеристики политических институтов системы социальной политики не гарантируют эффективность социальной политики в том случае, если ее исполняют непрофессиональные и коррумпированные представители социальных субъектов. Условием успеха здесь является единство системы оптимально организованных и функционирующих институтов, с одной стороны, и квалифицированных, ответственных социальных субъектов, — с другой.

Существенную роль в управляющем комплексе социальной политики играют процессуально-нормативные компоненты, представленные полным управленческим циклом, регулируемым разнообразными нормативными установлениями. В рамках данного цикла социальные субъекты и институты государственной и муниципальной власти участвуют в разработке и осуществлении эффективной социальной политики. Для этого сегмента одним из главных условий обеспечения эффективности социальной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях является строгое следование нормам действующих нормативных правовых актов (Конституции, Кодексов, Федеральных законов, региональных законов и муниципальных правовых актов), а также — соответствие их деятельности требованиям основных фаз полного управленческого цикла. Последнее предполагает осуществление социальными субъектами и институтами политической власти такой правоприменительной практики, которая включала бы в себя неукоснительное исполнение социальных статей Конституции страны, социальных кодексов и законов, других нормативных правовых актов по вопросам социальной политики и совершенствования социальной сферы. И здесь решающее значение имеет не столько качество самих социальных законов и других нормативных правовых актов, сколько их неукоснительное исполнение должностными лицами и органами региональной государственной власти.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что качественные социальные законы и обстоятельное право-применение должны осуществляться поэтапно в рамках основных стадий полного управленческого цикла, включающее в себя регулируемые нормативными правовыми актами политико-управленческое воздействие на социальную сферу общества. Это воздействие призвано исходить из строго научной оценки состояния и тенденций функционирования социальной сферы и осуществляться последовательно. Первая стадия — программная — включает в себя выработку и принятие политических решений об управленческом воздействии на социальную сферу сообщества, включая целеполагание, разработку «дерева целей» социальной политики, а также — определение основных принципов, методов, технологий и средств реализации поставленных целей. Вторая стадия — практическая — предусматривает организацию и исполнение политических решений на практике, упорядочение и регулирование функционирования и развития социальной сферы общества, другие операции воздействия на социальную сферу общества, включая учет и контроль за исполнением принятых политических решений. Наконец, немаловажное значение имеет третья — результирующая — стадия полного управленческого цикла, на которой обобщаются итоги реализации социальной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Социальная политика базируется на научно обоснованных принципах и реализуется с использованием апробированных на практике методов и технологий. Такие принципы, методы и технологии являются составной частью содержания полного управленческого цикла социальной политики как системного образования. Как принципы, так и методы политики подразделяются на общие и специализированные. Первые применяются во всех видах политики и имеют универсальный характер. В научной литературе к ним относят принципы объективности, конкретности, основного звена, оптимальности, обратной связи, соответствия юридическим нормам и др. К отраслевым принципам принято причислять основополагающие правила, применяемые в политическом управлении отдельными сферами общества, либо используемые только в конкретных видах государственной политики. В совокупности специфических принципов отдельного внимания заслуживают те из них, которые применяются главным образом в социальной политике государства. Они, без преувеличения, относятся к числу приоритетных в любом обществе. Их последовательное осуществление в развитых странах современного мира привело к формированию социального рыночного хозяйства (экономики благосостояния) и социального государства (государства благосостояния).

В научной литературе в этой связи высказывается мнение о том, что в политическом процессе воздействия государства на социальную сферу общества следует руководствоваться такими универсальными принципами, как неприкосновенность личности и собственности, социальная справедливость, федерализм, стабильность общества, народовластия и конституционности. Наконец, базовыми принципами социальной политики являются социальная солидарность, социальная поддержка, социальное партнерство, социальная ответственность, социальная компенсация и социальные гарантии¹².

Перечисленные принципы имеют самое непосредственное отношение к социальной политике в переходном обществе, к которому в полной мере относится современная Россия. Если в развитых зарубежных странах данные принципы уже давно стали повседневной управленческой реальностью, то для деятельности российских правительственных и муниципальных институтов характерно лишь их начальное освоение, которое зачастую не идет дальше их декларативного признания. На практике эти принципы подчас не осуществляются, но должны составлять основной арсенал современной социальной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в переходном российском обществе.

---

¹² См.: Торлопов В. А. Социальная политика в России: История и современность. СПб., 2000. С. 256–258.

Наряду с принципами, ведущую роль в осуществлении эффективной социальной политики играют также методы политического управления, которые тоже подразделяются на универсальные и специфические. К первым относятся такие универсальные способы управленческого воздействия, как организационно-административные (директивные) и экономические методы, а также методы морального стимулирования. Среди современных специализированных методов, используемых в государственной и муниципальной социальной политике, существенную роль играет программно-целевой метод, позволяющий обеспечить «точечное» решение актуальных социальных задач. Наряду с ними, в последние годы в государственной социальной политике начинает применяться метод социального трипартизма, т. е. генеральных соглашений между правительством, работодателями и профсоюзами, как выразителями социально-трудовых интересов наемных работников, — об условиях оплаты, охраны и стимулирования труда, а также — о многих других социальных вопросах в масштабах государства. В России уже действует восьмое такое соглашение. Первое из них было подписано еще 29 декабря 1995 г., а последнее (ныне действующее) — 30 декабря 2010 г. Отличительной особенностью вышеназванных генеральных соглашений является подробное изложение в специальных разделах основных целей, принципов и методов согласованной деятельности Правительства, профсоюзов и работодателей в области экономической и социальной политики. На региональном уровне метод трипартизма дополняется генеральными соглашениями между администрацией, работодателями и профсоюзами краев, областей, городов. Наконец, на уровне хозяйственных единиц «трипартизм» дополняется методом «двупартизма», который воплощается в практике заключения ежегодных коллективных договоров между администрацией предприятий, фирм, корпораций и организаций всех форм собственности и трудовыми коллективами в лице профсоюзных организаций.

Последним видом компонентов управляющего комплекса системы социальной политики выступают ресурсные (инфраструктурные) элементы, к которым относятся бюджетные и материально-технические средства, социокультурные объекты, учреждения здравоохранения, народного образования, системы социальной защиты и страхования и др. Все перечисленные компоненты составляют системное содержание современной социальной политики на любом уровне ее разработки и реализации. Благодаря их наличию как федеральная, так региональная и муниципальная социальная политика приобретает системный характер и начинает оказывать позитивное влияние на все другие подсистемы общества, способствуя укреплению стабильности государства. Ведь там, где благодаря активной и целенаправленной социальной

политике последовательно удовлетворяются основные нужды и потребности разных групп населения, — не только растет уровень и качество жизни людей, но и происходит консолидация общества, ибо люди начинают больше доверять власти и ценить стабильность государства как фактор роста их благосостояния. В результате такой объективный фактор, как повышение уровня и качества жизни, — с необходимостью обуславливает возникновение и усиление другого, уже субъективного фактора — политического доверия к власти, проводящей заботливую социальную политику в интересах всех основных групп населения, включая повышение уровня ее легитимности.

В современном российском обществе, только еще выходящем из кризиса 2008/2009 годов, социальная политика государства все еще не имеет системный характер, не отвечает современным вызовам и не способна решать острейшие проблемы текущего момента¹³. Такая несистемная социальная политика вряд-ли способна обеспечить необходимый рост среднего класса, повышение уровня и качества жизни населения, совершенствование всей социальной сферы и тем самым — позитивно влиять на стабильность государства и общества в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер Л. Е. Нестабильные социальные состояния. М., 2005.
2. Бороноев А. О. Проблема становления социальной стабильности в постсоветской России // Россия и Китай: динамика реформирования и развития / под ред. Н. Г. Скворцова. СПб., 2005.
3. Галкин А. А. Стабильность и изменения сквозь призму культуры // Политические исследования. 1998. № 5.
4. Григорьева И. А. Социальная политика: взаимодействие государства, общества и человека. СПб., 2005.
5. Жириков А. А. Политическая стабильность российского государства (Этнополитический анализ). М., 1996.
6. Капущин В. М. Социальная политика и право // Российский журнал социальной работы. 1998. № 8.
7. Конституция Российской Федерации. М., 1993.
8. Лазарев М. В. Политическая лояльность как фактор стабильности государства: автореф. дис. ... д-ра пол. наук. М., 2004.
9. Левада Ю. А. Стабильность в нестабильности // Общественные науки и современность. М., 2003. № 5.
10. Макарычев А. С. Стабильность и нестабильность при демократии // Политические исследования. 1998. № 1.

---

¹³ См.: Обретение будущего: Стратегия 2012. Доклад ИНСОП. С. 130. — Электронный ресурс: www.riocenter.ru

11. Милецкий В. П., Казаринова Н. В. Системное содержание современной социальной политики. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010.
12. Негрова М. С. Политические факторы стабильности российского общества: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. пол. наук. СПб., 2009.
13. Основы стабильности общества: Теория и практика / общ. ред. Я. А. Пляйса, Г. В. Полуниной. М., 2001.
14. Паутова Л. А. Повседневное представление о стабильности. Омск, 2004.
15. Савин С. Д. Институциональные факторы стабильности российского общества // Общество и власть: Проблемы взаимодействия / отв. ред. В. Д. Виноградов. СПб., 2006.
16. Савин С. Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2003.
17. Семигин Г. Ю. Политическая стабильность российского общества в условиях реформ. М., 1996.
18. Смирнова Т. М. Социологическое исследование социальных проблем: интегративный подход: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. СПб., 2010.
19. Торлопов В. А. Социальная политика в России: история и современность. СПб., 2000.
20. Холостова Е. И. Социальная политика. М., 2001.
21. Шрейдер В. Ф. Региональное измерение социальной политики местного самоуправления (на примере г. Омска): автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2006.

В. Ф. БЕЗУГЛЫЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МОБИЛИЗИЦИОННЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Практически все исследователи относят этническую идентичность к центральной проблеме этнополитических конфликтов. Само явление этноса и этничности привлекают к себе внимание именно с этой, конфликтной точки зрения и, соответственно, — с точки зрения проблемы «контраверсивности» этнической идентичности. Для одних авторов, например, — примордиалистов, межэтнический конфликт есть следствие культурных различий между этническими группами, аккумуляровано выражающихся в этнической идентичности, для других, — конструктивистов и инструменталистов — не различия идентичностей ведут к этническим конфликтам, а спекуляции этими различиями.

В этом смысле достаточно широкое по сути понятие идентичности все чаще интерпретируется и используется в научной литературе преимущественно в соотношении именно с понятием этничности. Концептуальная роль данного понятия в анализе социальных и прежде всего этнических конфликтов — обусловила даже возникновение «теории идентичности».

Значимость идентичности как некоторой семантической составляющей, как когнитивно-мотивационной основы групповой солидарности, — побуждает некоторых авторов даже к дефиниции этничности посредством данного понятия. То есть идентичность рассматривается как базисное основание, на почве которого конструируется этническая группа. Но, как представляется, значение идентичности не столько в том, что она организует саму совокупность характерных этнических признаков и свойств в целостность, сколько в том, что она определяет почву солидаристских ориентаций этнической группы. Как отмечает В. А. Тишков, «отличие более современной (в отличие от органистического видения этноса. — В. Б.) интерпретации этничности заключается не в добавлении в дефиницию этноса каких-то новых признаков,

а во введении в любой их перечень элемента «представления об этих признаках». Другими словами: признаком этнической общности является не «общее происхождение», а представление или миф об общей исторической судьбе членов данной общности»¹. Значимый концептуальный смысл этой «более современной интерпретации» сущности этничности, производной из идентичности, В. А. Тишков раскрывает следующим образом: «Во-первых, существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собою *социальные конструкции*, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. Суть этих общностей (или социально конструируемых коалиций) составляет разделяемое индивидуумами *представление* о принадлежности к общности, или *идентичность*, а также возникающая на ее основе солидарность.

Во-вторых, границы общностей, образуемых на основе *избранных* культурных характеристик, и содержание идентичности подвижны и изменяются не только в историко-временном, но и в диахронном, ситуативном плане, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков.

В-третьих, *конструируемая* и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями или стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на *внешние вызовы* через солидарность одинаковости... (везде курсив наш. — В. Б.)

В контексте этих представлений можно попытаться дать общее определение этнической группы как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях. Этими «другими» могут быть не только контактирующие с ней культурные общности, но и более широкие социальные и культурные коалиции, например, государственные образования»².

Как видим из данного пространного фрагмента рассуждений одного из авторитетных отечественных этнологов, — с этнической идентичностью связывают не только сущностный контекст такого социального явления, как этнос, но и ищут объяснения мотивационных рефлексий этноса относительно соседних этнических или иных социальных коалиций. Чуть ниже сказанного автор становится еще категоричней в понимании связи этноса и идентичности: «По

---

¹ Тишков В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. ст. / под ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М., 1997. С. 29.

² Там же. С. 28–29.

сути, пишет он, — основным в феномене этничности является понятие идентичности, близкое по смыслу понятию этнического (само)-сознания³.

Соответственно в рамках предмета нашего исследования для нас важно раскрыть природу самой идентичности, предпосылки и условия ее возникновения и видоизменения, ее онтологические пространственно-временные характеристики, ее место и роль в мотивации человеческой деятельности, реальную функцию в консолидации этнической общности. При этом, учитывая, что этническая идентичность есть лишь одна из форм коллективной самоидентификации, — важно понять специфичность ее конструирования и актуализации в качестве организующего начала солидарного поведения членов группы.

Прежде всего, что понимается под понятием идентичности? В самом общем виде это — некоторое прочное ощущение индивидом или группой самого себя, своего «Я». Это некоторый образ нашего «Я», который мы носим и позиционируем вовне, это наш автостереотип. Впервые понятие идентификации было введено З. Фрейдом и в контексте его позиций означает некоторое сопоставление, тождество с чем-либо. Согласно З. Фрейду, каждый индивид в процессе социализации формирует свой идеал «Я», сообразуясь с множеством образцов и моделей поведения, согласующихся с его представлениями о должном и предпочтительном. Хотя выбор этого образца «Я» является более или менее сознательным, он, тем не менее, содержит в себе и бессознательное, а также — отражает в себе определенную коррелированность с внешними условиями⁴. Формирование этого образца, самоидентификация есть момент одновременно и самоопределения, автономизации личности через локализацию его индивидуальности, и реконструкция социально значимых черт и свойств, способствующих лучшей адаптации к внешней среде. Соединяя в конструируемом «Я», посредством сети идентификаций, множество свойств, адаптивных к внешним условиям, — индивид как бы ищет соединения себя с этими условиями как моментом устойчивости своего существования.

Развернутый анализ феномена идентичности представлен в работах американского социолога Э. Эриксона, чьи исследования в данной области остаются наиболее содержательными и полными. Здесь, собственно, наиболее убедительно раскрыта роль идентичности в обеспечении адаптивности поведения индивида, обеспечивающее ему чувство своей органической принадлежности к своему историческому времени и эпохе, к свойственному этой

---

³ Там же. С. 30.

⁴ См.: Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / сост. науч. ред., авт. вступит. ст. М. Г. Ярошевский. М., 1990. С. 425–439.

эпохе типу межличностного и социального взаимодействия⁵. То есть речь идет об освоении индивидом стандартов поведения, мышления, ценностей и т. д., приемлемых социальной средой его существования.

Именно то обстоятельство, что идентификация является существенным моментом социализации личности, моментом обретения человеком устойчивости и определенности социального бытия, — она становится некоторым остовом статусно-ролевой определенности, посягательства на которую несут в себе угрозу самому существованию индивида. Идентичность представляет собой основу и средство достижения гармонии в соотношении собственных представлений человека о себе и восприятия его окружающими. Она есть момент гармонизации индивидом своего личностного «Я» с социальным «заказом», без чего личностное «Я» оказывается лишенным устойчивой почвы существования. По сути, идентичность есть освоенная индивидом пластика социального дискурса, который не может состояться успешно без «узнавания» и адекватного «прочитывания» внешними партнерами.

Важным для понимания сущности идентичности, на наш взгляд, является и предложенное Э. Эриксоном структурирование идентичности на «Я-идентичность» и «социальную идентичность». «Я-идентичность» состоит из органической ее части и индивидуальной. В органической части она покоится на данности определенного физического облика и природных задатков, а индивидуальный ее контекст определяется осознанием человеком своей уникальности, неповторимости, стремления к развитию и осуществления своих интересов и дарований. Социальная же идентичность состоит из групповой и психосоциальной идентичностей. Групповая идентичность выражается во включенности личности в различные социальные общности и воспроизводится субъективным ощущением генетического единства со своим окружением, а психосоциальная — обеспечивает индивиду чувство значимости своей принадлежности к данному сообществу⁶.

По сути, значимость и социально-психологические функции «Я-идентичности» и групповой идентичности вполне тождественны, поскольку реально групповая идентичность существует посредством тех же механизмов индивидуальной психики: «групповая идентичность — это сумма общепринятых норм и образцов, берущих начало в поведении отдельных людей»⁷. Вместе с тем, как замечает Ю. Хабермас, «неверно было бы представлять себе групповые идентичности как Я-идентичность в увеличенном масштабе. Между

---

⁵ См.: Erikson E. *Insight and Responsibility*. New York, 1964. P. 203.

⁶ Ibid. P. 675–678.

⁷ Ачкасов В. А. *Этнополитология: Учебник*. СПб., 2005. С. 19.

групповой и индивидуальной идентичностью имеется не аналогия, а отношение взаимодополнительности»⁸. Эта «сумма общепринятых норм и образцов», относящаяся к группе, — занимает, как правило, лишь вторичный, третичный и т. д. пласты этой идентичности, ожидая условий своей актуализации.

Именно адаптивная функция идентичности, — как индивидуальной, так и групповой, — делает ее, на наш взгляд, реальной когнитивной площадкой, устойчивость или неустойчивость которой и порождает социальные фрустрации и кризисы идентичности. Любые динамические подвижки социальной среды, средством адаптации к которой и выступает идентичность, — деформирует функциональную полноту идентичности, порождая, согласно Э. Эрикссону, нормативные, психосоциальные кризисы, выражающиеся в активном переосмыслении своего места в социуме, своих целей, интересов и отношений с окружающим миром.

Любой кризис идентичности, будь то индивидуальный или групповой, вызывает схожие психосоциальные последствия: фрустрацию, депрессию, социальную депривацию, агрессивность, внутренний или внешний конфликт. Каждый из таких кризисов Э. Эриксон рассматривает не только с его негативной стороны, но и позитивной, поскольку психосоциальный кризис и его последствия есть необходимый этап освоения и личностью, и группой новой идентичности, адекватной новым социальным реалиям, без чего была бы невозможна эволюция цивилизации. Подытоживая эту логическую цепочку взаимосвязи кризиса идентичности с общественными подвижками, П. Бергер и Т. Лукман отмечают: «Процесс этот не является односторонним и механическим... а предполагает диалектическую связь между объективной и субъективно установленной идентичностями»⁹.

Таким образом, целый ряд групповых идентификаций преломляется посредством такой диалектической взаимосвязи в индивидуальную и обратно, как «сознательное отнесение себя к какой-либо этнической общности», представляющее как «использование тех или иных этнических ярлыков и их конкретное толкование»¹⁰. При этом, по многочисленным социологическим исследованиям, — в структуре социальных идентификаций личности одно из наиболее существенных мест занимает именно этническая самоидентификация. В совокупности социальных позиций, статусов, ролей, в каждой из которых фор-

---

⁸ Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности: философские и политические статьи. Донецк, 1999. С. 76.

⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 254.

¹⁰ Ethnic Edentity: Cultural Continuties and Change / ed. by G. de Vos, L. Romanucci-Ross. Chicago; London, 1982. P. 16.

мируется своя константа в личностной самоидентификации, — этничность представляет собой наиболее устойчивую категоризацию идентичности.

Другое дело, что сама этничность и ее идентификационные параметры, как социальное явление, — достаточно подвижны и находятся в постоянной трансформации от менее значимых состояний к более значимым и обратно. Исследование этой «подвижности» содержания этничности убедительно свидетельствует о социометрии, о социальных детерминантах данного явления. Анализ динамических характеристик этнической идентичности показывает, что она представляет собой «изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю и используемое в разных контекстах»¹¹ в зависимости от условий и внешнего «спроса» на этническую идентичность. «Спрос» на нее возрастает, по всей видимости, в условиях динамичных социальных изменений, когда иные социальные идентификации утрачивают устойчивую функциональность в качестве средства социальной адаптации и этническая идентичность оказывается наиболее стабильной моделью преодоления фрустрации и аномии (состояния принципиальной неопределенности, непредсказуемости социальных позиций).

Тем самым, как мы видим, место этнической самоидентификации в структуре личностного самоопределения — непостоянно. Его реальное значение в личностной идентичности зависит от той адаптационной роли этнической идентичности, которая «предписывается» ей объективной ситуацией, складывающейся из диалектического единства между «объективной и субъективно установленной идентичностями». «Идентичность — это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определенного дискурса»¹². Эта корреляция этнической идентичности с внешними условиями показывает, с одной стороны, — ее объективную социальную обусловленность, а с другой стороны, — то обстоятельство, что «субъективная установка» идентичности, хотя и имеет важное значение в отборе соответствующих признаков, — не так безгранична, как мыслится критиками примордиализма.

Здесь особенно очевидно, что тезис инструментализма о принципиальной факультативности этнической идентичности, ангажированности ее внешними «заказчиками» — имеет свои слабые стороны. Этот «факультативный» внешний «заказ» явно не исчерпывает весь набор факторов, обуславливающих актуализацию этнической идентичности и этническую мобилизацию масс. Внешний субъективный «заказ» должен накладываться на благоприятную

---

¹¹ Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 11.

¹² Neumann I. B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2. P. 349.

объективную ситуацию, чтобы успешно локализоваться и актуализироваться в «Я-образе» личности как *актуальный параметр социальной позиции*. Как совершенно справедливо замечает В. А. Ачкасов, «в кризисном, нестабильном социуме значимость этнического “Я” существенно повышается, а в период социальной устойчивости как бы отходит на задний план»¹³, оказываясь на периферии значимых социальных характеристик.

Отмечая справедливость данного замечания в его общем содержании, — разделяемого, кстати, многими отечественными и зарубежными исследователями, — считаем нужным оговорить, однако, что этот тезис представляет собой лишь первое приближение к пониманию сути проблемы, определяемой как феномен «этнизации политики» или «политизации этничности». Проблема, как нам представляется, должна рассматриваться не только в рамках дихотомичности формата «кризис — устойчивость», но и через анализ существа и природы самого социального кризиса. Скажем, признаваемая всеми экспертами устойчивая стабильность современного состояния российского общества дает мало оснований для отнесения этнической идентичности уже к периферийным социальным идентификациям россиян. Без ясности в этом вопросе трудно понять ту легкость, с которой этническая идентичность оказывается ангажированной мобилизующей силой политической активности этноса в современной России.

Проблема подвижности характеристик этнической идентичности — есть лишь одна, хотя и исходная, парадигма понимания ее сущности. Вслед за ней встает проблема истоков формирования этнической идентичности, ее качественной определенности, то есть — проблема предпосылок и условий, факторов, обуславливающих ее возникновение и конструирование ее значимых качественных характеристик. Это также — проблема места и роли, функций этнической идентичности в «этнизации политики» и росте конфликтогенности социума, а также — проблема способов и механизмов замещения этнической идентичностью всех прочих значимых социальных позиций и ролей. Инструментализм, на наш взгляд, отвечает непосредственно на последний из вопросов, опуская анализ и ответы на хронологически и методологически предшествующие ему познавательные задачи.

Какова природа этнической идентичности? Как она возникает, в какой мере и в силу каких причин именно этническая идентичность оказывается способной заместить все другие значимые пластики социального бытия? Или другими словами: «как национализму удается выигрывать состязание не только с личностным эгоизмом, но и с такими формами групповых иденти-

---

¹³ Ачкасов В. А. Этнополитология. С. 37–38.

фикаций, как семья или община, у которых гораздо больше оснований претендовать на личность. Чем объясняется альтруизм по отношению к нации или этнической общности в ущерб интересам группы, с которыми личность связана непосредственно?»¹⁴ Ответы на эти вопросы важны для правильного понимания истоков актуализации этнической идентичности и ее повышенной конфликтности в современных условиях российской действительности.

Мы уже отмечали, что этничность представляет собой одну из наиболее ранних исторических форм социализации человека. Вместе с выходом из животного царства и освоением собственно социальных форм жизнедеятельности — формирования и отправления своей жизни посредством специфического типа отношения и взаимодействий, — человек замещает животную стадность своего существования формами социальной общности. Первичными формами организации таких общностей, как известно, предстают род и, как результат его социального развития, — племя, объединяющее совокупность родов. Расширение и умножение хозяйственных связей и социокультурных форм общения и взаимодействия образует и более широкую, родоплеменную среду существования человека. Именно в рамках племени, где связи между его членами опосредованы более сложными отношениями, чем в первичном его ядре — роде, очевидно, возникает набор особых рефлексий, на почве которых образуется качественно новая семантика осознания и конструирования протоэтнической общности.

Согласно утвердившимся в социальной антропологии представлениям, формирование социальной общности последовательно проходит через родоплеменные отношения к народности, а затем — и к нации. Несмотря на некоторые дискуссии в литературе относительно соотношения понятий народа (или, другими словами, — этноса) и нации, мы отвлечемся от них: они не так принципиальны для нашего анализа. Мы согласны с закрепившейся в качестве доминирующей точкой зрения, согласно которой нацию корректней интерпретировать в смысле гражданской, связанной с возникновением и развитием государства формы общности, а не этнической. В этом смысле этничность представляет собой одну из первичных исторических форм социализации, в рамках и посредством которой человек осваивает свой специфический способ существования, отличный от животного уровня жизни. Именно стадность, постепенно трансформирующаяся в коллективность, — находит себе прибежище и социальное оформление в этничности со всей совокупностью стандартов и норм верований, морали, традиций, представлений, формирующих когнитивные образы этой коллективности.

---

¹⁴ *Тишков В. А.* Идентичность и культурные границы. С. 33.

Для формирования этничности и соответствующей рефлексивной ее интерпретации в этнической самоидентификации были, очевидно, существенными как социальные факторы, — в качестве объективных предпосылок, так и психологические, — выражающие внутренние запросы личностного развития человека. «Религия и национализм, равно как и любая традиция, а также верование, — отмечает Э. Фромм, — какими бы абсурдными или постыдными они ни были, если только они связывают одного человека с другим, — являются спасительным прибежищем от того, чего человек больше всего боится: изоляции»¹⁵. Страх одиночества, согласно Э. Фромму, — особенно в условиях атомизации общества и распада традиционных связей и отношений, — толкает личность променять любую обретенную или дарованную свободу на чувство защищенности, которое дает принадлежность к группе.

Это не обязательно может быть этническая группа. Для такой групповой идентификации может служить профессиональная группа, статусная группа, демографическая и т. д., но которая формирует конфигурацию «...значимых представлений действующего о себе и других, которая опосредует инструментальный, групповой и индивидуальный уровни действия, удерживая **определенность** (курсив наш. — В. Б.) социальной личности в разнородном контексте противоречивых и альтернативных мотивов, интересов, интенций, желаний или социальных требований»¹⁶. Какая идентификационная группа может оказаться эффективной площадкой социальной адаптации и «удержания определенности» существования и воспроизводства социальности индивидуального бытия — зависит от целого ряда социальных факторов структурного уровня.

Будучи одним из исторически ранних типов социализации индивида через этническую общность, — этническая идентичность остается способом организации социального и культурного пространства индивида, пока традиционное общество не сталкивается с индустриальным, а потом уже и постиндустриальным обществом. В последнем особенно явно заметно, что устойчивость индивидуального существования синхронизировано с динамикой подвижности социума. В кратные разы возрастающая дифференциация и стратификация общества предлагает широкий набор статусных позиций и ролей, лишь адаптируясь и осваивая которые индивид находит устойчивые социальные позиции. То есть социальная пластика существования человека, казалось бы, преодолевает локальность этнически окрашенного культурного и социального пространства жизнедеятельности как единственно существенного социального модуса воспроизводства своего «Я»?

---

¹⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 20.

¹⁶ Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002. М., 2004. С. 271.

То есть, подобно тому, как индивид в своем личностном развитии после отроческого возраста проходит сложный процесс все более широкого освоения новых социальных ролей, новых, более широких и емких социальных коммуникаций, принципиальных для его устойчивого самовоспроизводства, — этничность, как значимое социальное пространство бытия человека, должна, казалось бы, превратиться в архаичные модели его идентификационных характеристик. Но современный исторический опыт говорит об обратном. В чем причина данного явления и есть ли объективные основания для актуализации этнической идентичности как мобилизационного фактора политических конфликтов?

Если коротко, то такие причины могут состоять лишь в том, что социальное пространство жизнедеятельности индивидов оказывается настолько размытым, что в нем не локализуются сколько-нибудь устойчиво прочие идентификационные диспозиции социальных субъектов, кроме этнических. Пореформенный этап развития российского социума, по сути, — выдавливает деятельностных субъектов из устойчивых ниш широкого спектра социального бытия, оставляя доступной для широких слоев населения лишь этнические стратификационные позиции как устойчивые и предсказуемые модели социального модуса воспроизводства своего «Я».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ачкасов В. А.* Этнополитология: учебник. СПб., 2005.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
3. *Гудков Л.* Негативная идентичность: статьи 1997–2002. М., 2004.
4. *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.
5. *Тишков В. А.* Идентичность и культурные границы. // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: сб. ст. / под ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М., 1997.
6. *Фрейд З.* Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., вступит. ст. М. Г. Ярошевский. М., 1990.
7. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.
8. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности: философские и политические статьи. Донецк, 1999
9. *Erikson E.* Insight and Responsibility. New York, 1964.
10. *Ethnic Eidentity: Cultural Continuties and Change / ed. by G. de Vos, L. Romanucci-Ross.* Chicago; London, 1982.
11. *Neumann I. B.* Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. 1993. Vol. 7. N 2.

А Н Н О Т А Ц И И

Алдаганов М. М. «Общество и власть: дихотомия сосуществования и возможности компромисса»

Статья раскрывает природу системного кризиса российского социума с позиций конфликтологической парадигмы и намечает возможные пути выхода из него.

Ключевые слова: экономические реформы, социальная структура, социальный дегруппинг, безопасность, социальный компромисс.

Антонов М. В. Проблематика системности права в «нормативных системах»

В данной работе автор исследует значимость выдвинутых в работе К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина «Нормативные системы» правовых идей для развития отечественной юриспруденции. Особый акцент делается на проблематике системности права, где российское правоведение сталкивается с многочисленными теоретическими трудностями, разрешить которые, по мнению автора, частично способна теория нормативных систем.

Ключевые слова: право, системность, юриспруденция, правоведение, нормативные системы

Безуглый В. Ф. Этническая идентичность как мобилизационный фактор политических конфликтов

В статье рассматриваются объективные предпосылки, обуславливающие актуализацию и рост этнической идентичности как мобилизационного фактора политических конфликтов. Эти предпосылки определяют ослабление социально-экономических стратификационных диспозиций субъектов деятельности в пореформенный период развития России.

Ключевые слова: этничность, идентичность, социальная стратификация, социальная структура, когнитивные и онтологические модусы идентичности.

Богачев А. В. Конфликты власти и политической оппозиции в современном Татарстане

В статье анализируются конфликты во взаимоотношениях власти и оппозиции в Татарстане со второй половины 1980-х годов по настоящее время. Делается вывод о том, что демократические механизмы разрешения этих кон-

фликтов не являются характерными для политической ситуации в современном Татарстане.

Ключевые слова: конфликт, власть, элита, оппозиция, партия, демократия, авторитаризм.

Быстрянец С. Б. Ошибки и противоречия процедуры измерения в социологических исследованиях

Статья посвящена особенностям процедуры измерения в социальных науках. Отмечается характер процедуры измерения и противоречия, возникающие в процессе измерения в социальных науках. Эти противоречия возникают вследствие некоторых тенденций, вступающих в «конфликт» одна с другой при осуществлении измерения. Таковыми являются: необходимость измерять и ошибка в измерении, мистика количества и валидность, чувствительность измерения и мнимая точность.

Ключевые слова: измерение, мистика количества, валидность, ошибка в измерении, мнимая точность, чувствительность измерения.

Григорьева И. А., Коцюбинский Д. А., Шманкевич Т. Ю.

Мониторинг социально-трудовых конфликтов. К постановке проблемы

В статье идет речь о том, как должен быть организован мониторинг трудовых конфликтов, об истории трудовых конфликтов в России, разнообразии их форм и об Интернете как информационном источнике мониторинга конфликтов.

Ключевые слова: мониторинг социально-трудовых конфликтов, история изучения трудовых конфликтов в России, забастовки и другие формы протестной активности, информационные источники мониторинга.

Грязнова Е. В., Матяева И. Л. Дистанционное образование в структуре общества знания

В данной статье представлен анализ дистанционного образования как элемента социальной системы, который позволил рассмотреть его в качестве компонента образовательной сферы, выделив в нем такие основные составляющие, как потенциал (потребности, способности), деятельность, социальные отношения и институты.

Авторами статьи сделан акцент на исследования проблем дистанционного образования, связанных с тенденциями развития современного общества. Определены основные проблемы дистанционного образования в современном обществе: проблема формирования потенциала дистанционного образования, проблема целостного, комплексного изучения социальных последствий активного использования дистанционного образования.

Ключевые слова: дистанционное образование, общество знания, информационная деятельность.

Гузынин Н. Г. Проблема «прописки» консерватизма в политической истории России

В статье рассматривается состоятельность консерватизма как политического и идеологического феномена в истории России, сущность которого проявлялась в его охранительном характере. Исторический конфликт «консерватизм — либерализм» вел к их взаимоуничтожению, а необходим синтез этих взаимодополняющих начал. В противном случае, с учетом доминирования консерватизма, ни о какой модернизации России не может быть и речи, и в перспективе она будет обречена во имя якобы стабильного развития на застой и неминуемый распад.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, идеология, конфликт, демократия, государство, свобода, модернизация, культура, цивилизация.

Давыдов Л. В., Петраченко А. Е. Конфликтное измерение коррупции и противодействия ей

В статье рассматривается коррупция как конфликт, который возникает на завершающей стадии существования коррупционных отношений, когда появляется явная неудовлетворенность выгодой, получаемой от существования коррупционного союза. Проявляясь как конфликт, коррупция обнаруживает себя, превращается из латентного союза бизнеса и бюрократии в открытый конфликт, который посредством правового противодействия приобретает институциональный характер и должен эффективно разрешаться демократическим, приемлемым для всего российского общества способом.

Ключевые слова: конфликт, коррупция, бизнес, бюрократия, государство, общество, противодействие, демократия.

Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности

В статье раскрывается значение нормативно-правовых предписаний, рассматриваемых автором в качестве начального уровня правовой нормативности, а также в качестве одного из основных средств юридической техники.

Ключевые слова: нормативность права, нормативно-правовое предписание, правовая норма, юридическая техника.

Козлов А. С. Подчинение конфликту

В статье ставятся актуальные для современной отечественной и зарубежной конфликтологии проблемы восприятия конфликта в индивидуальном и

массовом сознании; возможности и условиях его преобразования в рамках конструктивного взаимодействия участвующих сторон; выявления и реализации позитивных функций конфликта. Поставленные проблемы автор анализирует с позиций ненасилия, толерантности и культуры мира, базовых человеческих потребностей и прав человека.

Ключевые слова: конфликт, разрешение конфликтов, безопасное поведение, толерантность, этика ненасилия, социальная рефлексия.

Лисанюк Е. Н. К. Альчуррон и Е. Булыгин о норме в «нормативных системах»

Резюме. К. Альчуррон и Е. Булыгин в «Нормативных системах» выдвигают понятие о норме, которое не является ни абсолютным, ни относительным, строго говоря. В статье отстаивается положение о том, что согласно представлениям авторов «Нормативных систем», идея нормативного отношения лежит за пределами логики и принадлежит социальному регулированию.

Ключевые слова: норма, деонтическая логика, нормативная система, К. Альчуррон, Е. Булыгин, Г. фон Вригт, диадическая логика норм.

Неважай И. Д. О двух типах нормативных систем

В статье дается общее философское определение нормы, обсуждается классификация норм, основанная на таких ментальных отношениях к миру как интенциональность и респонсивность. Обосновывается представление о двух типах нормативных систем, которые имеют место в различных сферах человеческой жизни (мораль, право, наука).

Ключевые слова: норма, типы нормативности, интенциональность, респонсивность, интерпретация и культура правил, именование и культура выражения.

Пермяков Ю. Е. Проблема онтологического единства правовых норм и суждений

В статье рассмотрены вопросы онтологической связи правовых норм и правовых суждений, в которых нормы обретают свойства социального факта. Правовой характер суждения обусловлен полномочиями инстанции, которая персонифицирует собой единство субъектов права.

Ключевые слова: правовая норма, правовое суждение, инстанция, субъект права, правовая реальность.

Тимошина Е. В. Норма права и нормативный факт: основание обязательности норм в философии права Л. Петражицкого

В статье рассматривается связь некоторых идей Л. Петражицкого с развитием юридического позитивизма в XX в.

Ключевые слова: Л. Петражицкий, правовая норма, нормативный факт, юридический позитивизм, деонтическая логика.

Титов В. Д. Вопрос об эффективности права и нормативных систем

В связи с обсуждением эффективности нормативных систем возникает вопрос о «праве в книгах» и «праве в жизни». Реальное существование права означает его осуществление путем непрерывной борьбы за субъективные права.

Ключевые слова: существование права, «естественное» и искусственное право, «право в книгах» и «право в жизни».

Черезов Д. Н. Роль социальной политики в обеспечении стабильности российского государства

Определенную научную актуальность приобретает изучение роли социальной политики в обеспечении стабильности государства и общества в современной России. Для решения этой задачи в статье предусматривается осветить сущность и структурные компоненты социальной политики как системного образования, выявить ее специфику в современном российском обществе и показать ее роль в обеспечении стабильности государства.

Ключевые слова: государство, социальная политика, стабильность.

Честнов И. Л. Диалогичность нормы права

В статье излагается диалогическая концепция нормы права. Диалог понимается как взаимообусловленность действия и структуры (института), выраженной социальным представлением.

Ключевые слова: норма права, диалог, правопонимание.

SUMMARIES

ALDAGANOV M. M. THE POWER AND SOCIETY: THE CONTRADICTION OF EXISTENCE AND POSSIBILITIES OF COMPROMISE.....7

In this article the author is looking through the sources of system crisis of Russian society from conflictology principles and proposes the resolution of problem.

Keywords: economical reforms, social structure, social degeneration, safety, social compromise.

BYSTRIANTSEV S. B. MISTAKES AND ANTAGONISMS OF MEASUREMENT PROCEDURE IN SOCIOLOGICAL STUDIES.....15

The article is devoted to peculiarities of measurement procedure in sociological studies. It describes the character of measurement procedure and antagonisms arising in measurement process in sociological studies. These antagonisms arise as a result of some tendencies which come into conflict with each other during the measurement process. They are: Necessity to make measurement and mistake of measurement, mysticism of quantity and validity, apprehensibility of measurement and imaginary accuracy.

Keywords: measurement, mysticism of quantity, validity, mistake of measurement, imaginary accuracy, apprehensibility of measurement.

KOZLOV A. S. SUBMISSION TO THE CONFLICT.....26

The article is about actual for modern conflictology problems of conflict perception in individual & mass consciousness, possibilities & conditions of its transformation within the limits of constructive interactions of the participating parties, identification and realizations of positive functions of the conflict. The author analyzes the above mentioned problems in accordance with the positions of nonviolence, tolerance and world culture, basic human needs & rights.

Key words: conflict, resolution of conflicts, safe behavior, tolerance, ethics of a nonviolence, a social reflection.

GUZYNIN N. G. PROBLEM OF «REGISTRATION» OF CONSERVATISM IN POLITICAL HISTORY OF RUSSIA.....36

The article deals with the consistency of conservatism as a political and ideological phenomenon in the history of Russia, whose essence is manifested in its protected environment character. The historic conflict «conservatism – liberalism» led to their mutual destruction, but requires the synthesis of these complementary

principles. Otherwise, given the dominance of conservatism about any of Russia's modernization cannot speak and in the future it will be condemned in the name of supposedly stable development of stagnation and imminent collapse.

Keywords: conservatism, liberalism, ideology, conflict, democracy, state, freedom, modernization, culture, civilization.

NEVVAGY I. D. ABOUT TWO TYPES OF NORMATIVE SYSTEMS.....44

In the paper I offer general philosophical definition of norm. I discussed the classification of norms based on such mental attitudes to the world as intentionality and responsivity. I prove two types of normative systems which take place in various spheres of human being (morals, law, science).

Keywords: norm, types of normativity, intentionality, responsivity, interpretation and the culture of rules, naming and the culture of expression.

CHESTNOV I. L. THE LEGAL RULE AS A DIALOGUE.....54

The article sets forth the interpretation of a legal rule as a dialogue. The dialogue is considered as the interdependence of the action and the institution and is expressed in the social notion.

Key words: legal rule, dialogue, interpretation of law.

**LISANYUK E. N. C. ALCHOURRON, E. BULYGIN ON NORMS
IN «NORMATIVE SYSTEMS».....59**

In the «Normative Systems» C. Alchourron and E. Bulygin introduce a notion of norm which is neither absolute nor relative, strictly speaking. In the paper, it is argued that the idea of normative relation, according to them, lies beyond logic and belongs to social order.

Key words: norm, deontic logic, normative system, C. Alchourron, E. Bulygin, G. von Wright, dyadic logic of norms.

**PERMYAKOV U. E. PROBLEM OF ONTOLOGICAL UNITY
OF LEGAL NORMS AND LEGAL JUDGMENTS.....72**

In article are considered questions of the ontological relation of legal norms and legal judgments, in which the norms acquire the properties of a social fact. The legal nature of the judgment due to the powers of jurisdiction, which personifies the unity of the subjects of rights. Metamorphoses in relations of different generations become more and more chaotic and unpredictable. These metamorphoses call into question into preservation of a human civilisation in the equilibrium form, sharply designate a problem of fixing of a problem of relations between generations and practical development of this problem on the basis of a harmonisation principle.

Keywords: legal norm, legal judgement, instance, personal subject, legal reality.

TITOV V. D. QUESTION ON EFFICIENCY OF RIGHT AND NORMATIVE SYSTEMS.....80

In connection with discussion about efficiency of normative systems there is a question about «the right in books» and «the right in a life». Real existence of the right means its realisation by continuous struggle for the subjective rights.

Keywords: existence of right, «natural» and artificial right, «right in books» and «right in life».

TIMOSHINA E. V. LEGAL NORM AND NORMATIVE FACT: FOUNDATION OF VALIDITY OF LEGAL NORMS IN L. PETRAZYCKI'S LEGAL PHILOSOPHY.....88

The paper considers the connection between some ideas of L. Petrazycki and the development of legal positivism in the XXth century.

Keywords: L. Petrazycki, legal norm, normative fact, legal positivism, deontic logic.

DAVYDOVA M. L. LEGAL NORMATIVE PRECEPT AS A PRIMARY LEVEL OF LEGAL NORMATIVITY.....97

The article is devoted to the importance of legal normative precepts which are considered to be the primary level of legal normativity and one of the main instruments of juridical technique.

Key words: normativity of law, legal normative precept, legal rule, juridical technique.

ANTONOV M. V. PROBLEMS OF SYSTEMATIC CHARACTER OF LAW IN «NORMATIVE SYSTEMS».....106

In this paper the author investigates the importance of the legal ideas forwarded by Carlos Alchourron and Eugenio Bulygin for development of the Russian jurisprudence. The author particularly stresses the systematic character of law in which interpretation the Russian legal science experiences numerous difficulties. It is sustained that the theory of Normative Systems is able to solve some of these difficulties.

Key words: law, systematic character, jurisprudence, legal science, normative systems.

GRIGORIEVA I. A., KOTSUBINSKY D. A., SHMANKEVICH T. U. MONITORING OF SOCIOLABOR CONFLICTS. TO PROBLEM STATEMENT.....115

The article discusses problems of manage of Monitoring of sociolabor conflicts in modern Russia and Russian History. There are many forms of labor conflicts, not only strikes. Is I-net a good source for monitoring activity and why?

Keywords: monitoring of sociolabor conflicts. History of studying of labor conflicts in Russia, strikes and other forms of protest activity, information sources of monitoring.

DAVYDOV L. V., PETRACHENKO A. E. CONFLICT MEASURING OF CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION WORK..... 130

The article considers corruption as a conflict that arises at the final stages of the existence of corrupt relationships, when there is clear dissatisfaction from benefit, arising from the existence of corrupt union. As a conflict, corruption is transforming from a latent union of business and bureaucracy in open conflict, which, through legal opposition becomes institutional in nature. This conflict should be effectively resolved by democratic and acceptable way for all Russian society.

Keywords: conflict, corruption, business, bureaucracy, state, society, opposition, democracy.

BOGACHEV A. V. CONFLICTS OF POWER AND POLITICAL OPPOSITION IN MODERN TATARSTAN..... 143

This article analyzes the conflicts in the relationship of power and opposition in Tatarstan in the second half of the 1980s to the present. The conclusion is that the democratic mechanisms for resolving these conflicts are not specific to the political situation in modern Tatarstan.

Key words: conflict, power, elite, opposition, democracy, authoritarianism.

GRYAZNOVA E. V., MATYAEVA I. L. DISTANCE EDUCATION IN STRUCTURE OF KNOWLEDGE SOCIETY..... 154

This article presents an analysis of distance education as a social system, which allowed to consider it as a component of the educational sphere, highlighting therein such pillars as potential (needs), activities, social relationships and institutions. Authors of the article focuses on the research of distance education-related trends in the development of modern society. In conclusion, identified the main problems of distance education in modern society: the challenge of capacity-building of distance education, the problem of a holistic, comprehensive study of the social consequences of the use of distance education in the processes of socialization, etc.

Key words: remote formation, a knowledge society, an information work.

CHEREZOV D. N. THE ROLE OF SOCIAL POLICY IN PROVIDING OF STABILITY THE RUSSIAN STATE..... 165

Definite scientific relevance gets to study the role of social policy in ensuring the stability of the state and society in contemporary Russia. To solve this problem this article makes provisions for illumination of the nature and structural components of social policy as a system of education, and identify its specificity in contemporary Russian society and to show its role in ensuring the stability of the State.

Key words: State, social policy, stability.

**BEZUGLYI V. F. ETHNIC IDENTITY AS A MOBILIZATION FACTOR
OF POLITICAL CONFLICT.....176**

The article deals with the objective conditions that cause growth and actualization of ethnic identity as a factor in the mobilization of political conflicts.

These assumptions determine the weakening of social and economic stratification dispositions of stakeholders in the reform period of Russia's development.

Key words: ethnicity, identity, social stratification, social structure, cognitive and ontological modes of identity.

Авторы статей

Алдаганов М., кандидат философских наук, доцент кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Антонов М. В., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

Безуглый В. Ф., соискатель кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Богачев А. В., кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и конфликтологии Казанского государственного технологического университета

Быстрянец С. Б., кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Григорьева И. А., доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Грязнова Е. В., доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Гузынин Н. Г., кандидат философских наук, доцент Ставропольского государственного аграрного университета.

Давыдов Л. В., кандидат философских наук, соискатель кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Давыдова М. Л., доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета.

Козлов А. С., кандидат философских наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности Московского городского педагогического университета.

Коцюбинский Д. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель Смольного колледжа Санкт-Петербургского государственного университета.

Лисанюк Е. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского госуниверситета.

Матяева И. Л., преподаватель кафедры философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

Невважай И. Д., доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой философии Саратовской государственной юридической академии.

Пермяков Ю. Е., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Самарского государственного университета.

Петраченко А. Е., ассистент кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Тимошина Е.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

Титов В. Д., доктор философских наук, профессор кафедры логики Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого» (Харьков).

Черезов Д. А., соискатель кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор кафедры гос.-прав. дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Шманкевич Т. Ю., кандидат социологических наук, и. о. заведующей НИЛПК ГУП.

Уважаемые коллеги!

Журнал «Конфликтология» публикует статьи по теории конфликта и проблематике, связанной с различными отраслями конфликтологии, а также материалы по проблемам экспертизы, консультирования и практического регулирования социальных конфликтов. На страницах журнала возможна публикация результатов исследований и экспериментов в области конфликтологии, учебно-методических материалов для студентов и преподавателей, библиографических обзоров и рецензий, информации о научных конференциях и семинарах.

Редакционная коллегия «Конфликтологии» приглашает к сотрудничеству ученых, преподавателей, практиков в области анализа и технологий урегулирования конфликтов.

Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и по решению учебного заведения, где осуществляется подготовка диссертационного исследования.

Материалы неправильно оформленные и не соответствующие указанным ниже правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются. Все присланные статьи в обязательном порядке проходят рецензирование. Имена рецензентов авторам не сообщаются. Все статьи проверяются в программе «Антиплагиат». Автор статьи единолично несет ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат и других данных, используемых в статье. Решение о публикации материалов принимается редакционной коллегией «Конфликтологии» в месячный срок после получения рукописи и сообщается автору по электронной почте.

Объем рукописей ограничен. Ключевые статьи — 1–1,5 печ. л. (40 000–60 000 знаков, включая пробелы). Исследования — 0,5 печ. л. (20 000 знаков, включая пробелы). Рецензии — до 0,5 печ. л. (20 000 знаков, включая пробелы). Методические материалы для студентов, аспирантов и докторантов — до 0,8 печ. л. (32 000 знаков, включая пробелы). Материалы «круглых столов» — до 1 печ. л. (40 000 знаков, включая пробелы). Сообщения о научных конференциях, семинарах — до 500 знаков.

Рукописи следует присылать вместе с аннотациями статей на русском и английском языках (объемом до 30 слов) с ключевыми словами, начинающимися с нового абзаца и информацией об авторах (следует указать фамилию, имя, отчество, год рождения, место работы или учебы, ученые степень и знание, приоритетные темы научных исследований, основные публикации, контактный телефон, адрес, e-mail).

Материалы принимаются в электронной версии в редакторе Word (шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, одинарный интервал, автоматическая установка переносов, поля — по 2 см с каждой стороны, отступ 1,25 см) с предоставлением (по возможности) распечатки. Название статьи набирается заглавными буквами по центру строки полужирным шрифтом. Инициалы и фамилия автора печатаются полужирным шрифтом с правой стороны над названием статьи. Текст должен быть тщательно вычитан, в статье не должно быть стилистических погрешностей, фактологических, орфографических и пунктуационных ошибок.

Ссылки на источники даются внизу страницы. Комментарии к тексту даются в постраничных ссылках. Обязательно наличие пристатейного библиографического списка, составленного в соответствии с действующими нормами ГОСТа, в том числе обязательно указываются для монографий издательство, год публикации, общее число страниц. (Убедительно просим всех авторов, оформлять ссылки в соответствии с требованиями, изложенными в документе ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка: общие требования и правила составления»).

Редакция «Конфликтологии» считает возможным опубликовать статьи, теоретические позиции авторов которых представляются дискуссионными. Публикуемые материалы могут не отражать мнение редакционной коллегии и редакционного совета журнала.

Адрес редакции «Конфликтологии»:

199034, Санкт-Петербург, В. О. Менделеевская линия, д. 5.

Тел.: (812) 3289641, 3289421 (доб. 1857)

E-mail с указанием темы сообщения «Для журнала «Конфликтология»»:
issma@mail.ru

КОНФЛИКТОЛОГИЯ
Ежеквартальный научно-практический журнал
№ 4, 2011

Все материалы печатаются в авторской редакции

Главный редактор: Е. Степанов
Дизайн обложки: И. Макеева
Компьютерная верстка: Н. Балицкая

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-21410 от 22 июня 2005 г.,
Индекс издания в каталоге агентства «Роспечать» 20809

Издатель:
Фонд развития конфликтологии
Россия, 199406, Санкт-Петербург, улица Шевченко, д. 25
Телефон (812) 328-97-71; e-mail: issma@mail.ru; <http://conflictology.ru>
ИНН/КПП 7801227743/780101001
ОКВЭД: 73.20 ОКПО: 59525614
р/с 40703810055200109003 в Петроградском ОСБ №1879
Северо-Западного банка Сбербанка РФ (к/с 30101810500000000653, БИК 044030653)

Адрес редакции:
199406, Санкт-Петербург, ул. Шевченко, д. 25
Тел./факс: (812) 328-44-08, (495) 125-61-50;
(812) 328-94-21 (доб. 1857) — кафедра конфликтологии
философского факультета СПбГУ;
+7-904-636-18-17 — редактор-администратор Д. В. Коротаев
E-mail: issma@mail.ru; conf@isras.ru

Подписано в печать с оригинал-макета заказчика 30.09.2011 г.

Формат $70 \times 100^{1/16}$.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ № .

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.